

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

№ 1/2026

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2026 г. Том 17. № 1

2026. Vol. 17. No. 1

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

Главный редактор

Н.Н. Толстых (Россия)

Ответственный секретарь

Е.В. Виноградова (Россия)

Редакционная коллегия

О.А. Гулевич (Россия),
Е.М. Дубовская (Россия),
В.А. Лабунская (Россия),
А.В. Махнач (Россия), Т.А. Нестик (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.К. Радина (Россия),
О.Е. Хухлаев (Израиль),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

Редакционный совет

В.А. Лабунская (Россия),
Х. Паласиос (Испания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
И.Д. Плотка (Латвия), Н.Н. Толстых (Россия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия),
Л.А. Цветкова (Россия), Т.И. Шульга (Россия)

«Социальная психология и общество»

индексируется: ВАК Минобрнауки России,
ВИНИТИ РАН, Ядро Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO,
Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS,
DOAJ, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Издается с 2010 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-67006 от 30.08.2016

Формат 70 × 100/16

Тираж 100 экз.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом.

Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускается только с письменного
разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов публикаций.

Editor-in-Chief

N.N. Tolstykh (Russia)

Executive Secretary

E.V. Vinogradova (Russia)

Editorial Board

O.A. Gulevich (Russia),
E.M. Dubovskaya (Russia),
V.A. Labunskaya (Russia),
A.V. Makhnach (Russia), T.A. Nestik (Russia),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.K. Radina (Russia),
O.E. Khukhlaev (Israel), L.A. Tsvetkova (Russia),
T.I. Shulga (Russia)

Editorial Council

V.A. Labunskaya (Russia),
J. Palacios (Spain),
L.A. Pergamenschchik (Belarus),
I.D. Plotka (Latvia), N.N. Tolstykh (Russia),
A.A. Fayzullaev (Uzbekistan),
K. Helkama (Finland),
L.A. Tsvetkova (Russia), T.I. Shulga (Russia)

“Social Psychology and Society” Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian Federation,
Russian Science Citation Index Core (RSCI Core),
Web of Science (ESCI), Scopus, EBSCO, Ulrich's
Periodicals Directory, ERIH PLUS, DOAJ, VINITI
Database RAS, Google Scholar, Index Copernicus,
East View

Publisher

Moscow State University of Psychology
and Education

The journal is published since 2010

The journal is published quarterly

Certificate number: PI №FS77-67006

Registration date 30.08.2016

Format 70 × 100/16

100 copies

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics
all text and images are the property of MSUPE
and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed only
with the written permission of the publisher.

The views and opinions expressed
in the article are those of the authors and do not
necessarily reflect the views or positions of the
editorial staff.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Лавелина Д.Я., Прусова И.С.* Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью в России 5
- Храпкова Д.Н.* Образ будущего как предиктор психологической адаптации жителей прифронтовых регионов России 23
- Гулевич О.А., Семилетова Л.А.* Как идеологическая поляризация сказывается на семейных отношениях? Роль воспринимаемого психологического климата 41
- Григорьева М.В., Шамионов Р.М., Абуталипова В.К.* Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений 60
- Кузнецова И.В., Медина Бракамонте Н.А., Якупова Р.Р., Кузнецова Е.А., Афанасьева Ю.А.* Психологическое благополучие участника читательского сообщества как референтной группы 77
- Хуснутдинова М.Р., Посакалова Т.А.* Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков 93
- Гуриева С.Д., Ляпина Т.Е., Южкина Е.А., Мальцева А.В., Шилкина Н.Е.* Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи 112

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Михайлова О.Р., Бочавер А.А.* Типологии форм просоциального поведения и возможность их применения в контексте образовательных практик 132

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А.* Адаптация методики диагностики развития карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность» 146
- Завертяева М.А., Найденова Ю.Н., Киреечева А.Д.* Индекс актуальности темы профессионального выгорания 166

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Петровский В.А.* Как корабль назовут... 183
- Толстых Н.Н., Махнач А.В.* Об удвоении термина: жизнеспособность и/или резилентность? 187

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Александрова Е.А., Шорохова В.А.* Межкультурная коммуникация в психологическом консультировании 199
- Журавлев А.В., Зубова Ю.К., Серебренникова Н.А.* Лаборатория событий имени Ю.М. Жукова 210
- Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* Михаилу Юрьевичу Кондратьеву — 70 лет 228

CONTENTS

EMPIRICAL RESEARCH

- Lavelina D.Y., Prusova I.S.* The contribution of social cohesion to life satisfaction in Russia 5
- Khrapkova D.N.* Image of future as a predictor of psychological adaptation among residents of Russia's frontline regions 23
- Gulevich O.A., Semiletova L.A.* How does ideological polarization affect family relationships? The role of perceived psychological climate 41
- Grigoryeva M.V., Shamionov R.M., Abutalipova V.K.* Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations 60
- Kuznetsova I.V., Medina Bracamonte N.A., Yakupova R.R., Kuznetsova E.A., Afanasyeva J.A.* Psychological well-being of a member of the reading community as a reference group 77
- Khusnutdinova M.R., Poskakalova T.A.* The ethics gap in adolescents' online communication 93
- Gurieva S.D., Liapina T.E., Yumkina E.A., Maltseva A.V., Shilkina N.E.* The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth 112

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Mikhaylova O.R., Bochaver A.A.* Typologies of prosocial behaviors and the possibility of their application in the context of educational practices 132

METHODOLOGICAL TOOLS

- Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A.* Adaptation of the questionnaire for career development: "Career engagement scale" 146
- Zavertiaeva M.A., Naidenova I.N., Kireecheva A.D.* The relevance index of the professional burnout topic 166

DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

- Petrovskiy V.A.* As you name the ship... 183
- Tolstykh N.N., Makhnach A.V.* On the doubling of the term: Zhiznesposobnost and / or Resilience 187

SCIENTIFIC LIFE

- Aleksandrova E.A., Shorokhova V.A.* Intercultural communication in psychological counseling 199
- Zhuravlev A.V., Zubova Yu.K., Serebrennikova N.A.* Yu.M. Zhukov event laboratory 210
- Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Yu.* Mikhail Yuryevich Kondratyev: 70th Anniversary 228

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью в России

Д.Я. Лавелина ✉, И.С. Прусова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ dlaavelina@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Глобализация и цифровизация оказывают влияние на разные формы социального взаимодействия, в том числе и на социальную сплоченность. Социальная сплоченность играет важную роль в социальном и психологическом благополучии. Однако результаты прошлых исследований раскрывают роль только ее отдельных компонентов (например, межличностное и институциональное доверие), оставляя открытым вопрос о вкладе разных уровней в удовлетворенность жизнью. Настоящая работа опирается на многоуровневую модель социальной сплоченности, которая включает микро- (межличностное доверие, социальная поддержка, частота взаимоотношений), мезо- (открытость, социальное участие) и макроуровни (принятие существующей системы отношений и легитимность институтов).

Цель. Выявить вклад различных уровней социальной сплоченности (уровней межличностных отношений, групповых отношений и отношений индивида и социальной системы) в удовлетворенность жизнью.

Методы и материалы. В онлайн-исследовании приняли участие 955 россиян (45% женщин, $M_{\text{возраст}} = 36,13$, $SD_{\text{возраст}} = 11,90$), заполнив методики, направленные на оценку социальной сплоченности (межличностное доверие, социальная поддержка, частота взаимоотношений, открытость, социальное участие, принятие существующей системы отношений и легитимность институтов), удовлетворенности жизнью и выявляющие социально-демографические характеристики.

Результаты. Результаты моделирования структурными уравнениями показали отличное соответствие данным ($\chi^2(309) = 1035$, $p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Микро- и макроуровни социальной сплоченности вносят положительный вклад в удовлетворенность жизнью. Однако в отношении мезоуровня не было выявлено представленной тенденции. Только субъективный статус, но не объективный, делал значимый позитивный вклад в удовлетворенность жизнью.

Выводы. Данные результаты свидетельствуют о низком уровне гражданского участия или о выборе альтернативных способов реализации социальных отношений на мезоуровне (через другие уровни социальных отношений), что проявляется в отсутствии не-зависимого вклада мезоуровня в удовлетворенность жизнью. Полученные результаты подчеркивают необходимость многоуровневого анализа в отношении социальной сплоченности и удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: социальная сплоченность, удовлетворенность жизнью, моделирование структурными уравнениями, межличностные взаимоотношения, групповые процессы

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Лавелина, Д.Я., Прусова, И.С. (2026). Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью в России. *Социальная психология и общество*, 17(1), 5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170101>

The contribution of social cohesion to life satisfaction in Russia

D.Y. Lavelina ✉, I.S. Prusova
HSE University, Moscow, Russian Federation
✉ dlavelina@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Globalization and digitalization affect different forms of social interaction (e.g., social cohesion). Social cohesion is an important factor of social and psychological well-being. However, previous research focused on the specific components of social cohesion (e.g., interpersonal and institutional trust) without detailed analysis of the complex model and its contribution to life satisfaction. The present study is based on a multilevel model of social cohesion that includes micro- (interpersonal trust, social support, frequency of relationships), meso- (openness, social participation) and macro-levels (system justification and institutional legitimacy).

Objective. To identify the contribution of social cohesion to life satisfaction.

Methods and materials. A total of 955 Russians (45% women, $M_{age} = 36,13$, $SD_{age} = 11,90$) participated in the online survey and completed the questionnaires of social cohesion (e.g., interpersonal trust, social support, frequency of relationships, openness, social participation, system acceptance, and legitimacy of institutions), life satisfaction, and sociodemographic characteristics.

Results. Structural equation modeling results showed that the model had excellent fit to the data ($\chi^2(309) = 1035$, $p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Micro- and macro-levels of social cohesion contributed positively to life satisfaction without a corresponding effect for the meso-level. Analysis of the socio-demographic factors demonstrated positive contribution to life satisfaction only for subjective socio-economic status.

Conclusions. *The lack of contribution of the meso-level to life satisfaction indicate a low level of civic participation or alternative ways of realization of social relations at the meso-level (through other levels of social relations). The findings emphasize the need for a multilevel analysis of social cohesion and life satisfaction.*

Keywords: *social cohesion, life satisfaction, structural equation modeling, interpersonal relationships, group processes*

Funding. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Lavelina, D.Y., Prusova, I.S. (2026). The contribution of social cohesion to life satisfaction in Russia. *Social Psychology and Society*, 17(1), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170101>

Введение

Глобализация, развитие новых коммуникационных технологий и перестройка формальных структур на уровне государства, требующих социального обеспечения, вызывают вопросы относительно снижения социальной сплоченности в мире (Delhey et al., 2018; Schiefer, Van der Noll, 2017; Schmeets, te Riele, 2014). Однако социальная сплоченность связана со многими позитивными для общества последствиями, например, повышением психологического благополучия и физического здоровья на индивидуальном уровне, большим доверием и поддержкой на уровне межличностных отношений, повышением гражданского участия и, как следствие, более высокими показателями социального благополучия на уровне страны (Chuang, Chuang, Yang, 2013; Delhey et al., 2018; Jen et al., 2010). Социальная сплоченность также оказывает влияние на экономическое развитие (рост инвестиций, ВВП) и повышение качества социальных институтов (образование и здравоохранение) на уровне страны (Bottoni, Addeo, 2024; McCracken, 1998; Williams et al., 2020).

Несмотря на широкий спектр положительных последствий для психологического и социального благополучия, в настоящее время отсутствует конвенциональное определение социальной сплоченности (Tok, Woods, Kong, 2024; Yassim, 2019). В одних случаях исследователи обращаются к описательному подходу, предлагая метафоры («социальный клей», «узы», которые удерживают людей вместе) (Schmeets, 2012) или набор характеристик, которыми обладает сплоченное общество или которые могут увеличить социальную сплоченность в восприятии людей (например, положительная эмоциональная связь между членами общества и сообщество с выраженной ориентацией на общее благо) (Dragolov et al., 2013; Yassim, 2019). Однако такой подход не предлагает необходимых для дефиниции границ конструкта. Другие исследования обращаются к анализу отдельных сторон социального взаимодействия, например, отождествляя социальный капитал и социальную сплоченность (Putnam, Nanetti, Leonardi, 1994). В рамках таких подходов остается открытым вопрос об уровне анализа социальной сплоченности и возможности

экстраполяции результатов на уровень общества.

Представленные дискуссии относительно определения и операционализации конструкта привели к анализу более комплексных моделей, которые позволяют рассматривать социальную сплоченность как целостный конструкт, учитывая разные уровни анализа (а именно — межличностный, групповой и системный) (Tok, Woods, Kong, 2024). Г. Боттони (2018) предложил модель сплоченности, которая не только позволяет учитывать разные уровни взаимодействия, но и объективность/ субъективность этих оснований. Модель рассматривает социальную сплоченность как отношения между отдельными индивидами (микроуровень), между индивидами и социальными группами (мезоуровень) и между индивидами и институтами (макроуровень) (Bottoni, 2018). Каждый уровень представлен как объективными, так и субъективными измерениями, что позволяет измерить и чувство сплоченности, и ее реальное проявление (Bottoni, 2018). Микроуровень представлен измерениями межличностного доверия, социальной поддержки (субъективные основания) и частотой взаимоотношений (объективное основание), мезоуровень — открытостью (субъективное основание) и социальным участием (объективное основание), макроуровень — институциональным доверием (субъективное основание) и легитимностью институтов (объективное основание) (Bottoni, 2018). Рассматриваемая модель показала хорошее соответствие данным в разных культурных контекстах в рамках Европейского исследования ценностей (European Social

Survey; ESS) и в том числе в российском контексте (Агадуллина, Лавелина, 2023).

Помимо анализа содержания и структуры социальной сплоченности, многочисленные исследования обращены к изучению последствий, среди которых особый интерес представляет субъективное благополучие (Bottoni, Addeo, 2024). Субъективное благополучие является комплексным конструктом, который включает когнитивный компонент в виде удовлетворенности жизнью и аффективный — в виде счастья (Baltatescu, 2009). Исследования в разных культурных контекстах показывают, что «счастье» в большей степени зависит от контекста (Rajkumar, 2023), в то время как «удовлетворенность жизнью» представляет более стабильную категорию для анализа, в результате чего включается в общие индексы для оценки благополучия на уровне стран (OECD, 2025). Эмпирические исследования подтверждают, что между социальной сплоченностью и удовлетворенностью жизнью существует позитивная связь, которая сохраняется даже для разных экономических групп (Delhey, Dragolov, 2016). Причем социальная сплоченность рассматривается не только как предиктор, но и как модератор, например, в сплоченных обществах на удовлетворенность жизнью сильнее влияет общность ценностей (Ponizovskiy et al., 2020). Отдельные компоненты социальной сплоченности также демонстрируют значимую связь с удовлетворенностью жизнью: межличностное и институциональное доверие, гражданское участие положительно связаны с удовлетворенностью жизнью (Baltatescu, 2009; Flavin, Keane, 2012).

Более того, в некоторых исследованиях субъективное благополучие рас-

сма тривалось в качестве компонента социальной сплоченности (Delhey et al., 2018) или характеристики сплоченного общества (Langer et al., 2017). Сплоченное общество способно подчинять личные потребности благополучию социальной среды (Schiefer, van der Noll, 2017), обеспечивать благополучие всех своих членов (Langer et al., 2017) и непрерывно его развивать (Fonseca, Lukosch, Brazier, 2019). Однако включение субъективного благополучия в качестве компонента социальной сплоченности считается спорным концептуальным решением, так как субъективное благополучие является характеристикой исключительно индивида и не распространяется на общество (Leininger et al., 2021; Sen, 2017). В целом, субъективное благополучие является результатом (т.е. следствием) социальной сплоченности (Delhey et al., 2018). Несмотря на то, что в настоящее время представлен широкий спектр исследований последствий социальной сплоченности, такие исследования не рассматривают комплексные модели и разные уровни анализа, которые могут различаться по их вкладу в удовлетворенность жизнью.

Таким образом, цель настоящего исследования состояла в выявлении вклада различных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью. Для реализации представленной цели была предложена модель, в рамках которой многокомпонентная и многоуровневая социальная сплоченность, представленная микро-, мезо- и макроуровнем, выступала в качестве предиктора, а удовлетворенность жизнью — зависимой переменной. В рамках настоящей модели объективный и субъективный статус были включены в качестве контрольных переменных, так

как прошлые исследования отмечают их связь как с удовлетворенностью жизнью, так и с отдельными компонентами социальной сплоченности. Например, в Китае субъективный социально-экономический статус положительно связан с удовлетворенностью жизнью, но при этом объективный социально-экономический статус, включающий уровень образования и дохода, — негативно (Chiang et al., 2021). Похожий результат был получен в отношении доверия социальным институтам (частого компонента моделей и индексов социальной сплоченности): субъективный статус делал значимый вклад, тогда как объективный статус был незначимым предиктором (Brandt, 2013). При этом индивиды с низким социально-экономическим статусом склонны меньше доверять людям из своего класса (Navarro-Carrillo et al., 2018) и объединяться с другими для коллективных действий на благо улучшения занимаемого положения (Wichowsky, 2019).

Материалы и методы

Процедура и участники. Сбор данных проходил в мае и июне 2023 года на платформе «Яндекс.Толока» с помощью онлайн-анкет, сформированных на платформе «SurveyMonkey». В исследовании приняли участие 955 респондентов (433 женщины, $M_{\text{возраст}} = 36,13$, $SD_{\text{возраст}} = 11,90$), которые были предупреждены о целях исследования и получили вознаграждение за заполнение опроса. Медианный доход участников опроса относился к промежутку «20000—29999 руб.», около половины имели высшее образование (48%).

Методики. Методики, использованные в исследовании, во многом опираются на оригинальную модель Г. Боттони

(2018) и ее реализацию на российской выборке (Агадуллина, Лавелина, 2023), однако были скорректированы на макроуровне из-за высокой корреляции оригинальных переменных в приведенных исследованиях.

Межличностное доверие измерялось двумя вопросами из European Social Survey Round 8 (ESS8) в их конвенциональном переводе на русский язык ($\alpha = 0,74$; например, «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?»). Респондентов просили дать ответ по 11-балльной шкале Лайкерта (1 – «Нужно быть очень осторожным», 11 – «Можно доверять»).

Социальная поддержка измерялась с помощью трех вопросов ESS6 ($\alpha = 0,64$; например, «Пожалуйста, скажите, в какой степени Вы чувствуете, что люди в районе, где Вы живете, помогают друг другу?»). Респонденты отвечали по 7-балльной шкале Лайкерта (1 – «Никогда не помогают», 7 – «Всегда помогают»).

Частота взаимоотношений была представлена двумя вопросами из ESS8 ($\alpha = 0,69$; например, «Как много людей в Вашем окружении, если такие есть, с кем Вы можете обсудить личные и интимные вопросы?»). Респондентов просили дать ответ в соответствии с 7-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Очень редко», 7 – «Очень часто»).

Открытость измерялась тремя вопросами из ESS8 ($\alpha = 0,88$; например, «Как Вы считаете, российская культурная жизнь подрывается или обогащается людьми, переехавшими жить в Россию из других стран?»). Респонденты давали ответ в соответствии с 11-балльной шка-

лой Лайкерта (1 – «Подрывается», 11 – «Обогащается»).

Для измерения **участия** за основу был взят блок вопросов из ESS8, который был дополнен аналогичными вариантами ($\alpha = 0,51$; например, «Делали ли Вы что-либо из перечисленного ниже за последние 12 месяцев? Работали в политической партии или инициативной группе»). Респонденты отвечали «Да» и «Нет».

Принятие существующей системы отношений в социальной сфере измерялось с помощью оригинальной шкалы общего принятия системы (Kay, Jost, 2003), адаптированной на русский язык (Agadullina, Ivanov, Sariyeva, 2021) ($\alpha = 0,92$; например, «Сегодня в России большинство людей довольны тем, что имеют»). Респонденты выражали свое согласие по 9-балльной шкале Лайкерта (1 – «Абсолютно не согласен(а)», 9 – «Абсолютно согласен(а)»).

Легитимность институтов была представлена пятью вопросами из ESS8, разделенными на 2 субфактора политических ($\alpha = 0,90$) и социальных институтов ($\alpha = 0,80$; например, «Думая о представленных ниже институтах, насколько Вы удовлетворены их работой? Система образования в России»). Респонденты отвечали на вопрос в соответствии с 11-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Абсолютно не удовлетворен(а)», 11 – «Абсолютно удовлетворен(а)»).

Удовлетворенность жизнью была измерена с помощью вопроса из World Values Survey (WVS; «Насколько Вы удовлетворены собственной жизнью?») (Haerpfer et al., 2022). Респонденты отвечали на вопрос в соответствии с 7-балльной шкалой Лайкерта (1 – «Совершенно

не удовлетворен(а)», 7 — «Совершенно удовлетворен(а)»).

Объективный статус измерялся с помощью вопроса о среднемесечном доходе респондента. Респонденты оценивали свой достаток по шкале с 14 категориями от «менее 15000 руб.» до «более 200000 руб.».

Субъективный статус измерялся с помощью методики «лестница МакАртура» (Adler et al., 2000) («Представьте себе лестницу, где на самом верху находятся наиболее успешные люди — те, у кого больше денег, лучшее образование и самые престижные места работы. В самом низу находятся люди в худшем положении, у которых мало денег, плохое образование и которые имеют непрестижную работу или являются безработными. Чем выше Вы находитесь на этой лестнице, тем ближе Вы к людям на самом верху, чем ниже Вы находитесь, тем ближе Вы к людям в самом низу. Где бы Вы поместили себя на этой лестнице, чтобы проиллюстрировать свое положение по сравнению с другими людьми в России в данный момент?»). Респонденты отмечали свое положение на лестнице с помощью 11-балльной шкалы Лайкерта (1 — «В самом низу», 11 — «На самом верху»).

Методы анализа. Для проверки наличия связи между переменными был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Для проверки гипотезы о возможности предсказания удовлетворенности жизнью россиян (зависимая переменная) тремя уровнями социальной сплоченности (предикторы) мы применили подход моделирования структурными уравнениями (structural equation modeling; SEM). Уровни социальной

сплоченности были включены в модель как факторы второго уровня, объединяющие факторы первого уровня — переменные, например, фактор мезоуровня объединил переменные «открытость» и «социальное участие». Модель была реализована в статистической программе RStudio (версия R 4.2.2) с помощью пакета «lavaan» (Rosseeel, 2012). Для оценки качества модели при условии более 250 наблюдений в выборке и более 30 индикаторов в модели мы использовали индекс χ^2 , Сравнительный индекс (CFI > 0,90), индекс Такера-Льюиса (TLI > 0,90), Среднеквадратичную ошибку (RMSEA < 0,08) и Стандартизованный корень среднего квадратного остатка (SRMR < 0,08) (Gana, Bros, 2018).

Результаты

Полные результаты корреляционного анализа и описательные статистики представлены в табл. 1. В основном все переменные социальной сплоченности продемонстрировали значимые позитивные корреляции друг с другом. Удовлетворенность жизнью значимо позитивно связана со всеми переменными анализа, что позволяет реализовать регрессионный анализ. Субъективный статус оказался значимо связан со всеми переменными исследования, тогда как объективный статус продемонстрировал значимые корреляции только с удовлетворенностью жизнью (зависимой переменной), частотой взаимоотношений и социальным участием (объективными компонентами социальной сплоченности).

Модель исследования включала в себя межличностное доверие, социальную поддержку и плотность взаимоотношений на микроуровне, открытость и уча-

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики и коэффициенты корреляции
 Descriptive statistics and correlation coefficients

	Переменные / Variables	M (SD)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Межличностное доверие / Interpersonal trust	5,65 (2,31)										
2	Социальная поддержка / Social support	4,92 (1,11)	0,33***									
3	Частота взаимоотношений / Density of relationships	4,00 (1,51)	0,40***	0,47***								
4	Открытость / Openness	6,61 (2,39)	0,24***	0,17***	0,13***							
5	Социальное участие / Participation	—	0,02	0,00	0,15***	0,05						
6	Принятие существующей системы отношений / System justification	4,51 (2,03)	0,27***	0,25***	0,24***	0,24***	0,09**					
7	Легитимность политических институтов / Legitimacy of political institutions	5,57 (2,59)	0,30***	0,31***	0,23***	0,27***	0,05	0,73***				
8	Легитимность социальных институтов / Legitimacy of social institutions	5,65 (2,39)	0,23***	0,23***	0,23***	0,26***	0,07*	0,52***	0,60***			
9	Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	4,45 (1,47)	0,35***	0,43***	0,34***	0,23***	0,07*	0,43***	0,41***	0,32***		
10	Объективный статус / Objective status	4,01 (2,45)	0,04	0,05	0,17***	0,01	0,13***	0,05	-0,02	0,06	0,17***	
11	Субъективный статус / Subjective status	5,30 (1,73)	0,22***	0,27***	0,27***	0,12***	0,11***	0,25***	0,20***	0,21***	0,41***	0,39***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.
 Note: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

ствие на мезоуровне, принятие существующей системы отношений, легитимность политических и социальных институтов на макроуровне. Уровни сплоченности выступали предикторами удовлетворенности жизнью, а объективный и субъективный статус были добавлены как контрольные переменные. Модель продемонстрировала отличное соответствие данным ($\chi^2(309) = 1035, p < 0,001$; CFI = 0,941, TLI = 0,933, RMSEA = 0,050 [0,046; 0,053], SRMR = 0,065; $R^2 = 0,40$). Все факторы второго порядка – уровни социальной сплоченности – показали значимые факторные нагрузки для переменных в их составе, однако только микро- ($\beta = 0,43, p < 0,001$) и макроуровень

($\beta = 0,21, p = 0,002$) вносили значимый позитивный вклад в удовлетворенность жизнью. Мезоуровень не продемонстрировал значимых связей с зависимой переменной ($\beta = 0,02, p = 0,884$). Среди контрольных переменных только субъективный статус значимо предсказывал удовлетворенность жизнью ($\beta = 0,24, p < 0,001$), тогда как вклад объективного статуса был незначим ($\beta = 0,05, p = 0,118$). Таким образом, микроуровень социальной сплоченности выступил наиболее важным фактором удовлетворенности жизнью среди всех уровней социальной сплоченности. Полные результаты SEM анализа модели представлены на рисунке и в табл. 2.

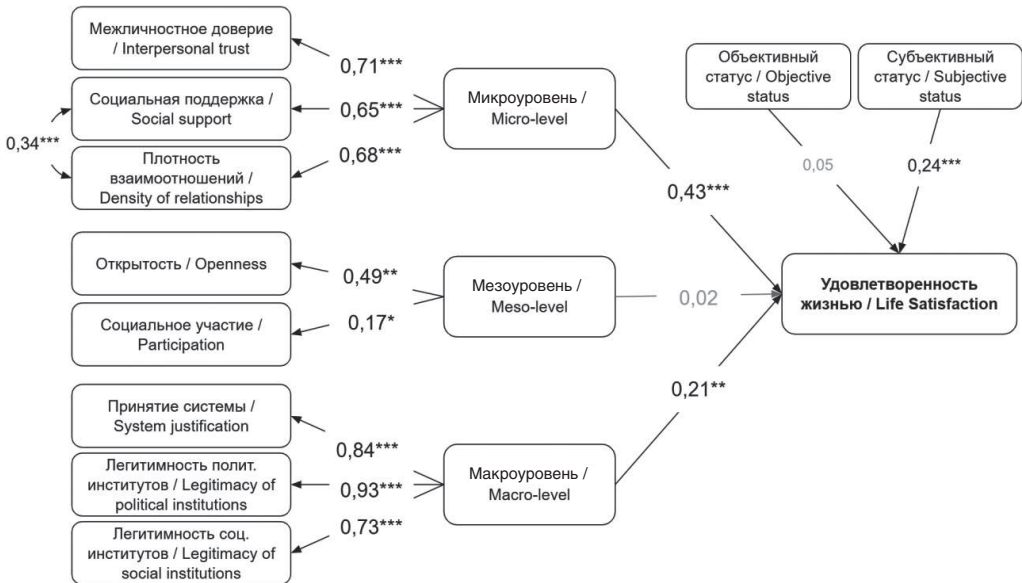

Рис. Роль социальной сплоченности в удовлетворенности жизнью:
 * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; серым цветом обозначены незначимые связи;
 полужирным шрифтом выделена зависимая переменная

Fig. The role of social cohesion in life satisfaction: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; gray colour indicates the statistically insignificant coefficients; semi-bold font indicates the dependent variable

Таблица 2 / Table 2

Вклад социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью
The contribution of social cohesion in life satisfaction

Факторы / Factors		<i>B</i> (<i>SE</i>)	<i>CI</i>	<i>z</i>	<i>p</i>	β
Микроуровень / Micro-level						
Межличностное доверие / Interpersonal trust		1,00 (0,10)	[0,80; 1,20]	9,79	<0,001	0,71
Социальная поддержка / Social support		0,86 (0,09)	[0,69; 1,03]	10,06	<0,001	0,65
Частота взаимоотношений / Density of relationships		0,93 (0,11)	[0,72; 1,14]	8,78	<0,001	0,68
Мезоуровень / Meso-level						
Открытость / Openness		0,57 (0,22)	[0,14; 0,99]	2,63	0,009	0,49
Участие / Participation		0,17 (0,07)	[0,04; 0,31]	2,56	0,011	0,17
Макроуровень / Macro-level						
Принятие существующей системы отношений / System justification		1,54 (0,10)	[1,34; 1,74]	15,32	<0,001	0,84
Легитимность политических институтов / Legitimacy of social institutions		2,53 (0,29)	[1,96; 3,11]	8,67	<0,001	0,93
Легитимность социальных институтов / Legitimacy of social institutions		1,08 (0,07)	[0,94; 1,22]	14,89	<0,001	0,73
Регрессии / Regressions						
Удовлетворенность жизнью ~ / Life satisfaction ~	Микроуровень / Micro-level	0,61 (0,11)	[0,40; 0,82]	5,75	<0,001	0,43
	Мезоуровень / Meso-level	0,03 (0,18)	[-0,32; 0,38]	0,15	0,884	0,02
	Макроуровень / Macro-level	0,29 (0,09)	[0,11; 0,47]	3,12	0,002	0,21
	Объективный статус / Objective status	0,03 (0,02)	[-0,01; 0,06]	1,56	0,118	0,05
	Субъективный статус / Subjective status	0,20 (0,02)	[0,15; 0,24]	8,26	<0,001	0,24

Обсуждение результатов

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью россиян. Результаты исследования показали, что личные взаимоотношения (микроуровень социальной сплоченности) являются наиболее важным фактором удовлетворенности жизнью среди всех уровней социальных взаимоотно-

шений в российском контексте. Именно чувство личного контакта с другими людьми, тесные связи, характеризующиеся надежностью, стабильностью и теплотой, которые в целом принято рассматривать как базовую потребность (“need to belong”) (Baumeister, Leary, 2017), оказываются наиболее значимыми для субъективного благополучия россиян.

Помимо межличностных отношений, также отмечается и роль системного уровня (макроуровня социальной сплоченности) в выраженности удовлетворенности жизнью. Система институтов отражает общую систему правил, которая существует в стране, поэтому согласие с ней и удовлетворенность ее устройством позволяют человеку чувствовать себя увереннее и безопаснее (Jost, 2020). В рамках теории обоснования существующей системы отношений (ТОССО) принятие существующей системы отношений в разных сферах приводит к повышению удовлетворенности жизнью и благополучия, выполняя паллиативную функцию (Jost, 2020). Причем результаты прошлых исследований показывают, что такая тенденция в большей степени проявляется в ситуации угрозы и неопределенности. Учитывая контекст геополитических изменений и социально-экономической нестабильности, выраженная тенденция в поддержке установок на системном уровне может выступать релевантным основанием для совладания с такими изменениями (Jost, 2020).

Преыдущие исследования свидетельствуют о том, что межличностное доверие (основание микроуровня) вносит больший вклад в удовлетворенность жизнью по сравнению с институциональным доверием (основание макроуровня) в странах Западной Европы, но не Восточной, что соответствует результатам настоящей работы (Baltatescu, 2009). В рамках ТОССО в странах с относительно низким уровнем социально-экономического благополучия отмечается более высокий уровень принятия существующей системы отношений, что также находит выражение в доверии по отношению к действующим

институтам и оценке их легитимности (Jost, 2020). Похожие результаты были обнаружены в Бразилии, в стране с низким уровнем социально-экономического благополучия, где подростки из этнических меньшинств отмечали большую поддержку правительства (Henry, Saul, 2006). Предполагается, что у низкостатусных групп возникает когнитивный диссонанс между представлениями относительно занимаемого положения в социальной иерархии и устройством существующей системы, и принятие существующего порядка способствует снижению негативного аффекта, вызванного таким противоречием (Jost, 2020). Причем такой эффект наблюдается в краткосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе, наоборот, отмечается повышение чувства несправедливости относительно занимаемого положения, что приводит к снижению институционального доверия и смещению фокуса к межличностному взаимодействию (Owuamalam, Rubin, Spears, 2019). Например, в России люди демонстрируют достаточно высокие показатели доверия по отношению к семье, но при этом — относительно низкие показатели доверия профсоюзам и общественным организациям (ВЦИОМ, 2024, 2025).

Мезоуровень социальной сплоченности не вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью. Представленные результаты могут отражать в целом низкий уровень социального взаимодействия на мезоуровне, т.е. слабое вовлечение людей в групповые взаимоотношения. Например, результаты исследования в России показывают относительно низкий уровень участия в политической активности, что может отражать специфику как воспринимаемой эффективности в

реализации политических действий, так и видов активности (системные или антисистемные) (Сариева, 2022). При этом отдельные исследования показывают обратную динамику при оценке коллективной активности, связанной с социальной повесткой (Prusova, Anapuyeva, 2025) и гражданской активностью (Богомолова, Галицкая, Кот, Петренко, 2017). В последующих исследованиях для оценки компонента участия необходимо включить не только разные формы политического участия, но и социального. Результаты, демонстрирующие отсутствие независимого вклада мезоуровня в удовлетворенность жизнью, могут быть также следствием многоуровневости предложенной модели. Взаимоотношения на уровне группы в действительности могут делать вклад в удовлетворенность жизнью, но опосредованный, т.е. при участии других уровней социальной сплоченности вклад мезоуровня может быть распределен между микро- и макроуровнями. Например, объективное основание социальной сплоченности мезоуровня может быть совмещено с микроуровнем, когда большая часть групповых взаимодействий происходит не в близком круге, а в перспективе знакомых людей (например, соседей по дому или коллег в рамках крупной организации). Субъективное основание социальной сплоченности мезоуровня также может выступать предиктором удовлетворенности жизнью через макроуровень, например, когда отношение к социальным группам является социальной политикой более высокой системы отношений и связано с государственными решениями.

Анализ социально-демографических характеристик показал, что субъектив-

ный статус вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью в отличие от объективного статуса, что соотносится с результатами прошлых исследований (Chiang et al., 2021). Люди с высоким субъективным социально-экономическим статусом могут отмечать более высокие показатели в отношении самоэффективности и самооценки, что также находит выражение и в большей включенности в разные формы социальной активности и, как следствие, удовлетворенности жизнью (Chiang et al., 2021). Вместе с тем субъективный статус может выступать одним из защитных механизмов в совладании с объективными показателями социально-экономического положения. Например, результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем достатка переоценивают занимаемое положение в социальной иерархии (Evans, Kelley, 2004). Описательные статистики настоящего исследования показывают, что медиана по уровню дохода приходится на «от 20000 до 29999 рублей» ($M = 4,00$, $\min = 1$, $\max = 14$), в то время как среднее значение по субъективному статусу составило $M = 5,30$ ($\min = 1$, $\max = 11$). Несоответствие между представленными измерениями свидетельствует о переоценке респондентами своего положения для поддержания позитивного представления о себе и существующей системе.

Будущие направления исследования

В настоящем исследовании приняли участие люди с относительно низким уровнем достатка. Результаты прошлых исследований показывают, что люди с низким уровнем дохода отмечают меньший уровень доверия по отношению

к другим людям и удовлетворенности жизнью, но при этом, наоборот, на системном уровне оценивают существующий порядок как справедливый и легитимный в сравнении с теми, кто отмечает более высокий уровень достатка (Jost, 2020; Chiang et al., 2021; ВЦИОМ, 2024). Будущие исследования должны учитывать потенциальную роль высокого объективного дохода в удовлетворенности жизнью и проводить сравнения между группами низкого и высокого дохода для выявления нелинейной связи.

В рамках данного исследования был рассмотрен только когнитивный компонент субъективного благополучия — удовлетворенность жизнью (Baltatescu, 2009). При этом социальная сплоченность может оказывать эффект и на аффективное основание — счастье (Baltatescu, 2009), что позволит представить более комплексную модель и учесть разные уровни социальной сплоченности и компоненты психологического благополучия. Вместе с тем для оценки удовлетворенности жизнью мы использовали инструментарий, включающий 1 утверждение. В последующих исследованиях необходимо обратиться к расширенной версии оценки не только удовлетворенности жизнью, но и качества жизни в разных сферах.

Кроме того, при оценке участия на мезоуровне была рассмотрена политическая активность. Результаты прошлых исследований показывают, что удовлетворенность жизнью не связана с участием в протестной активности (Flavin, Keane, 2012). При этом исследование, проведенное в Китае, показывает, что социальная активность и общественная деятельность в решении городских вопросов, наоборот, приводят к более вы-

соким оценкам удовлетворенности жизнью (Chiang et al., 2021). В дальнейшем расширение форм и сфер участия может существенно дополнить результаты модели (Jost et al., 2017).

В последующих исследованиях в модель необходимо добавить и макроэкономические показатели социального благополучия. Например, результаты прошлых исследований показывают, что уровень жизни, внутренний валовый продукт, социальное неравенство (коэффициент Джини), уровень преступности выступают факторами качества жизни, которые в том числе оказывают влияние на индивидуальные оценки удовлетворенности жизнью (Bottoni, Addeo, 2024; Chiang et al., 2021). Учитывая макроэкономические показатели, в последующих исследованиях также необходимо провести кросс-культурные исследования, направленные на оценку вклада разных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью.

Заключение

Цель настоящего исследования состояла в изучении вклада различных уровней социальной сплоченности в удовлетворенность жизнью. Результаты настоящего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Межличностный уровень (микроуровень социальной сплоченности) социального взаимодействия и системный (макроуровень социальной сплоченности) вносят значимый положительный вклад в удовлетворенность жизнью в России.

2. Субъективный социально-экономический статус вносит вклад в удовлетво-

ренность жизнью в России в отличие от объективных показателей, что свидетельствует о «защитной роли» субъективного основания в оценке своего положения.

3. Мезоуровень социальной сплоченности не вносит значимый вклад в удовлетворенность жизнью, что может свидетельствовать о низком уровне участия и выборе альтернативных механизмов в решении вопросов на этом уровне (путем обращения к близкому кругу или институтам).

Ограничения исследования. Настоящая работа обладает рядом ограничений. Во-первых, в исследовании не учитывались как макроэкономические показатели благополучия, так и аффективный компонент субъективного благополучия (счастье). Во-вторых, для оценки переменной «участие» использовались показатели только политического участия, но при этом не учитыва-

лись социальное и гражданское участие, которые в большей степени связаны с субъективным благополучием. Кроме того, выборку исследования составили преимущественно люди с низким уровнем дохода, что ограничивает возможности генерализации выводов на группы с более высоким доходом.

Limitations. The present study has a number of limitations. Firstly, neither macroeconomic indicators of well-being nor the affective component of subjective well-being (i.e. happiness) were taken into account. Secondly, only political participation indicators were used to assess the variable ‘participation’, even though social and civic participation may be more relevant to subjective well-being. Furthermore, most of participants represented the low level of income, which restricts the ability to generalise the conclusions to higher-income groups.

Список источников / References

1. Агадулина, Е.Р., Лавелина, Д.Я. (2023). Вклад оправдания системы в социальную сплоченность. *Социальная психология и общество*, 14(4), 89–104.
Agadullina, E.R., Lavelina, D.Y. (2023). The Contribution of the System Justification to Social Cohesion. *Social Psychology and Society*, 14(4), 89–104. (In Russ.).
2. Богомолова, Е.В., Галицкая, Е.Г., Кот, Ю.А., Петренко, Е.С. (2017). Повседневность россиян: гражданские и потребительские практики. *Мир России. Социология. Этнология*, 26(1), 180–197.
Bogomolova, E., Galitskaya, E., Kot, Yu., Petrenko, E. (2017). Everyday Life of Russians: Civil and Consumer Practices. *Mir Rossii*, 26(1), 180–197. (In Russ.).
3. ВЦИОМ (2024, август 21). Доверие в России: мониторинг. *ВЦИОМ*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 01.06.2025).
VCIOM (2024, august 21). Trust in Russia: monitoring. *VCIOM*. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-v-rossii-monitoring> (Accessed: 01.06.2025).
4. ВЦИОМ (2025). Деятельность общественных институтов. *ВЦИОМ*. <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (дата обращения: 01.06.2025).
VCIOM (2025). The work of public institutions. *VCIOM*. <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (Accessed: 01.06.2025).

5. Сариева, И. (2022). Голосование, подписание петиций или уличная политика? Роль оправдания системы и веры в ее стабильность. *Психологические исследования*, 15(83), 1–18.
Sarieva, I. (2022). Voting, petition signing or street politics? The role of system justification and faith in system stability. *Psychological Studies*, 15(83), 1–18. (In Russ.).
6. Adler, N.E., Epel, E.S., Castellazzo, G., Ickovics, J.R. (2000). Relationship of subjective and objective social status with psychological and physiological functioning: Preliminary data in healthy, White women. *Health psychology*, 19(6), 586–592.
7. Agadullina, E., Ivanov, A., Sarieva, I. (2021). How do Russians perceive and justify the status quo: Insights from adapting the system justification scales. *Frontiers in Psychology*, 12, 717838.
8. Baltatescu, S. (2009). Differential effects of interpersonal and political trust on happiness and life satisfaction. *CINEFOGO Workshop: SSRN*, 1952595.
9. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (2017). The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Interpersonal development*, 57–89.
10. Bottoni, G., Addeo, F. (2024). The effect of social cohesion on subjective individual quality of life in European countries. *Social Indicators Research*, 171(3), 1111–1133.
11. Bottoni, G. (2018). Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy. *Quality & Quantity*, 52(3), 1081–1102.
12. Brandt, M.J. (2013). Do the disadvantaged legitimize the social system? A large-scale test of the status–legitimacy hypothesis. *Journal of personality and social psychology*, 104(5), 765–785.
13. Chuang, Y.C., Chuang, K.Y., Yang, T.H. (2013). Social cohesion matters in health. *International journal for equity in health*, 12, 1–12.
14. Chiang, Y.C., Chu, M., Zhao, Y., Li, X., Li, A., Lee, C.Y., Hsueh, S.C., Zhang, S. (2021). Influence of subjective/objective status and possible pathways of young migrants' life satisfaction and psychological distress in China. *Frontiers in psychology*, 12, 612317.
15. Delhey, J., Boehnke, K., Dragolov, G., Ign cz, Z.S., Larsen, M., Lorenz, J., Koch, M. (2018). Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies. *Comparative sociology*, 17(3-4), 426–455.
16. Delhey, J., Dragolov, G. (2016). Happier together. Social cohesion and subjective well being in Europe. *International Journal of Psychology*, 51(3), 163–176.
17. Dragolov, G., Ign cz, Z., Lorenz, J., Delhey, J., Boehnke, K. (2013). Social cohesion radar measuring common ground: An international comparison of social cohesion methods report. *Bertelsmann Stiftung*. <http://aei.pitt.edu/id/eprint/74134>
18. European Social Survey. (2013). ESS Round 6 Module on Personal and Social Wellbeing. Final Module in Template. Centre for Comparative Social Surveys, City University London.
19. European Social Survey. (2016). ESS Round 8 Module on Climate Change and Energy. Question Design Final Module in Template. ESS ERIC Headquarters c/o City University London.
20. Evans, M.D., Kelley, J. (2004). Subjective social location: Data from 21 nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 16(1), 3–38.
21. Flavin, P., Keane, M.J. (2012). Life satisfaction and political participation: Evidence from the United States. *Journal of Happiness Studies*, 13, 63–78.
22. Fonseca, X., Lukosch, S., Brazier, F. (2019). Social cohesion revisited: a new definition and how to characterize it. *Innovation: The European journal of social science research*, 32(2), 231–253.
23. Gana, K., Broc, G. (2018). *Structural Equation Modeling with lavaan*. Wiley-ISTE.

24. Haerpfer, C., Inglehart, R., Moreno, A., Welzel, C., Kizilova, K., Diez-Medrano, J., Lagos, M., Norris, P., Ponarin, E., Puranen, B. (eds.). (2022). World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 5.0. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat. <https://doi.org/10.14281/18241.24>
25. Henry, P.J., Saul, A. (2006). The development of system justification in the developing world. *Social Justice Research*, 19, 365–378.
26. Jen, M.H., Sund, E.R., Johnston, R., Jones, K. (2010). Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey. *Health & place*, 16(5), 1022–1029.
27. Jost, J.T. (2020). *A theory of system justification*. Harvard University Press.
28. Jost, J.T., Becker, J., Osborne, D., Badaan, V. (2017). Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 26(2), 99–108.
29. Kay, A.C., Jost, J.T. (2003). Complementary justice: effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of personality and social psychology*, 85(5), 823–837.
30. Langer, A., Stewart, F., Smedts, K., Demarest, L. (2017). Conceptualising and measuring social cohesion in Africa: Towards a perceptions-based index. *Social Indicators Research*, 131, 321–343.
31. Leininger, J., Burchi, F., Fiedler, C., Mross, K., Nowack, D., Von Schiller, A., Sommer, C., Strupat, C., Ziaja, S. (2021). *Social cohesion: A new definition and a proposal for its measurement in Africa* (No. 31/2021). Discussion Paper.
32. McCracken, M. (1998, October). Social cohesion and macroeconomic performance. *Centre for the Study of Living standards (CSLS), Conference: The State of Living Standards and the Quality of life*.
33. Navarro-Carrillo, G., Valor-Segura, I., Lozano, L.M., Moya, M. (2018). Do economic crises always undermine trust in others? The case of generalized, interpersonal, and in-group trust. *Frontiers in psychology*, 9, 1955.
34. OECD. (2025). Life Satisfaction. *OECD Better Life Index*. <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction/> (Accessed: 01.06.2025).
35. Owuamalam, C.K., Rubin, M., Spears, R. (2019). Revisiting 25 years of system motivation explanation for system justification from the perspective of social identity model of system attitudes. *British Journal of Social Psychology*, 58(2), 362–381.
36. Ponizovskiy, V., Arant, R., Larsen, M., Boehnke, K. (2020). Sticking to common values: Neighbourhood social cohesion moderates the effect of value congruence on life satisfaction. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(5), 530–546.
37. Prusova, I.S., Ananyeva, O.A. (2025). Testing the expanded dual chamber model of collective action to help socially disadvantaged groups. *Current Psychology*, 44(10), 8304–8321.
38. Putnam, R.D., Nanetti, R.Y., Leonardi, R. (1994). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton University Press.
39. Rajkumar, R.P. (2023). Cultural values and changes in happiness in 78 countries during the COVID-19 pandemic: An analysis of data from the world happiness reports. *Frontiers in psychology*, 14, 1090340.
40. Rosseel, Y. (2012). lavaan: An R package for structural equation modeling. *Journal of statistical software*, 48(2), 1–36. <https://doi.org/10.18637/jss.v048.i02>
41. Schiefer, D., Van der Noll, J. (2017). The essentials of social cohesion: A literature review. *Social Indicators Research*, 132, 579–603.

42. Schmeets, H., Te Riele, S. (2014). Declining social cohesion in the Netherlands?. *Social Indicators Research*, 115, 791–812.
43. Schmeets, H. (2012). Social Cohesion: an integrated empirical approach. *Contemporary theoretical perspectives on the study of social cohesion and social capital*, 127–142.
44. Sen, A. (2017). Well-being, agency and freedom the dewey lectures 1984. In *Justice and the capabilities approach* (pp. 3–55). Routledge.
45. Tok, T.Q.H., Woods, O., Kong, L. (2024). What is Beyond Measurement for Social Cohesion? *Social Indicators Research*, 175(1), 109–127.
46. Wichowsky, A. (2019). Civic life in the divided metropolis: social capital, collective action, and residential income segregation. *Urban Affairs Review*, 55(1), 257–287.
47. Williams, A.J., Maguire, K., Morrissey, K., Taylor, T., Wyatt, K. (2020). Social cohesion, mental wellbeing and health-related quality of life among a cohort of social housing residents in Cornwall: a cross sectional study. *BMC public health*, 20(1), 985.
48. Yassim, M. (2019). The wicked problem of social cohesion: moving ahead. *Journal of Social Marketing*, 9(4), 507–521.

Информация об авторах

Дарья Яковлевна Лавелина, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Ирина Сергеевна Прусова, кандидат психологических наук, заведующий научно-учебной лабораторией психологии социального неравенства, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Information about the authors

Daria Y. Lavelina, Junior Researcher at the Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Irina S. Prusova, Candidate of Science (Psychology), Head of the Laboratory for Psychology of Social Inequality, Associate Professor of Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9298-2408>, e-mail: iprusova@hse.ru

Вклад авторов

Лавелина Д.Я. — концептуализация и разработка дизайна исследования; сбор данных, анализ данных, интерпретация результатов; написание и оформление рукописи.

Прусова И.С. — концептуализация и разработка дизайна исследования; сбор данных, интерпретация результатов; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Лавелина Д.Я., Прусова И.С. (2026)
Вклад социальной сплоченности
в удовлетворенность жизнью в России
Социальная психология и общество,
17(1), 5–22.

Lavelina D.Y., Prusova I.S. (2026)
The contribution of social cohesion
to life satisfaction in Russia
Social Psychology and Society,
17(1), 5–22.

Contribution of the authors

Daria Y. Lavelina — conceptualisation and development of research design; data collection and analysis and interpretation of the results; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research.

Irina S. Prusova — conceptualisation and development of research design; data collection and interpretation of the results; annotation, writing and design of the manuscript; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Перед участием в исследовании все участники заполняли форму информированного согласия.

Ethics statement

All participants completed the form of informed consent before their involvement.

Поступила в редакцию 21.08.2025

Поступила после рецензирования 07.11.2025

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.08.21

Revised 2025.11.07

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Образ будущего как предиктор психологической адаптации жителей прифронтовых регионов России

Д.Н. Храпкива ✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ dnkhrapkova@edu.hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Текущая социально-экономическая и политическая ситуация в России, включающая санкции, дискриминацию, негативное информационное поле, создает значительные вызовы для населения. Особенно остро это проявляется в прифронтовых территориях, подвергающихся обстрелам, что негативно влияет на физическое и психологическое здоровье жителей. Не все россияне адаптировались к современной обстановке и способны планировать будущее.

Цель. Изучение психологической адаптации и образа будущего жителей прифронтовых регионов Российской Федерации в условиях специальной военной операции.

Гипотеза. Позитивный образ будущего (открытость будущему, представления о влиянии личных усилий на будущее и позитивный образ России) положительно коррелирует с психологической адаптацией и отрицательно предсказывает уровни тревожности и депрессии.

Методы и материалы. Дизайн: регрессионный анализ взаимосвязей компонентов образа будущего и психологической адаптации. Участники: 212 респондентов из Брянской и Белгородской областей (80,7% женщины, средний возраст – 25 лет). Инструменты: опросник тревожных состояний в адаптации Ю.Л. Ханина, опросник здоровья пациента «Patient Health Questionnaire-9» в адаптации А.А. Золотаревой, опросник «Спектр психологического здоровья» и шкала удовлетворенности жизнью в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева, шкала открытости будущему в адаптации А.С. Хегай и коллег, а также вопросы для оценки временной перспективы.

Результаты. Значимым предиктором психологической адаптации в ситуации близости боевых действий является позитивный образ будущего, включающий открытость будущему, позитивный образ России в настоящем и будущем, а также представления о влиянии личных усилий на свою жизнь.

Выводы. Позитивный образ будущего является значимым предиктором психологической адаптации в условиях вооруженного конфликта. Конструкт открытости будущему способствует снижению тревожности и депрессии, а также повышению удовлетворенности жизнью и психологического благополучия.

Ключевые слова: психологическая адаптация, образ будущего, прифронтовые регионы России, депрессия, тревожность, удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в исследовании научного руководителя А.Н. Татарко.

Для цитирования: Храпкова, Д.Н. (2026). Образ будущего как предиктор психологической адаптации жителей прифронтовых регионов России. *Социальная психология и общество*, 17(1), 23–40. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170102>

Image of future as a predictor of psychological adaptation among residents of Russia's frontline regions

D.N. Khrapkova ✉

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ dnkhrapkova@edu.hse.ru

Abstract

Context and relevance. *The current socio-economic and political situation in Russia, including sanctions, discrimination and a negative information field, creates significant challenges for the population. This is especially acute in frontline areas that are being shelled, which negatively affects the physical and psychological health of residents. Not all Russians have adapted to the modern environment and are able to plan for the future.*

Objective. *To study the psychological adaptation and image of the future of residents in frontline regions of the Russian Federation under conditions of the special military operation.*

Hypothesis. *A positive image of the future (openness to the future, ideas about the impact of personal efforts on the future, and a positive image of Russia), positively correlates with psychological adaptation and negatively predicts levels of anxiety and depression.*

Methods and materials. *Design: regression analysis of interrelationships between components of the image of the future and psychological adaptation. Participants: 212 respondents from Bryansk and Belgorod regions (80,7% women, average age 25 years). Instruments: questionnaire of anxiety states in adaptation by Yu.L. Khanin, patient health questionnaire "Patient Health Questionnaire-9" in adaptation by A.A. Zolotareva, "Spectrum of psychological health" questionnaire, scale of life satisfaction in adaptation by E.N. Osin and D.A. Leontiev, scale of openness to the future in adaptation by A.S. Khegay and others, as well as questions for assessing time perspective.*

Results. *A significant predictor of psychological adaptation in a situation of proximity to military operations is a positive image of the future, including openness to the future, a positive image of Russia in the present and future, as well as ideas about the impact of personal efforts on their lives.*

Conclusions. *A positive image of the future is a significant predictor of psychological adaptation in conditions of armed conflict. The construct of openness to the future contributes a decrease in anxiety and depression, as well as an increase in life satisfaction and psychological well-being.*

Keywords: *psychological adaptation, image of the future, frontline regions of Russia, depression, anxiety, life satisfaction, psychological well-being*

Funding. The study was carried out under the Fundamental Research Programme of the National Research University Higher School of Economics.

Acknowledgements. The author thanks A.N. Tatarko, the scientific supervisor, for his help in the study.

For citation: Khrapkova, D.N. (2026). Image of future as a predictor of psychological adaptation among residents of Russia's frontline regions. *Social Psychology and Society*, 17(1), 23–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170102>

Введение

Современная ситуация социального, экономического и политического противостояния с коллективным Западом приводит к новым вызовам, которые граждане России вынуждены принимать. В настоящее время не все россияне адаптировались к военной ситуации и способны выстраивать планы на будущее. Особенно эта проблема актуальна для жителей прифронтовых регионов, регулярно подвергающихся атакам. Во время подготовки данной статьи Украиной было осуществлено вторжение в Курскую область, что привело к большому числу пострадавших россиян и беженцев из региона.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения особых психологических ресурсов адаптации гражданского населения в текущих условиях, характеризующихся длительной неопределенностью, соответственно — стрессом. Хотя проблема адаптации в экстремальных условиях и психологического воздействия военных действий на мирных жителей исследуется (Fekih-Romdhane et al., 2024; Wall, 2010), эмпирических данных о роли образа будущего как адаптивного ресурса для жителей прифронтовых регионов недостаточно. Таким образом, работа восполняет дефицит исследований, фокусирующихся на проактивных когнитивных механизмах

совладания в ситуации непосредственной угрозы.

В статье использованы материалы из магистерской работы автора (Храпкова, 2025).

Цель работы — изучение психологической адаптации и образа будущего жителей прифронтовых регионов России в условиях специальной военной операции (далее — СВО). Объект исследования — население Брянской и Белгородской областей.

Психологическая адаптация. Достаточно часто исследователи используют понятия социально-психологической и психологической адаптации как тождественные, не проводя строгого разграничения между ними (Michel et al., 2021). В контексте нашего подхода социально-психологическая адаптация подразумевает усвоение индивидом социальных норм, правил, обретение определенного статуса и роли в обществе. Психологическая же адаптация рассматривается как способность человека без ущерба для физического и психического здоровья приспосабливаться к травмирующим событиям, в том числе военного характера.

В настоящей работе феномен психологической адаптации изучается посредством измерения четырех переменных: ситуативной тревожности, депрессии, удовлетворенности жизнью и психологического здоровья. Ряд исследований под-

тверждает сообразность такого подхода (Татарко, 2018; Morales-Vives et al., 2020; Nesse, 2000; Tatarko, Berry, 2024). Благополучие (позитивный аффект, удовлетворенность, ментальное здоровье) является продуктом успешной адаптации, поэтому феноменологически подходит для ее изучения (Tatarko, Lebedeva, 2023; Tatarko, Berry, 2024). С другой стороны, депрессия и тревожность как показатели неблагополучия — факторы дезадаптации. Низкий уровень тревоги и депрессии включаются исследователями в структуру психологической адаптации (там же).

В исследовании, проведенном в Донбассе в 2015 году (Лох, 2017), изучена психологическая адаптация мирных граждан к условиям длительного военного стресса. Выявлено, что большинство опрошенных находятся в состоянии стресса и кризиса, а также работающие респонденты характеризуются меньшей подавленностью и апатией. Кроме того, выборку в соответствии с результатами удалось разделить на три группы по типу адаптации: «изоляционный» — люди не рассуждают о будущем, замкнуты в общении; «пассивный» — люди, «плывущие по течению»; «творческий тип» заключается в попытках развиваться и приспосабливаться.

Исследования в рамках изучаемой нами области проводятся, однако единой точки зрения на эмпирическое познание адаптации так и не сложилось. Русскоязычного опросника, измеряющего интересующий нас конструкт, не существует, за исключением устаревших громоздких вариантов (Белобрыкина, Дроздова, 2021).

Образ будущего. Все чаще в научной литературе при упоминании будущего встречается термин «образ будущего»

(Нестик, 2021; Шестопап, 2021). Изучение данного феномена важно и весьма актуально, так как он затрагивает мотивационную сферу личности, сферу принятия решений, целеполагание и эмоции, помогает планировать действия и прогнозировать результаты; иными словами, предопределяет исход многих событий в жизни человека и общества (Быкова, 2003; Сапоровская и др., 2023). В настоящем историческом контексте актуальность изучения образа будущего обусловлена военно-политической обстановкой в стране и мире. Ведь позитивный образ будущего способствует улучшению психологического состояния в различных ситуациях (Круглова, Корягина, 2022) и, как мы полагаем, тесно связан с процессом адаптации в экстремальных условиях, он играет важную роль в формировании смысла жизни и служит мощным мотивационным фактором. Убеждение в том, что будущее благоприятно, помогает человеку ориентироваться на достижение целей, быть настроенным на выживание и преодоление трудностей (Нестик, 2021). Образ будущего может выступать в роли так называемого «ориентира» выстраивания жизненной стратегии (Комаровский, 2020), что, безусловно, является важным аспектом для человека, находящегося в ситуации длительного воздействия стрессовых факторов. Кроме того, данный феномен значим в формировании социальной поддержки (Polak, Boulding, 1973).

Образ будущего (далее — ОБ) — это целостное представление личности, продукт ее самосознания, который включает в себя субъективно вероятные достижения и результаты возможных событий, отражающие ожидания человека, связанные

с его прошлым опытом и происходящим в настоящем (Баранова, Яковлева, 2018).

В рамках работы авторами было принято решение о сосредоточении на взаимосвязи образа будущего и психологической адаптации, а именно — рассмотреть ОБ как предиктор адаптации, исходя из мнений о влиянии образа возможного будущего на многие сферы личности (Леонтьев, 2022; Осин, Егорова, Кедрова, 2024).

Гипотеза: положительный образ будущего связан с психологической адаптацией населения прифронтовых регионов России в условиях СВО.

Исследовательский вопрос: какие составляющие образа будущего связаны с показателями психологической адаптации — с тревожностью, депрессией, удовлетворенностью жизнью и психологическим здоровьем?

Материалы и методы

Сбор данных осуществлялся на платформе «1ka.si» в период с 1 июня 2024 г. по 28 июля 2024 г. Респонденты приглашались к участию в исследовании через сообщения с информацией, размещенные в социальных сетях. В среднем время прохождения батареи опросников составляло 15 минут. Всего в исследовании приняли участие 212 человек в возрасте от 16 до 58 лет, 171 (80,7%) женщина, 41 (19,3%) мужчина из Брянской и Белгородской областей. Средний возраст респондентов — 25 лет.

Критерии включения в выборку: возраст 16 лет и старше; знание русского языка; проживание на территории Брянской или Белгородской областей.

В начале опроса респондентам было предъявлено информированное согласие, после чего — социально-демогра-

фические вопросы (пол, возраст, материальное положение, в дальнейшем эти переменные использовались в качестве контрольных). Далее участникам было предложено пройти батарею методик, включающую в себя 5 опросников и дополнительное анкетирование. В заключение респондентов благодарили.

Инструментарий

1. Уровень ситуативной тревожности измерялся с помощью опросника тревожных состояний Ч. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина. Шкала включает 20 утверждений, с которыми участники выражают степень своего согласия (Ханин, 1976). Коэффициент α Кронбаха = 0,93.

2. Измерение уровня депрессии осуществлялось посредством опросника здоровья пациента «Patient Health Questionnaire — 9» (Золотарева, 2023). Коэффициент α Кронбаха = 0,86.

3. Применен опросник «Спектр психологического здоровья» К. Киза (Осин, Леонтьев, 2020). Методика включает 14 утверждений, описывающих различные переживания, частоту которых за прошедший месяц респондентам предлагалось оценить. Коэффициент α Кронбаха = 0,93.

4. Применялась шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Осин, Леонтьев, 2020), состоящая из пяти утверждений. Задача респондентов — выразить степень своего согласия, используя значения от 1 до 7. Коэффициент α Кронбаха = 0,86.

5. Использовалась шкала открытости будущему (Хегай и др., 2023), разработанная в 2018 году для измерения нового феномена в области позитивной

психологии. Коэффициент α Кронбаха = 0,85.

6. В батарею были включены вопросы из анкеты Т.А. Нестика (Центр социокультурных исследований НИУ ВШЭ, 2022):

– дальность горизонта планирования (от «вообще не строю планов» до «более чем на 10 лет»);

– каким представляется образ будущего России (ответы от «очень мрачное» до «очень светлое»);

– насколько ваше настоящее и будущее зависит от ваших усилий (ответы в матрице от «никак не зависит» до «полностью зависит») – для периодов «сегодня», «через 1 год», «через 5 лет», «через 20 лет».

Обработка данных осуществлялась в программе «Jamovi 2.3.28». Для каждой из шкал произведен расчет дескриптивных статистик и коэффициента Кронбаха, выполнен иерархический регрессионный анализ с контролем социально-демографических переменных.

Результаты

В табл. 1 представлены ответы респондентов на вопросы, связанные с ущербом, нанесенным гражданскому населению в условиях СВО, а также с планами относительно дальнейшего места жительства.

Как видно, на период сбора эмпирических данных менее 5% опрошенных из Брянской и Белгородской областей пострадали в результате боевых действий. Однако более чем у половины респондентов от обстрелов пострадали близкие люди или знакомые. Обратим внимание, покидать прифронтовые регионы планируют около 20% опрошенных, из которых 1,4% рассматривают переезд за границу.

Расчет дескриптивных статистик показал, что средний по выборке балл по шкале открытости будущему составляет 35,3 из 50 возможных, это указывает на умеренный уровень открытости будущему жителей приграничных зон. Средний балл по шкале Спилбергера равен 47,5, что говорит о высоком уровне ситуативной

Таблица 1 / Table 1

Ответы респондентов на вопросы о текущей ситуации Respondents' answers to questions about the current situation

Вопросы / Questions	Процент респондентов, ответивших «да» / Percentage of respondents who answered «Yes»
Пострадали ли Вы лично от обстрелов? / Have you personally suffered from the shelling?	4,7%
Пострадали ли Ваши близкие люди или знакомые от обстрелов? / Have your relatives or friends been affected by the shelling?	58%
Планируете ли Вы в ближайшее время переехать в другой город России? / Are you planning to move to another Russian city in the near future?	18,9%
Планируете ли Вы переехать в другую страну в ближайшее время? / Are you planning to move to another country in the near future?	1,4%

тревожности (46 баллов и выше — высокий уровень; min — 20, max — 80). Усредненный показатель по шкале депрессии является промежуточным, поскольку составляет 9,25 баллов (результат ≥ 10 указывает на вероятный диагноз депрессивного расстройства). Средний балл по шкале удовлетворенности жизнью — 18 (min — 5, max — 35), что не указывает на высокий уровень. Среднее значение по методике «Спектр психологического здоровья» (общий показатель) составляет 40,6 баллов и демонстрирует средний и несколько выше среднего уровень психологического здоровья (min — 0, max — 70).

Для проверки гипотезы о связи положительного образа будущего и психологической адаптации населения прифронтовых регионов России в условиях СВО были построены регрессионные модели.

В табл. 2 представлены регрессионные модели с зависимой переменной «ситуативная тревожность». В первой модели ($R^2 = 0,15$) мы можем наблюдать связь социально-демографических факторов с тревожностью жителей приграничных регионов.

Вторая модель демонстрирует значимый прирост дисперсии ($R^2 = 0,24$) с добавлением таких переменных, как ущерб имуществу и субъективное восприятие оттока населения. Как видно, воздействие демографических факторов на тревожность остается значимым. Интересно, но связи между ущербом имуществу и тревожностью не обнаружено, однако осознание оттока населения на уровень ситуативной тревожности влияет ($\beta = 0,30; p < 0,001$).

Размер эффекта третьей модели наиболее высок, здесь помимо социально-демографических предикторов, а также

ущерба имуществу и субъективного оттока вводятся: временная перспектива, усилия, образ будущего России и открытость. Факторы третьей модели объясняют 60% дисперсии ситуативной тревожности в период СВО. В третьей модели можно видеть, как представления о том, что качество жизни респондентов через год зависит от их собственных усилий, отрицательно и статистически значимо ($\beta = -0,30; p < 0,01$) связаны с их ситуативной тревожностью. Это означает, что при росте уверенности респондентов в том, что они могут влиять на свою жизнь, что их жизнь через год зависит от них самих, ситуативная тревожность снижается. Открытость будущему отрицательно предсказывает тревожность ($\beta = -0,50; p < 0,001$). Значит, размышления о собственном будущем и попытки его планирования снижают показатель ситуативной тревожности даже в условиях военных действий. Возможно, это связано с повышением чувства контроля над собственной судьбой. Связь тревожности и мыслей о миграции населения из родного города, страны остается значимой.

Перейдем к табл. 3, зависимая переменная — депрессия. Размер эффекта первой модели 12%. С добавлением переменных, связанных с ущербом имуществу и восприятием оттока населения, наблюдается значимый прирост дисперсии ($R^2 = 0,20; p < 0,001$). Значимость двух демографических факторов (кроме возраста) сохраняется. Мы также можем наблюдать связь субъективной оценки оттока населения с депрессией ($\beta = 0,25; p < 0,001$). Как показали результаты анализа, ущерб имуществу граждан не оказывает статистически значимого воздействия на развитие депрессивных состояний.

Таблица 2 / Table 2

**Иерархический линейный анализ связей, зависимая переменная –
 ситуативная тревожность**
Hierarchical linear regression analysis, dependent variable – situational anxiety

Предиктор / Predictor	Модель 1 / Model 1 $R^2 = 0,15$		Модель 2 / Model 2 $R^2 = 0,24$ $\Delta R^2 = 0,09$ $p < 0,001$		Модель 3 / Model 3 $R^2 = 0,606$ $\Delta R^2 = 0,37$ $p < 0,001$	
	SE	β	SE	β	SE	β
Пол / Gender	2,14	0,20**	2,06	0,16*	1,5	0,10*
Возраст / Age	0,09	0,22***	0,09	0,24***	0,07	0,20***
Материальное Положение / Financial situation	0,90	-0,21**	0,90	-0,20**	0,70	-0,09
Ущерб имуществу / Damage to property			1,5	0,05	1,14	0,04
Субъективный отток населения / Subjective population outflow			1,02	0,30***	0,80	0,20***
Срок планирования / Planning period					0,50	-3,1
Россия сегодня / Russia today					0,90	-0,13
Россия через год / Russia in a year					1,13	-0,13
Россия через 5 лет / Russia in 5 years					1,33	-0,06
Россия через 20 лет / Russia in 20 years					1,07	0,12
Усилия сегодня / Efforts today					1,3	0,15
Усилия через год / Efforts after a year					1,5	-0,30**
Усилия через 5 лет / Efforts after 5 years					1,7	0,23
Усилия через 20 лет / Efforts after 20 years					1,3	-0,03
Открытость будущему / Openness to the future					0,14	-0,50***

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Коэффициент β указан стандартизированный.

Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. The coefficient β is standardized.

Практически 40% дисперсии ($\Delta R^2 = 0,18$) объясняет модель № 3 с введением десяти предикторов, составляющих образ будущего. Здесь видно, что при $p < 0,001$ субъективный отток населения ($\beta = 0,20$) и открытость будущему ($\beta = -0,43$) предсказывают уровень депрессии. Если человек думает, что из родного города уезжает достаточно много людей,

уровень его депрессии возрастает. Надежда на положительный исход событий снижает показатель депрессивных состояний.

Обратимся к табл. 4, зависимая переменная – удовлетворенность жизнью. Первая модель объясняет менее 8% дисперсии, ко второй модели наблюдается крайне незначительный прирост дисперсии, дополнительные значимые связи не

Таблица 3 / Table 3

Иерархический линейный анализ связей, зависимая переменная – депрессия
Hierarchical linear regression analysis, dependent variable – depression

Предиктор / Predictor	Модель 1 / Model 1 $R^2 = 0,12$		Модель 2 / Model 2 $R^2 = 0,20$ $\Delta R^2 = 0,08$ $p < 0,001$		Модель 3 / Model 3 $R^2 = 0,38$ $\Delta R^2 = 0,18$ $p < 0,001$	
	SE	β	SE	β	SE	β
Пол / Gender	1,1	0,19**	1,07	0,16**	0,98	0,11
Возраст / Age	0,05	0,06	0,05	0,09	0,05	0,05
Материальное Положение / Financial situation	0,50	-0,25***	0,46	-0,26***	0,44	-0,19**
Ущерб имуществу / Damage to property			0,78	0,10	0,73	0,08
Субъективный отток населения / Subjective population outflow			0,53	0,25***	0,50	0,20***
Срок планирования / Planning period					0,33	-0,02
Россия сегодня / Russia today					0,60	0,01
Россия через год / Russia in a year					0,70	-0,19
Россия через 5 лет / Russia in 5 years					0,85	0,09
Россия через 20 лет / Russia in 20 years					0,68	0,01
Усилия сегодня / Efforts today					0,80	-0,02
Усилия через год / Efforts after a year					0,98	0,10
Усилия через 5 лет / Efforts after 5 years					1,09	0,09
Усилия через 20 лет / Efforts after 20 years					0,80	-0,02
Открытость будущему / Openness to the future					0,09	-0,43***

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Коэффициент β указан стандартизированный.

Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. The coefficient β is standardized.

проявляются ($\Delta R^2 = 0,017$; $p = 0,17$).

Видно, что наилучшим образом уровень удовлетворенности жизнью предсказывает модель № 3 ($R^2 = 0,50$; $p < 0,001$), в которой вводятся предикторы: срок планирования, усилия, образ России и открытость будущему. ОБ России через год объясняет удовлетворенность жизнью на уровне значимости $p < 0,05$, $\beta = 0,27$. Также при $p < 0,001$,

$\beta = 0,50$ открытость будущему предсказывает удовлетворенность жизнью. Благоприятная обстановка в родном городе, стране положительно связана с удовлетворенностью жизнью граждан, образ будущего России, чувство контроля, планы на дальнейшую жизнь и надежда на «удовлетворительный» исход событий будущего делают россиян более удовлетворенными жизнью в настоящем.

Таблица 4 / Table 4

**Иерархический линейный анализ связей, зависимая переменная –
 удовлетворенность жизнью
 Hierarchical linear regression analysis, dependent variable – life satisfaction**

Предиктор / Predictor	Модель 1 / Model 1 $R^2 = 0,077$		Модель 2 / Model 2 $R^2 = 0,09$ $\Delta R^2 = 0,017$ $p = 0,17$		Модель 3 / Model 3 $R^2 = 0,50$ $\Delta R^2 = 0,41$ $p < 0,001$	
	SE	β	SE	β	SE	β
Пол / Gender	1,07	-0,02	1,07	-0,005	0,83	0,05
Возраст / Age	0,05	-0,08	0,05	-0,08	0,04	-0,03
Материальное Положение / Financial situation	0,50	0,25***	0,50	0,25***	0,40	0,11*
Ущерб имуществу / Damage to property			0,78	0,05	0,60	0,06
Субъективный отток населения / Subjective population outflow			0,50	-0,13	0,40	-0,06
Срок планирования / Planning period					0,30	-0,01
Россия сегодня / Russia today					0,50	0,09
Россия через год / Russia in a year					0,60	0,27*
Россия через 5 лет / Russia in 5 years					0,70	-0,17
Россия через 20 лет / Russia in 20 years					0,60	0,08
Усилия сегодня / Efforts today					0,70	0,05
Усилия через год / Efforts after a year					0,80	-0,125
Усилия через 5 лет / Efforts after 5 years					0,90	-0,035
Усилия через 20 лет / Efforts after 20 years					0,70	0,05
Открытость будущему / Openness to the future					0,08	0,50***

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Коэффициент β указан стандартизированный.

Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. The coefficient β is standardized.

Рассмотрим табл. 5, зависимая переменная – психологическое здоровье. Первая модель – $R^2 = 0,10$. Вторая модель ($R^2 = 0,13$; $\Delta R^2 = 0,025$; $p = 0,068$) демонстрирует значимые связи с демографическими предикторами (кроме пола) и с субъективным оттоком населения – взаимосвязь обратная при $p < 0,05$, $\beta = -0,16$.

Модель 3 описывает взаимосвязи наилучшим образом, размер эффекта составляет 60%. Обнаружена обратная связь психологического здоровья с «усилиями сегодня» ($\beta = -0,19$; $p < 0,05$), а также прямая связь с образом России сегодня при $p < 0,05$, $\beta = 0,19$. При $p < 0,001$, $\beta = 0,57$ открытость будущему предсказывает психологическое здоровье. Наличие

позитивного образа России обеспечивает граждан, находящихся вблизи военных действий, более высоким уровнем психологического самочувствия. Также лучше чувствуют себя те, кто склонен считать, что их настоящее меньше зависит от собственных усилий, экстернальный локус контроля в данных условиях способствует психологическому здоровью. Представления о благоприятном будущем и

планы на жизнь являются источником психологического благополучия личности в период СВО.

Результаты показывают, что ситуативная тревожность в приграничных регионах Российской Федерации в период СВО находится на уровне выше среднего, показатель депрессии граничит с патологией, открытость будущему выражена умеренно, высокой удовлетво-

Таблица 5 / Table 5

**Иерархический линейный анализ связей, зависимая переменная –
 психологическое здоровье
 Hierarchical linear regression analysis, dependent variable –
 psychological well-being**

Предиктор / Predictor	Модель 1 / Model 1 $R^2 = 0,10$		Модель 2 / Model 2 $R^2 = 0,13$ $\Delta R^2 = 0,025$ $p = 0,068$		Модель 3 / Model 3 $R^2 = 0,6$ $\Delta R^2 = 0,47$ $p < 0,001$	
	SE	β	SE	β	SE	β
Пол / Gender	2,8	-0,11	2,8	-0,09	1,99	-0,04
Возраст / Age	0,125	-0,20*	0,12	-0,17*	0,09	-0,11*
Материальное Положение / Financial situation	01,24	0,22**	1,23	0,22***	0,90	0,075
Ущерб имуществу / Damage to property			2,06	-0,02	1,5	-0,005
Субъективный отток населения / Subjective population outflow			1,4	-0,16*	0,99	-0,07
Срок планирования / Planning period					0,70	-0,02
Россия сегодня / Russia today					1,2	0,19*
Россия через год / Russia in a year					1,5	0,10
Россия через 5 лет / Russia in 5 years					1,7	-0,02
Россия через 20 лет / Russia in 20 years					1,4	0,03
Усилия сегодня / Efforts today					1,6	-0,19*
Усилия через год / Efforts after a year					1,9	0,20
Усилия через 5 лет / Efforts after 5 years					2,2	-0,23
Усилия через 20 лет / Efforts after 20 years					1,6	0,15
Открытость будущему / Openness to the future					0,18	0,57***

Примечание: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. Коэффициент β указан стандартизированный.

Note: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$. The coefficient β is standardized.

ренности жизнью выявлено не было, однако уровень психологического здоровья несколько выше среднего. Регрессионный анализ позволил выделить значимые связи предикторов различного рода с зависимыми переменными — составляющими психологической адаптации.

Обсуждение результатов

Гипотеза о взаимосвязи положительного образа будущего с психологической адаптацией населения прифронтовых регионов России в условиях СВО подтвердилась.

ОБ как предиктор снижения тревожности. Результаты работы показали, что с уровнем ситуативной тревожности жителей прифронтовых районов связаны представления о том, что качество их жизни через год зависит от собственных усилий, связь отрицательная. Это говорит о том, что в стрессовых условиях, когда человек уверен в своих силах, убежден, что способен изменить ситуацию, уровень тревожности снижается (Dimenggo, Yendi, 2021). Открытость будущему также имеет отрицательную связь с ситуативной тревожностью. Планирование будущего и убеждение о контроле собственной судьбы, надежда на позитивный исход ситуации являются факторами саморегуляции, снижающими тревожность, что подтверждено эмпирически (Димидов, Рязанова, Коршунов, 2022; Almansa et al., 2024). Влияет также субъективный отток населения, значит, уровень ситуативной тревожности возрастает, когда человек мысленно оценивает, что большое число людей эмигрирует из родного города, страны.

ОБ как предиктор снижения депрессии. Результаты показали, что открытость

будущему снижает уровень депрессивных состояний. Соответственно, открытость переменам, самоэффективность и позитивная интерпретация событий будущего снижают уровень депрессии и положительно воздействуют на благополучие (Димидов, Рязанова, Коршунов, 2022; Eubanks et al., 2024). Вероятно, это связано с тем, что в процессе размышления о будущем появляются новые альтернативные возможности, пути разрешения проблемных ситуаций (Baumeister, Maranges, Sjästad, 2018), что предупреждает развитие депрессии. Обнаружена прямая связь депрессии с субъективным оттоком населения, следовательно, гиперболизация людьми эмиграции населения из родного региона деструктивно сказывается на их психологической адаптации в условиях военных действий, снижая социально-психологический капитал личности (Тарарко, 2018).

ОБ как предиктор удовлетворенности жизнью. Позитивный ОБ России через год имеет положительную связь с удовлетворенностью жизнью. Это показывает, как благоприятный образ России в ближайшем будущем обуславливает здоровый уровень удовлетворенности в настоящем. Косвенно подобный результат был обнаружен в исследовании связи генерализованного доверия и личностной позиции, отражающейся в поддержке своей страны и ее военно-политических действий (Gulevich, Osin, 2023). Открытость также предопределяет удовлетворенность жизнью в условиях военного конфликта. Указывает это на то, что наличие планов на дальнейшую жизнь и уверенность в собственных силах повышают уровень удовлетворенности (Осин, Егорова, Кедрова, 2024). Так, Д.А. Леон-

тьев (Леонтьев, 2022) подчеркивает, что представления человека о наличии в его жизни возможностей увеличивают показатель удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия.

ОБ как предиктор психологического здоровья. «Усилия сегодня» имеют отрицательную связь с психологическим здоровьем респондентов. Соответственно, люди, полагающие, что их настоящее в меньшей степени зависит от них самих, чувствуют себя лучше в ситуации неопределенности, экстернальный локус контроля оказывается более адаптивным. Таких людей по стратегии адаптации можно отнести ко второму типу, выделенному эмпирически К.В. Лох (Лох, 2017), данный тип характеризуется пассивностью, эти люди «плывут по течению», тем самым обеспечивая свое приспособление к трудным условиям жизни. В ходе работы обнаружена связь между образом России сегодня и психологическим здоровьем. Значит, позитивный образ страны в настоящем обеспечивает человека более высоким уровнем психологического самочувствия. Открытость будущему связана с психологическим здоровьем жителей приграничья, наличие представлений о благоприятном будущем и деятельность, направленная на реализацию поставленных задач, повышают общий показатель психологического здоровья. На наш взгляд, образ будущего России и открытость включают в себя компонент конструктивного мечтания, о котором Е.Н. Осин с коллегами пишут как об адаптивном механизме, в некоторой степени обеспечивающем более высокий уровень психологического благополучия, автономность личности,

аутентичность выбора (Осин, Егорова, Кедрова, 2024).

Итак, успешную психологическую адаптацию в условиях непосредственной близости боевых действий обеспечивают в том числе компоненты образа будущего — образ России, уверенность в собственных силах и открытость. Все эти составляющие способны помочь человеку в стрессовых ситуациях справиться с эмоциями, стабилизировать психологическое состояние, соответственно, здоровье.

Конструкт открытости будущему как один из компонентов позитивного образа будущего взаимосвязан со всеми измеренными в ходе работы характеристиками психологической адаптации. Модели, включающие в себя открытость, объясняют внушительную долю дисперсии признаков адаптации. Исследователи полагают, что характеристиками открытости будущему являются: субъективное чувство контроля при встрече с ситуациями неопределенности; принятие и открытость тому, что может произойти в дальнейшем; планирование и работа, направленная на реализацию поставленных целей; вовлеченность в жизнь; самоэффективность и др. (Хегай и др., 2023). Именно эти показатели в виде единого конструкта в достаточной мере предсказывают психологическую адаптацию в условиях, приближенных к экстремальным.

В ходе обработки данных были рассчитаны средние показатели, оказавшиеся неоднозначными. Уровень тревожности и депрессии жителей приграничных зон — высокий, умеренная удовлетворенность жизнью и открытость будущему. Однако общий показатель психологического здоровья находится на высоком уровне, что

демонстрирует нам личностный потенциал даже в столь сложных жизненных обстоятельствах (Леонтьев, 2022).

Помимо открытости будущему, позитивного образа России сегодня и через год, а также воспринимаемого влияния собственных усилий на будущее, адаптацию в условиях военных действий могут обеспечивать и иные обстоятельства: поддержка со стороны семьи и государства, чувство единства с гражданами, трудовая деятельность или сочетание всех этих факторов. Существуют и другие психологические феномены, влияющие на приспособление — жизнестойкость, резилентность и др.

В одной из своих работ Т.А. Нестик пишет, что путь к решению общенациональных проблем (социально-экономических, политических, климатических и т.д.) лежит через формулирование позитивных целей, укрепление социального доверия, вовлечение всех заинтересованных сторон в разработку решений, научно обоснованную политику, сопереживание и взаимопомощь, рефлексивность и долгосрочную ориентацию (Нестик, 2021), что указывает на «полезность» образа будущего не только на личностном уровне, но и на групповом, формирование коллективного образа будущего как источника преодоления глобальных препятствий.

Заключение

Итак, настоящее исследование показало, что в условиях военных действий воздействие на психологическое состояние и адаптацию, на снижение тревожности и депрессии, на удовлетворенность жизнью и благополучие могут оказывать характеристики образа бу-

дущего, прежде всего открытость, позитивный образ России в настоящем и ближайшем будущем.

Конструкт «открытости будущему» является статистически значимым предиктором измеряемых компонентов психологической адаптации. Более высокий уровень открытости предсказывает снижение показателей тревожности и депрессии, а также повышение уровня удовлетворенности жизнью и психологического здоровья. Позитивный образ России как компонент образа будущего также выступает значимым предиктором успешной психологической адаптации в изученных условиях. Позитивный образ будущего в экстремальных условиях — как путь, ведущий человека к успешной психологической адаптации, несмотря на негативные события настоящего.

Ограничения. Невероятностная стратегия выборки (метод «снежного кома» и самоотбор) снижает репрезентативность и обобщаемость результатов. Ограничение инструментария — не изучен ряд психологических конструктов, связанных с адаптацией (резилентность, пост-травматический рост, жизнестойкость) и образом будущего (позитивное будущее, мышление о будущем, надежда).

Limitations. Non-probability sampling (snowball and self-selection) reduces representativeness and generalizability. Recommend larger, more representative sample. The limitation of the toolkit is that psychological phenomena related to adaptation (resilience, post-traumatic growth, hardiness) and the image of the future (positive future, thinking about the future, hope) have not been studied.

Список источников / References

1. Баранова, А.В., Яковлева, Н.В. (2018). Анализ понятия «образ будущего» в контексте психологии здоровья. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 6(4(23)), 808–822.
Baranova, A.V., Yakovleva, N.V. (2018). Analysis of the concept “image of the future” in the context of health psychology. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 6(4(23)), 808–822. (In Russ.).
2. Белобрыкина, О.А., Дроздова, А.В. (2021). Социально-психологическая адаптация: проблемы измерения (на примере анализа методики К.Р. Роджерса и Р.Ф. Даймонд). *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*, 3, 10–41.
Belobrykina, O.A., Drozdova, A.V. (2021). Socio-psychological adaptation: problems of measurement (on the example of the analysis of the CR Rogers and RF Diamond methodology). *Bulletin on Pedagogy and Psychology of South Siberia*, 3, 10–41. (In Russ.).
3. Быкова, Е.Б. (2003). Образ будущего в картине мира и Я-концепции личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. 211 с.
Bykova, E.B. (2003). The image of the future in the picture of the world and the self-concept of personality: Ph.D. (Psychology) Thesis. 211 p. (In Russ.).
4. Димидов, В.О., Рязанова, М.С., Коршунов, Д.С. (2022). Особенности психической саморегуляции студентов разных групп адаптационных способностей. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*, 2, 228–242.
Dimidov, V.O., Ryzanova, M.S., Korshunov, D.S. (2022). Features of mental self-regulation of students from different groups of adaptation abilities. *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2, 228–242. (In Russ.).
5. Золотарева, А.А. (2023). Диагностика депрессии: психометрическая оценка русскоязычной версии опросника здоровья пациента (Patient Health Questionnaire-9, PHQ-9). *Клиническая и специальная психология*, 12(4), 107–121.
Zolotareva, A.A. (2023). Diagnosis of Depression: Psychometric Examination of the Russian Version of the Patient Health Questionnaire (PHQ-9). *Clinical Psychology and Special Education*, 12(4), 107–121. (In Russ.).
6. Комаровский, В.С. (2020). Образ желаемого будущего России: проблемы формирования. *Власть*, 1, 45–50.
Komarovskii, V.S. (2020). The image of the desired future of Russia: problems of formation. *Vlast*, 1, 45–50. (In Russ.).
7. Круглова, Е.А., Корягина, К.А. (2022). Системно-психологический анализ образа будущего в период юности и молодости. *Системная психология и социология*, 1(41), 19–29.
Kruglova, E.A., Koryagina, K.A. (2022). System-psychological analysis of the image of the future during youth and young adulthood. *Systems Psychology and Sociology*, 1(41), 19–29. (In Russ.).
8. Леонтьев, Д.А. (2022). К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 12(2), 111–121. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.201>
Leontiev, D.A. (2022). Towards the psychology of the possible: The anthropological, the deterministic, the axiological and the existential context. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12(2), 111–121. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.201> (In Russ.).
9. Лох, К.В. (2017). Психологическая адаптация мирного населения к условиям длительного военного стресса. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета. URL: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/bitstream/123456789/4765/1/1590.pdf#page=110>

- Lokh, K.V. (2017). Psychological adaptation of the civilian population to the conditions of prolonged military stress. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press. URL: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/bitstream/123456789/4765/1/1590.pdf#page=110> (In Russ.).
10. Механизмы формирования ценностного единства и солидаризации российского общества в условиях роста социального неравенства и появления новых его видов. (2022). Отчет о научно-исследовательской работе Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Mechanisms of formation of value unity and solidarization of Russian society in the context of growing social inequality and the emergence of its new types. (2022). Report on the research work of the Center for Sociocultural Studies of HSE University. (In Russ.).
11. Нестик, Т.А. (2021). Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ. *Социодиггер*, 2(9(14)), 6–48.
Nestik, T.A. (2021). Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: a socio-psychological analysis. *Sociodigger*, 2(9(14)), 6–48. (In Russ.).
12. Осин, Е.Н., Леонтьев, Д.А. (2020). Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1(155), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
Osin, E.N., Leontiev, D.A. (2020). Short Russian-language scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1(155), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (In Russ.).
13. Осин, Е.Н., Егорова, П.А., Кедрова, Н.Б. (2024). Конструктивные функции мечты: от теоретической модели к эмпирической валидации. Часть 2. *Культурно-историческая психология*, 20(1), 97–107. <https://doi.org/10.17759/chp.2024200113>
Osin, E.N., Egorova, P.A., Kedrova, N.B. (2024). Constructive functions of dreaming: from a theoretical model to empirical validation. Part 2. *Cultural-Historical Psychology*, 20(1), 97–107. <https://doi.org/10.17759/chp.2024200113> (In Russ.).
14. Сапоровская, М.В., Конжин, С.И., Тихомирова, Е.В., Самохвалова, А.Г. (2023). Личностные регуляторы построения образа будущего на разных этапах профессионализации. *Теоретическая и экспериментальная психология*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-regulyatory-postroeniya-obraza-buduschego-na-raznyh-etapah-professionalizatsii>
Saporovskaya, M.V., Konzhin, S.I., Tikhomirova, E.V., Samokhvalova, A.G. (2023). Personal regulators of building the image of the future at different stages of professionalization. *Theoretical and experimental psychology*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-regulyatory-postroeniya-obraza-buduschego-na-raznyh-etapah-professionalizatsii> (In Russ.).
15. Татарко, А.Н. (2018). Социальный капитал и аккультурационные стратегии как факторы социокультурной адаптации мигрантов из Центральной и Средней Азии в московском регионе. *Культурно-историческая психология*, 14(2), 33–43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204>
Tatarko, A.N. (2018). Social capital and acculturation strategies as factors of sociocultural adaptation of migrants from Central and Middle Asia in the Moscow region. *Cultural-Historical Psychology*, 14(2), 33–43. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140204> (In Russ.).
16. Ханин, Ю.Л. (1976). *Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Spielbergера*. Ленинград.
Khanin, Yu.L. (1976). *A short guide to the C.D. Spielberger Scale of Reactive and Personal anxiety*. Leningrad.

17. Хегай, А.С., Золотарева, А.А., Каштанова, Т.А., Витко, Ю.С., Лебедева, А.А. (2023). Шкала открытости будущему: русскоязычная адаптация и валидизация. *Консультативная психология и психотерапия*, 31(2), 119–136. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310206>
Khegay, A.S., Zolotareva, A.A., Kashtanova, T.A., Vitko, Yu.S., Lebedeva, A.A. (2023). Openness to the Future Scale: The Russian Adaptation and Validization. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 31(2), 119–136. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310206> (In Russ.).
18. Храпкова, Д.Н. (2025). Временная перспектива, гражданская идентичность и психологическая адаптация молодежи прифронтовых регионов России: Магист. дис. НИУ ВШЭ. М.
Khrapkova, D.N. (2025). Time Perspective, Civil Identity and Psychological Adaptation of Youth in Russia Frontline Regions: Master's thesis. HSE University. Moscow. <https://www.hse.ru/edu/vkr/1045749430>. (In Russ.).
19. Шестопал, Е.Б. (2021). Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти. *Вестник Томского государственного университета*, 464, 99–112.
Shestopal, E.B. (2021). The image of the ideal future: normative representations of Russian citizens about power. *Bulletin of Tomsk State University*, 464, 99–112. (In Russ.).
20. Almansa, J.F.F., Trivilin, T., Hutz, C.S., de Almeida, R.M.M., Vazquez, A.C.S., de Freitas, C.P.P. (2024). Mental health of Brazilian students during the COVID-19 pandemic: the role of gratitude, optimism, and hope in reducing anxiety. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, 46.
21. Baumeister, R.F., Maranges, H.M., Sjästad, H. (2018). Consciousness of the future as a matrix of maybe: Pragmatic prospection and the simulation of alternative possibilities. *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*, 5(3), 223.
22. Dimenggo, D., Yendi, F.M. (2021). The correlation between self-confidence and anxiety in encounter the work environment of final semester students. *Jurnal Neo Konseling*, 3(1), 55–60.
23. Eubanks, A., Reece, A., Liebscher, A., Ruscio, A.M., Baumeister, R., Seligman, M. (2024). Pragmatic prospection is linked with positive life and workplace outcomes. *The Journal of Positive Psychology*, 19(3), 419–429.
24. Fekih-Romdhane, F., Helmy, M., Alhuwailah, A., Shuwiekh, H.A.M., Naser, A.Y., Maalej, E., Obeid, S., Cheour, M., Hallit, S. (2024). Mediating effect of depression and acute stress between exposure to Israel-Gaza war media coverage and insomnia: a multinational study from five arab countries. *BMC Public Health*. <https://doi.org/10.1186/s12889-024-18996-8>
25. Gulevich, O.A., Osin, E.N. (2023). Generalized trust and military attitudes in Russia: The role of national and global human identification. *British Journal of Social Psychology*, 62(3), 1566–1579.
26. Michel, N., Guillaume, M., Peter, S., Lawrence, P., Claude, B., Marvin, G. (2021). The tougher the environment, the harder the adaptation? A psychological point of view in extreme situations. *Acta Astronautica*, 187, 36–42.
27. Morales-Vives, F., Due as, J.M., Vigil-Colet, A., Camarero-Figuerola, M. (2020). Psychological variables related to adaptation to the COVID-19 lockdown in Spain. *Frontiers in Psychology*, 11.
28. Nesse, R.M. (2000). Is depression an adaptation? *Archives of General Psychiatry*, 57(1), 14–20.
29. Polak, F., Boulding, E. (1973). The image of the future. *Elsevier Scientific Publishing Company*.
30. Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2023). Psychological adaptation of Russians in post-Soviet countries: the role of context. *Population and Economics*, 7(3), 1–24.
31. Tatarko, A.N., Berry, J.W. (2024). Acculturation strategies and psychological adaptation of two generations of the same ethnic minority group in different sociopolitical contexts. *International Journal of Intercultural Relations*, 100.
32. Wall, T. (2010). Us psychological warfare and civilian targeting. *Peace Review*, 22(3), 288–294.

Храпкова Д.Н. (2026)
Образ будущего как предиктор психологической
адаптации жителей прифронтовых регионов...
Социальная психология и общество,
17(1), 23–40.

Khrapkova D.N. (2026)
Image of future as a predictor of psychological
adaptation among residents of Russia's frontline regions
Social Psychology and Society,
17(1), 23–40.

Информация об авторах

Диана Николаевна Храпкова, магистр психологии, стажер Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7210-0777>, e-mail: dnkhrapkova@edu.hse.ru

Information about the authors

Diana N. Khrapkova, MA in Psychology, Intern at the Centre for Sociocultural Research, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7210-0777>, e-mail: dnkhrapkova@edu.hse.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Декларация об этике

План эмпирического исследования был рассмотрен на заседании Комиссии по этической оценке исследовательских проектов департамента психологии НИУ ВШЭ 30.04.2024 и одобрен для реализации.

Ethics statement

The empirical research plan was reviewed and approved for implementation at the conference of the Commission for Ethical Review of Research Projects of the Department of Psychology at HSE University on 04/30/2024.

Поступила в редакцию 31.10.2024

Поступила после рецензирования 07.02.2026

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2024.10.31

Revised 2026.02.07

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Как идеологическая поляризация сказывается на семейных отношениях? Роль воспринимаемого психологического климата

О.А. Гулевич, Л.А. Семилетова ✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ lasemiletova@edu.hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Предыдущие исследования показали, что идеологическая поляризация оказывает негативное влияние на семейные и романтические отношения. Люди хуже относятся к членам семьи и романтическим партнерам, которых считают политическими оппонентами, чем к тем, кого считают политическими единомышленниками. Однако психологические механизмы этой связи не до конца понятны.

Цель. Анализ связи между идеологической поляризацией, удовлетворенностью базовых психологических потребностей и семейными отношениями.

Гипотеза. Идеологическая поляризация между членами семьи негативно связана с качеством семейных отношений. Эта связь опосредована политическими дискуссиями, которые фрустрируют базовые психологические потребности.

Методы и материалы. Респонденты рекрутировались на онлайн-платформе Яндекс-задания. Выборка включала 513 человек, которые указали, что являются гражданами России; 48,5% отметили, что являются мужчинами, а 51,5% — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 64 лет ($M = 38,96$, $SD = 9,88$). Респонденты выбирали члена семьи, с которым они обсуждают общественные проблемы, и указывали степень сходства между своими взглядами и взглядами этого человека. После этого участники отвечали на вопросы о (а) стиле политических дискуссий с этим человеком (авторская методика), (б) степени, в которой эти дискуссии удовлетворяют психологические потребности (Legate, Ryan, Weinstein, 2012), (в) отношениях с этим членом семьи (пункты из русскоязычной версии опросника FACES-IV; Зеленская, 2016).

Результаты. Идеологическая поляризация уменьшает вероятность компромисса и спокойной коммуникации между членами семьи, но увеличивает вероятность доминирования и напряженной коммуникации между ними. Поиск компромисса и спокойная коммуникация, в свою очередь, формируют автономный психологический климат, который способствует удовлетворению базовых психологических потребностей. В то же время доминирование и напряженная коммуникация способствуют формированию контролирующего психологического климата, который фрустрирует эти потребности. Автономный климат, в свою очередь, улучшает, а контролирующий климат ухудшает отношения между членами семьи.

Выводы. Идеологическая поляризация может ухудшить отношения между близкими людьми. Это происходит, поскольку политические оппоненты более настойчиво продвигают свою позицию и меньше слушают друг друга, чем политические единомышленники.

Этот эффект возникает преимущественно в том случае, когда политические дискуссии мешают участникам удовлетворять базовые психологические потребности. Это означает, что если собеседники могут восстановить автономный психологический климат с помощью других действий, политические дискуссии могут стать для них не препятствием, а возможностью расширить свое представление о политических событиях и процессах.

Ключевые слова: политическая поляризация, идеологическая поляризация, семья, межличностные отношения, теория базовых психологических потребностей, стратегии коммуникации

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://repo.hse.ru/search/item/396/description>.

Для цитирования: Гулевич, О.А., Семилетова, Л.А. (2026). Как идеологическая поляризация сказывается на семейных отношениях? Роль воспринимаемого психологического климата. *Социальная психология и общество*, 17(1), 41–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170103>

How does ideological polarization affect family relationships? The role of perceived psychological climate

O.A. Gulevich, L.A. Semiletova ✉

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

✉ lasemiletova@edu.hse.ru

Abstract

Context and relevance. Previous studies have shown that ideological polarization negatively affects family and romantic relationships. People have a more negative attitude toward family members and romantic partners they perceive as political opponents than toward those they see as politically like-minded individuals. However, the psychological mechanisms of this connection are not fully understood.

Objective. To analyze the relationship between ideological polarization, basic psychological needs satisfaction, and family relationships.

Hypothesis. Ideological polarization between family members is negatively associated with the quality of family relationships. This connection is mediated by political discussions that frustrate basic psychological needs.

Methods and materials. Respondents were recruited on the Yandex-Zadaniya online platform. The sample included 513 citizens; 48,5% identified as male and 51,5% as female; participants' ages ranged from 18 to 64 ($M = 38,96$, $SD = 9,88$). Participants selected a family member with whom they discuss social issues and indicated the degree of similarity between their views and those of that person. Participants then answered questions about (a) the style of political discussions with this person (the author's questionnaire), (b) the extent to which these discussions satisfy psychological needs (Legate, Ryan, Weinstein, 2012), and (c) relationships with this family member (items from the Russian version of the FACES-IV questionnaire; Zelenskaya, 2016).

Results. *Ideological polarization reduces the likelihood of compromise and calm communication between family members but increases the likelihood of dominance and tense communication between them. Compromise and calm communication, in turn, form an autonomy-supportive psychological climate that promotes the satisfaction of basic psychological needs. Meanwhile, dominance and tense communication contribute to the controlling psychological climate that frustrates these needs. The autonomy-supportive climate, in turn, improves, while the controlling climate worsens relationships between family members.*

Conclusions. *Ideological polarization can worsen relationships between close people. This occurs because political opponents more persistently promote their position and listen less to each other than political like-minded individuals do. This effect arises primarily when political discussions hinder participants from satisfying basic psychological needs. This means that if interlocutors can restore an autonomy-supportive psychological climate through other actions, political discussions can no longer be an obstacle for them, but an opportunity to expand their understanding of political events and processes.*

Keywords: *political polarization, ideological polarization, family, interpersonal relationships, basic psychological needs theory, communication strategies*

Funding. HSE University Basic Research Program, 2025.

Supplemental data. Datasets available from <https://repo.hse.ru/search/item/396/description>.

For citation: Gulevich, O.A., Semiletova, L.A. (2026). How does ideological polarization affect family relationships? The role of perceived psychological climate. *Social Psychology and Society*, 17(1), 41–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170103>

Введение

Политическая поляризация — это размежевание людей, живущих в одной стране, на основе политических взглядов. Одной из форм такого размежевания является идеологическая поляризация — «смещение» людей к более крайним позициям на политическом спектре. Под политическими позициями понимаются устойчивые политические ориентации или поддержка определенных политических партий; отношение к отдельным общественным событиям или проблемам; отношение к текущей политической системе или представителям власти.

Идеологическая поляризация оказывает двойственное влияние. С одной стороны, различие во взглядах избирателей и программах политических партий

побуждает людей активнее участвовать в политической жизни и отстаивать свои интересы. Например, чем выше идеологическая поляризация, тем меньше люди доверяют представителям власти (Kuhn, Marquis, 2025), но тем чаще голосуют на выборах (Béjar et al., 2020; Ellger, 2024; Nobolt, Hoerner, 2020) и участвуют в протестах (Griffin et al., 2021).

С другой стороны, идеологическая поляризация оказывает негативное влияние на романтические и семейные отношения. Люди меньше идентифицируются с близкими, которые кажутся им политическими оппонентами, чем с единомышленниками (Warner, Colaner, Park, 2021). Реже обсуждают с ними неполитические вопросы (Kobayashi, Tse, 2022) и меньше удовлетворены отноше-

ниями с ними (Peacock, Pederson, 2022). Ощущают большее психологическое выгорание и меньше верят в возможность строить отношения с оппонентами, чем с единомышленниками (Afifi и др., 2019).

Исследователи объясняют негативное воздействие идеологической поляризации по-разному. Одни обращают внимание на повседневное общение между романтическими партнерами и членами семьи. По их мнению, близкие люди, которые являются политическими оппонентами, реже демонстрируют хорошее отношение друг к другу (например, говорят комплименты, благодарят или целуют) и реже воспринимают друг друга как членов одной команды, чем политические единомышленники (Afifi и др., 2019).

Другие исследователи полагают, что важную роль играют политические дискуссии, которые разворачиваются между близкими людьми. Однако психологический механизм воздействия политических дискуссий не до конца изучен. Мы полагаем, что таким механизмом является удовлетворенность базовых психологических потребностей. Поэтому цель данного исследования — анализ связи между идеологической поляризацией, удовлетворенностью базовых психологических потребностей и семейными отношениями.

Идеологическая поляризация и политические дискуссии. Предыдущие исследования показали, что люди по-разному разговаривают о политике с единомышленниками и оппонентами. Можно выделить четыре основных направления этих различий: (а) частоту обсуждений, (б) настойчивость участников в продвижении своей позиции vs. позиции оппонента, (в) демонстрацию своего сходства с собеседником vs. отличия от

него и (г) эмоционально спокойный vs. напряженный обмен мнениями.

Во-первых, люди чаще обсуждают политические вопросы с родственниками, друзьями, коллегами, соседями и пользователями в социальных сетях, которые, по их мнению, являются политическими единомышленниками, чем с теми, кого они считают политическими оппонентами. Подобные различия были продемонстрированы в североамериканских (Cowan, Baldassarri, 2018; Gerber и др., 2012; Peacock, Pederson, 2022), европейских (Levinsen, Yndigegn, 2015) и китайских исследованиях (Kobayashi, Tse, 2022).

Во-вторых, при обсуждении политических проблем люди ведут себя по-разному. Одни активно продвигают свою позицию, игнорируя позицию оппонента (доминирование); другие уступают оппоненту (приспособление); третьи ищут с ним точки соприкосновения (компромисс). Исследования показали, что люди чаще продвигают свою точку зрения, но реже уступают и ищут точки соприкосновения с политическими оппонентами, чем с политическими единомышленниками (Normann, Vjarn e, Wonneberger, 2020; Peacock, Pederson, 2022; Warner, Colaner, Park, 2021).

В-третьих, люди чаще открыто не соглашаются и критикуют политического оппонента, чем политического единомышленника (Peacock, Pederson, 2022; Warner, Colaner, Park, 2021). В-четвертых, они более враждебно обращаются с оппонентами, чем с единомышленниками (Peacock, Pederson, 2022). Открытая критика и враждебность повышают психологическую напряженность между участниками.

Некоторые из перечисленных выше особенностей ухудшают отношения между близкими людьми, например, уменьшают

удовлетворенность романтическими отношениями (Peacock, Pederson, 2022) и идентификацию с семьей (Warner, Colaner, Park, 2021). Однако частота коммуникации и количество споров как таковых не связаны с качеством близких отношений. Это позволяет предположить, что связь между особенностями коммуникации и близкими отношениями опосредуется дополнительными переменными. На наш взгляд, эту роль может выполнять удовлетворенность психологических потребностей.

Идеологическая поляризация и удовлетворенность психологических потребностей. В основе целого ряда психологических теорий лежит идея о том, что люди обладают психологическими потребностями, удовлетворение которых оказывает позитивное влияние на их психологическое состояние и поведение, а фрустрация — негативное. Удовлетворение этих потребностей во многом зависит от социального окружения. В целом человек более позитивно реагирует на окружающих людей, которые помогают ему удовлетворить психологические потребности, чем на тех, кто эти потребности фрустрирует.

Например, эта идея была реализована в теории базовых психологических потребностей — одной из концепций, которая существует в рамках более широкой теории самодетерминации (Ryan, Deci, 2017). Согласно этой теории, люди обладают тремя основными психологическими потребностями: стремятся действовать по собственной воле, в соответствии со своими ценностями и целями (потребность в автономии); демонстрировать свои знания и навыки, достигать успеха в важной для себя деятельности (потребность в компетентности); формировать «теплые» отношения, основанные на взаимном уважении и доверии

(потребность в связанности) (Ryan et al., 2022; Vansteenkiste, Soenens, Ryan, 2023).

Удовлетворенность потребностей в автономии, компетентности и связанности зависит от психологического климата — обстановки, которую создают действия окружающих людей, событий, которые с человеком происходят, и ситуаций, в которых он оказывается (Vansteenkiste, Soenens, Ryan, 2023). Этот климат может быть проксимальным и дистальным: проксимальный климат создают люди, с которыми человек непосредственно общается, например, друзья, семья, коллеги и т.д.; дистальный климат — культурные, экономические и политические институты, которые существуют в стране.

Проксимальный и дистальный климат могут быть автономными и контролирующими. Люди, которые относятся к окружающим с уважением и понимаем, дают им возможность выразить свое мнение и проявить свои способности, создают автономный климат, который способствует удовлетворению базовых потребностей. В то же время люди, создающие противоположную обстановку, формируют контролирующий климат, который фрустрирует эти потребности (Ryan, Deci, 2017; Vansteenkiste, Soenens, Ryan, 2023). Удовлетворение базовых психологических потребностей, в свою очередь, является необходимым условием для благополучия и процветания человека.

Кроме того, некоторые исследования показали, что психологический климат оказывает влияние на отношение к людям, которые его создают. Чем более автономный климат создают родители и романтические партнеры, тем сильнее дети привязаны к ним (La Guardia и др., 2000). Чем более автономный климат создают предпо-

даватели, тем более легитимными студенты считают их действия (Gra a, Calheiros, Barata, 2013). Чем более автономный климат создают руководители, тем лучше работают сотрудники (Slemp и др., 2018). Чем более автономный климат существует в обществе, тем больше люди доверяют политикам (Гулевич, Чернов, 2025) и одобряют существующее положение дел (Kachanoff и др., 2020; Kachanoff, 2023).

Мы полагаем, что члены семьи и романтические партнеры, которые участвуют в политических дискуссиях, создают психологический климат и, как следствие, удовлетворяют или фрустрируют психологические потребности друг друга. Например, исследования показали, что чем больше различие во взглядах участников, тем больше им кажется, что во время дискуссий партнер давит на них (фрустрация потребности в автономии) и относится к ним без уважения (фрустрация потребности в связанности) (Peacock, Pederson, 2022; Warner, Colaner, Park, 2021).

Ощущение давления и неуважения со стороны партнера, в свою очередь, уменьшает удовлетворенность романтическими отношениями (Peacock, Pederson, 2022) и идентификацию с семьей (Warner, Colaner, Park, 2021). Эти результаты соответствуют данным, полученным в рамках теории базовых психологических потребностей. Однако исследования политической поляризации, в которых они были получены, не проводят различия между особенностями коммуникации и удовлетворенностью потребностей: их показатели измеряются вперемешку, иногда в рамках одних и тех же методик. Это ограничение было учтено в нашем исследовании.

Текущее исследование. Мы предположили, что, во-первых, идеологическая

поляризация связана с характеристиками политических дискуссий. Чем менее похожими люди считают свои политические взгляды и взгляды другого члена семьи, тем меньше им кажется, что собеседник пытается найти компромисс (гипотеза 1а) и сделать обсуждение более спокойным (гипотеза 1б). Тем больше им кажется, что собеседник пытается избежать обсуждения (гипотеза 1в), «продвинуть» свою точку зрения (гипотеза 1г) и сделать дискуссию более напряженной (гипотеза 1д).

Во-вторых, мы ожидали, что особенности коммуникации связаны с восприятием психологического климата, который создает собеседник. Чем больше человеку кажется, что его собеседник пытается найти компромисс (гипотеза 2а) и сделать обсуждение более спокойным (гипотеза 2б), тем более автономным (менее контролирующим) он считает психологический климат. Кроме того, чем больше человеку кажется, что член семьи пытается избежать обсуждения (гипотеза 2в), «продвинуть» свою точку зрения (гипотеза 2г) или сделать дискуссию более напряженной (гипотеза 2д), тем менее автономным (более контролирующим) он считает этот климат.

В-третьих, мы предположили, что воспринимаемый психологический климат связан с качеством близких отношений. Чем более автономным (менее контролирующим) человек считает психологический климат, который создает собеседник, тем более «теплыми» ему кажутся отношения с этим человеком (гипотеза 3). Таким образом, стиль коммуникации (гипотеза 4а) и воспринимаемый психологический климат (гипотеза 4б) медируют связь между идеологической поляризацией и качеством семейных отношений. Для

проверки этих гипотез мы провели кросс-секционное исследование.

Основная методическая проблема была связана с выбором критерия идеологической поляризации. Обычно такими критериями являются представление о том, как должно быть устроено общество (в научной психологической литературе оно называется политической ориентацией), поддержка определенной политической партии/политика или взгляд на конкретное общественное событие/проблему. Однако в современной России ни один из этих критериев не описывает основание раскола. Поэтому нам был нужен иной критерий, который, с одной стороны, был бы понятен респондентам, а с другой — отражал раскол.

Некоторые российские исследования показали, что таким критерием может стать отношение к действующей власти («доверие vs. недоверие власти») или состоянию дел в стране («одобрение vs. неодобрение положения дел в стране») (Гулевич, Косимова, 2024; Стукал, Шилина, Ахременко, 2025). Однако люди не всегда рассматривают общественные проблемы как отражение действий властей или состояния общества в целом. Поэтому мы решили использовать максимально общий критерий — точку зрения на проблемы, которые существуют в стране.

Материалы и методы

Выборка и процедура исследования.

В исследовании приняли участие российские респонденты. Опрос был проведен на сервисе Яндекс.Задания. В выборку вошли 513 человек, которые были зарегистрированными пользователями этого ресурса и указали, что являются гражданами России: 249 человек (48,5%)

отметили, что являются мужчинами, а 264 человека (51,5%) — женщинами; возраст участников варьировался от 18 до 64 лет ($M = 38,96$, $SD = 9,88$). Респонденты получали онлайн-ссылку на опросник, размещенный на внешнем сервисе 1ka.si. Сначала они читали введение и давали информированное согласие на участие.

Затем они получили вопрос-фильтр: «Пожалуйста, подумайте о каком-либо близком человеке, с которым вы живете в одной квартире/доме и обсуждаете общественные события, происходящие в России или с ее участием. Речь идет об обсуждениях, которые были недавно или продолжаются до сих пор. Отметьте, пожалуйста, кто этот человек». Респондент мог выбрать один из вариантов ответа: «жена/муж», «девушка/парень», «мама/папа», «сестра/брат», «дочь/сын», «бабушка/дедушка», «другие родственники» или «не обсуждаю эти события с близкими людьми, вместе с которыми живу».

Этот пункт был нужен для того, чтобы в дальнейшем респонденты отвечали на вопросы о конкретном человеке. Однако ответы на него в дальнейшем не учитывались. Если респондент выбирал любой вариант ответа, кроме последнего, то опрос продолжался. Если он выбирал последний вариант, то опрос заканчивался. Опросник включал два контрольных вопроса на проверку внимания с правильным ответом (например, «выберите вариант “согласен”»). Респонденты, которые ответили на все вопросы и дали правильные ответы на контрольные вопросы, получали небольшое денежное вознаграждение.

Методики исследования. Опросник включал методики для измерения идеологической поляризации, воспринимаемого поведения члена семьи во время

обсуждения, воспринимаемого психологического климата и качества внутрисемейных отношений. Полные тексты всех методик находятся в Приложении А, раздел 1, методики А1, А2, А3.

Для измерения *идеологической поляризации* использовался один вопрос: «Пожалуйста, оцените, насколько ваши мнения соответствуют или не соответствуют мнениям этого человека». Поскольку этот вопрос шел сразу за вопросом-фильтром, то респонденты понимали, что речь идет о члене семьи, с которым они обсуждают общественные проблемы. Для ответа использовалась 7-балльная шкала от 1 — «никогда или почти никогда не совпадают» до 7 — «всегда или почти всегда совпадают». При обработке результатов данные «переворачивались» так, чтобы больший балл свидетельствовал о меньшем совпадении, т.е. о более сильной идеологической поляризации.

Воспринимаемое коммуникативное поведение партнера измерялось с помощью авторской методики, созданной для данного исследования. Она состояла из 15 утверждений, которые образовали пять субшкал.

Девять утверждений были заимствованы из русскоязычной версии опросника для измерения стратегий поведения в конфликте (Кардашина, Шаньгина, 2016), но переформулированы под задачу. Они описывали доминирование («Он/она пытается любыми путями убедить меня в своей правоте»), компромисс («Он/она пытается найти точки соприкосновения, чтобы достичь компромисса») и избегание («В случае разногласий он/она стремится завершить разговор»).

Шесть утверждений были сформулированы на основе предварительных

интервью с участниками семейных политематических дискуссий. Они описывали «усиление напряженности» («Он/она специально старается сделать обсуждение более острым») и «ослабление напряженности» («Он/она делает все, чтобы снизить эмоциональный накал обсуждения»).

Для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «совершенно не согласен(на)» до 7 — «совершенно согласен(на)». Конфирматорный факторный анализ показал, что модель из пяти взаимосвязанных факторов хорошо соответствовала данным: $\chi^2(80) = 153^{***}$, $CFI = 0,983$, $TLI = 0,978$, $SRMR = 0,034$, $RMSEA = 0,042$ 90% CI [0,032; 0,052]. При обработке мы вычисляли средние показатели по пяти субшкалам. Во всех случаях больший балл свидетельствовал о большей выраженности соответствующего показателя.

Для измерения *воспринимаемого автономного vs. контролируемого климата* был использован англоязычный опросник (Legate, Ryan, Weinstein, 2012), который включал 10 утверждений. Перевод на русский язык осуществлялся авторами статьи. В итоговом варианте мы изменили две особенности. Во-первых, в оригинальном варианте некоторые утверждения начинались со слов «я думаю», а некоторые — нет. Мы унифицировали пункты, убрав эти вводные слова. Во-вторых, в оригинальном варианте было использовано словосочетание «моя семья», а мы заменили его на «он/она».

Для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «совершенно не согласен(на)» до 7 — «совершенно согласен(на)». Конфирматорный факторный анализ показал, что однофакторная модель опросника удовлет-

ворительно соответствует данным: $\chi^2(35) = 120^{***}$, $CFI = 0,980$, $TLI = 0,975$, $SRMR = 0,020$, $RMSEA = 0,069$ 90% CI [0,056; 0,083]. Поэтому при обработке мы вычисляли среднее значение по шкале. Большой балл свидетельствовал о более автономном климате, а меньший — о более контролирующем.

Качество отношений измерялось с помощью утверждений из русскоязычного варианта методики FACES-IV (Зеленская, 2016). Мы использовали три утверждения из субшкалы сплоченности (например, «При принятии важных решений мы советуемся друг с другом») и три — из субшкалы разобщенности (например, «Мы редко полагаемся друг на друга»). Для ответа была использована 7-балльная шкала от 1 — «совершенно не согласен(на)» до 7 — «совершенно согласен(на)». При обработке пункты из шкалы разобщенности были «перевернуты», после чего был посчитан средний показатель удовлетворенности отношениями. Как следствие, большой балл свидетельствовал о большей удовлетворенности.

Социально-демографические особенности измерялись с помощью пяти вопросов. Респонденты указывали свой пол (1 — мужчина, 2 — женщина, 3 — другое), возраст (количество лет), образование (от 1 — начальное до 5 — высшее), доход (от 1 — не хватает денег даже на еду до 5 — можем позволить себе все, в том числе покупку квартиры или дачи) и гражданство (1 — Россия, 2 — другое). В ходе анализа социально-демографические особенности, за исключением гражданства, использовались в качестве контрольных переменных. Ответы на вопрос о гражданстве использовались как вопрос-фильтр.

Результаты

Первичные результаты представлены в Приложении А, раздел 2, табл. А1. Согласованность опросников, описательная статистика и корреляции вычислялись в статистическом пакете Jamovi (см. Приложение А, раздел 2, табл. А1). Для проверки гипотез в статистическом пакете R был проведен медиационный анализ (бутстрэппинг 5000 итераций с коррекцией доверительных интервалов). Результаты, необходимые для проверки гипотез, представлены на рис. 1–3 в тексте статьи; полные медиационные модели — в Приложении А, раздел 2, табл. А2, А3, А4.

Сначала мы проанализировали роль трех особенностей коммуникации, связанных с продвижением своей позиции vs. позиции оппонента (рис. 1). Оказалось, что идеологическая поляризация была позитивно связана с восприятием доминирования собеседника, негативно — с компромиссом, но не связана с избеганием. Доминирование, в свою очередь, было негативно связано с воспринимаемой автономностью климата, компромисс был позитивно связан с этой переменной, а избегание не было связано с ней. Эти результаты подтверждают гипотезы 1а, 1г, 2а и 2г, но не подтверждают гипотезы 1в и 2в.

Затем мы рассмотрели роль двух особенностей коммуникации, отражающих эмоциональную напряженность (рис. 2). Выяснилось, что идеологическая поляризация позитивно связана с действиями, увеличивающими напряженность, но негативно — с действиями, уменьшающими напряженность. Усиление напряженности, в свою очередь, негативно связано с воспринимаемой автономностью климата, а ослабление напряженности — позитивно. Эти результаты подтверждают гипотезы 1б, 1д, 2б и 2д.

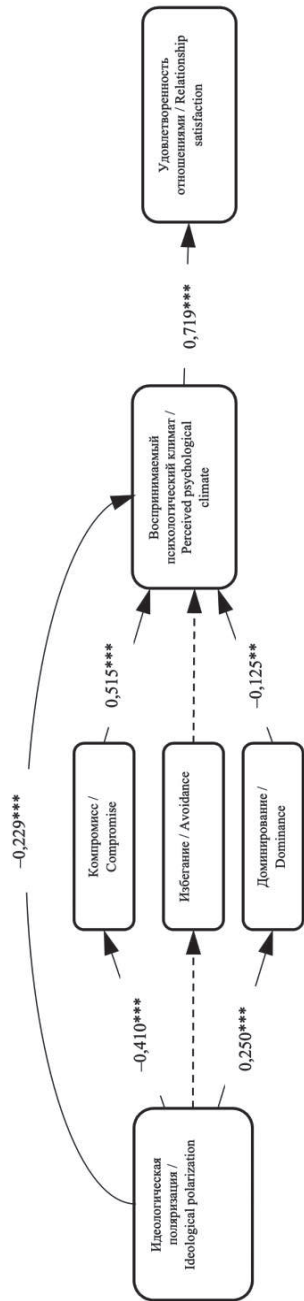

Рис. 1. Компромисс, избегание и доминирование как медиаторы связи идеологической поляризации с удовлетворенностью отношениями: сплошными линиями обозначены статистически значимые связи, пунктирными – незначимые. Учитывались коэффициенты, значимые на уровне $p \leq 0,01$

Fig. 1. Compromise, avoidance and dominance as mediators of the relationship between ideological polarization and relationship satisfaction: solid lines indicate statistically significant correlations, while dotted lines indicate insignificant ones. Coefficients significant at the $p \leq 0,01$ level were taken into account

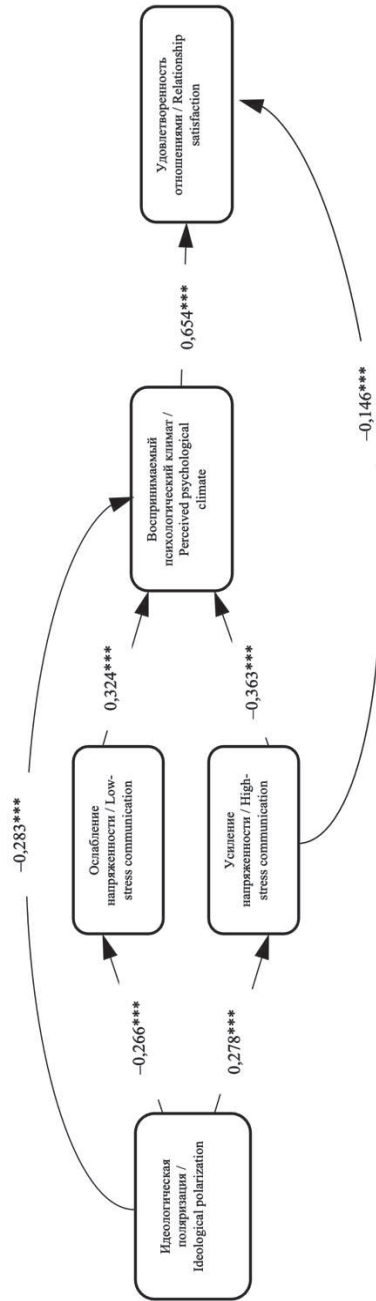

Рис. 2. Ослабление и усиление напряженности как медиаторы связи идеологической поляризации с удовлетворенностью отношениями: учитывались коэффициенты, значимые на уровне $p \leq 0,01$

Fig. 2. Stressfulness of communication as mediator of the relationship between ideological polarization and relationship satisfaction: coefficients significant at the $p \leq 0,01$ level were taken into account

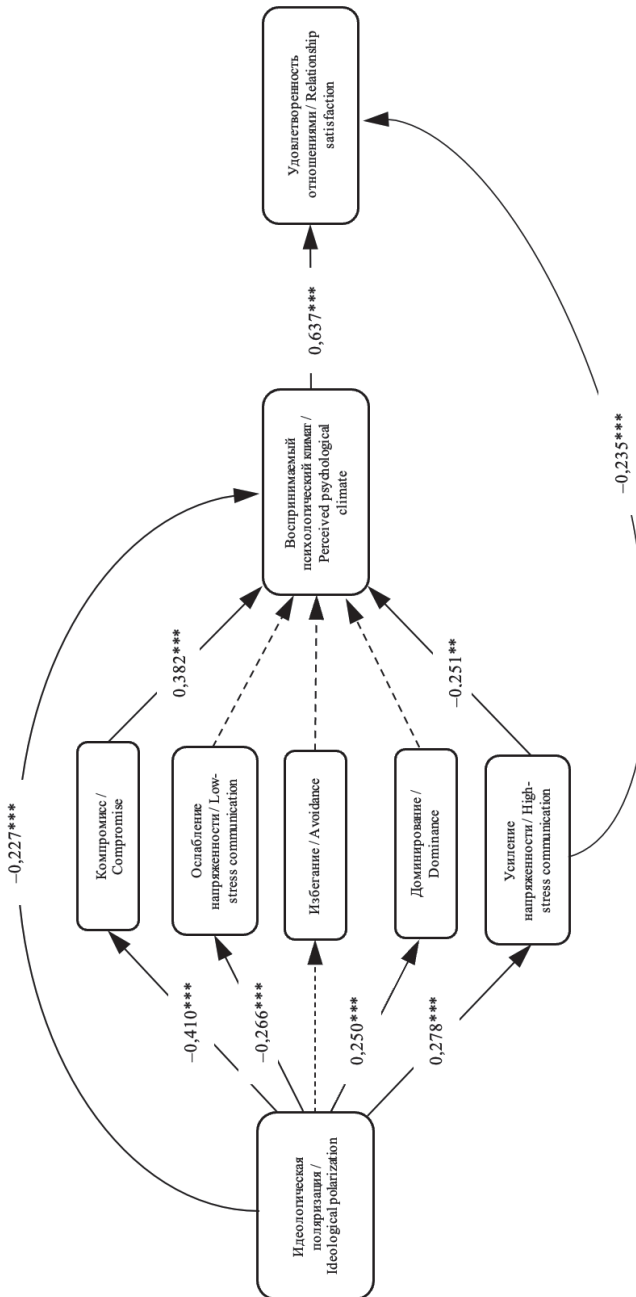

Рис. 3. Все особенности коммуникации как медиаторы связи идеологической поляризации с удовлетворенностью отношениями: сплошными линиями обозначены статистически значимые связи, пунктирными — незначимые. Учитывались коэффициенты, значимые на уровне $p \leq 0,01$

Fig. 3. All communication features as mediators of the relationship between ideological polarization and relationship satisfaction: solid lines indicate statistically significant correlations, while dotted lines indicate insignificant ones. Coefficients significant at the $p \leq 0,01$ level were taken into account

Большинство связей сохранились в комплексной модели, которая включала все особенности коммуникации (рис. 3). Однако наблюдалось два исключения: позитивная связь воспринимаемой автономности климата с ослаблением напряженности и негативная — с доминированием стали статистически незначимыми. Иными словами, поиск компромисса лучше предсказывал воспринимаемый психологический климат, чем ослабление напряженности, а усиление напряженности лучше, чем доминирование.

Кроме того, все модели показали, что воспринимаемая автономность климата была позитивно связана с качеством семейных отношений, что подтверждает гипотезу 3. При этом связь между идеологической поляризацией и качеством отношений опосредовалась компромиссом (Приложение А, раздел 2, табл. А2, А4) и доминированием (Приложение А, раздел 2, табл. А2), ослаблением (Приложение А, раздел 2, табл. А3) и усилением напряженности (Приложение А, раздел 2, табл. А3, А4), а также воспринимаемым психологическим климатом. Эти результаты подтверждают гипотезы 4а и 4б.

Кроме того, все модели продемонстрировали, что между идеологической поляризацией и воспринимаемым климатом, а также между усилением напряжения и удовлетворенностью отношениями существуют непосредственные негативные связи. Это означает, что коммуникативное поведение партнера и воспринимаемый климат опосредуют эти связи только частично.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы проанализировали связь между идеологической по-

ляризацией и качеством отношений с членами семьи. Мы предположили, что люди реагируют на расхождение в политических взглядах стремлением навязать свою позицию собеседнику или уйти от дискуссии в ущерб компромиссу, а также нагнетанием напряженности в ущерб ее снижению. Эти действия, в свою очередь, способствуют формированию психологического климата, который фрустрирует базовые психологические потребности и, как следствие, ухудшает семейные отношения.

Результаты исследования *позволили сделать несколько выводов*. Во-первых, чем больше людям казалось, что их взгляды на происходящее в стране расходятся со взглядами других членов семьи, тем больше, по их мнению, родственники пытались доминировать в дискуссии и меньше — достичь компромисса. Кроме того, тем больше усилий члены семьи прикладывали, чтобы сделать обсуждение более эмоционально напряженным и меньше для того, чтобы успокоить собеседника. Эти результаты соответствуют данным американских исследований (Peacock, Pederson, 2022; Warner, Colaner, Park, 2021).

В то же время восприятие различия во взглядах не было связано с избеганием дискуссии — попыткой уйти от обсуждения неприятной темы. Эти результаты противоречат данным, полученным в одних исследованиях (Cowan, Baldassarri, 2018; Gerber и др., 2012; Kobayashi, Tse, 2022; Levinsen, Yndigegn, 2015; Peacock, Pederson, 2022), но соответствуют результатам, полученным в других (Normann, Vjarnøe, Wonneberger, 2020). Отсутствие связи может быть вызвано по меньшей мере двумя причинами. В частности, в начале опроса мы про-

силы респондентов вспомнить человека, с которым они обсуждают происходящее в стране. Поэтому те, кто избегал дискуссий, могли сразу отказаться от участия в исследовании.

Кроме того, отсутствие связи может быть связано с конкуренцией двух тенденций. С одной стороны, люди могут избегать дискуссий с политическими оппонентами из ближнего окружения, стремясь сохранить хорошие отношения с ними. С другой стороны, для людей может быть важно, чтобы члены семьи одобрили и тем самым подтвердили «правильность» их представлений о мире. В пользу этой тенденции говорит американское исследование, показавшее, что, сталкиваясь с несогласием близких, люди больше вовлекаются в дискуссию (Morey, Eveland, Hutchens, 2012). Две противоположных тенденции нейтрализуют друг друга.

Во-вторых, чем больше людям казалось, что их собеседник продвигает свою позицию и усиливает напряженность, тем меньше такое обсуждение удовлетворяло их базовые психологические потребности. В то же время чем больше им казалось, что собеседник пытается снизить «эмоциональный накал» обсуждения и достичь компромисса, тем больше отношения с ним удовлетворяли эти потребности. Таким образом, восприятие психологического климата во многом зависит от того, как участники обсуждений ведут себя по отношению друг к другу.

Тем не менее, выяснилось, что между идеологической политической поляризацией и восприятием психологического климата существует непосредственная (т.е. не опосредованная другими переменными) связь. Это можно объяснить

двумя обстоятельствами. С одной стороны, выделенные нами показатели могут охватывать не все особенности коммуникации, способствующие формированию автономного или контролирующего климата. С другой стороны, общение между членами семьи не ограничивается политическими дискуссиями, поэтому они могут компенсировать сложность, возникающие из-за обсуждения общественных проблем, другими способами.

В-третьих, чем более автономным люди считали климат, который создавали члены семьи, тем «теплее» были отношения между ними. При этом воспринимаемый климат полностью опосредовал связь между стилем коммуникации (за исключением усиления напряженности) и удовлетворенностью отношениями с близкими. Этот результат соответствует описанным выше исследованиям, согласно которым воспринимаемый автономный климат, создаваемый окружающими людьми, способствует формированию позитивного отношения к ним (Graça, Calheiros, Barata, 2013; La Guardia и др., 2000; Slemph и др., 2018).

Таким образом, данное исследование **вносит вклад в изучение последствий идеологической поляризации**. В предыдущих исследованиях рассматривалась поляризация, в основе которой лежали представления об обществе в целом, поддержка политических акторов и отношение к отдельным проблемам. В данном случае мы использовали более общий критерий и воспроизвели некоторые уже известные тенденции. Кроме того, авторы предыдущих исследований не проводили различия между разными механизмами политической поляризации, а мы разделили особенности ком-

муникации и удовлетворенность психологических потребностей.

Заключение

В этом исследовании мы проанализировали связь между идеологической политической поляризацией, политической дискуссией между членами семьи, удовлетворением базовых психологических потребностей и качеством семейных отношений. Это исследование показало, что идеологическая поляризация уменьшает вероятность компромисса и спокойной коммуникации между членами семьи, но увеличивает вероятность доминирования и психологически напряженной коммуникации между ними.

Поиск компромисса и спокойная коммуникация формируют автономный психологический климат, который способствует удовлетворению базовых психологических потребностей. В то же время доминирование и напряженная коммуникация способствуют формированию контролирующего климата, который фрустрирует эти потребности. Автономный климат, в свою очередь, улучшает, а контролирующий климат ухудшает отношение людей к членам семьи. Таким образом, психологический климат объясняет негативную связь политической поляризации с качеством близких отношений.

Ограничения. Данное исследование имеет несколько ограничений. В частности, теоретическая модель, описывающая связь идеологической поляризации с близкими отношениями, носит причинно-следственный характер, а наше исследование является кросс-секционным. С одной стороны, это отражает сложив-

шуюся исследовательскую практику; с другой стороны, не позволяет сделать надежный вывод о направлении причинно-следственной связи. Поэтому для проверки этой модели имеет смысл провести лонгитюдное исследование, в котором первые три параметра будут измеряться в одном замере, а отношения с членом семьи — в другом.

Кроме того, в нашем исследовании рассматривалась идеологическая поляризация в семейных отношениях. Однако предыдущие исследования показали, что люди реагируют на идеологическую поляризацию в близких и дистантных отношениях разным образом. Например, степень расхождения во взглядах связана с меньшей готовностью к компромиссу в дистантных отношениях, но не связана — в близких (Hormann, Vjarnøe, Wonneberger, 2020). Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл сравнить связь между идеологической поляризацией, особенностями коммуникации, психологическим климатом и качеством отношений с разными людьми.

Помимо этого, мы рассматривали базовые психологические потребности, описанные в теории базовых психологических потребностей. Однако в политико-психологических исследованиях используются и другие представления о потребностях. Например, теория оправдания системы выделяет потребности в безопасности (экзистенциальная потребность), определенности (эпистемологическая потребность) и принадлежности к группе (социальная потребность) (Jost, 2020). Таким образом, в будущих исследованиях имеет смысл сравнить роль потребностей, описанных в разных теориях.

Наконец, мы просили респондентов оценить, каким образом ведут себя их собеседники, но не спрашивали об их собственном поведении. С одной стороны, это соответствует предыдущим исследованиям. С другой стороны, можно предположить, что восприятие действий собеседника зависит от соотношений его действий с действиями самого человека. Например, человек, который пытается доминировать в споре, может менее негативно реагировать на аналогичные действия партнера. Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл спрашивать респондентов об их действиях.

Limitations. This study has several limitations. First, the theoretical model describing the relationship between ideological polarization and close relationships is causal, and our study is cross-sectional. On the one hand, this reflects established research practice. On the other hand, it does not allow for an accurate conclusion about the direction of causality. Therefore, to test this model, it makes sense to conduct a longitudinal study in which the three variables will be measured in the first wave, and the fourth variable in the second wave.

Second, our study looked at ideological polarization in family relationships. However, previous studies have shown that people react differently to ideological polarization in

close and distant relationships. For example, the difference in views is related to less compromise in distant relationships but not to close ones (Hopmann, Bjarnøe, Wonneberger, 2020). Therefore, in future research, it can compare the relationship between ideological polarization, political discussions, perceived psychological climate, and the quality of relationships with different people.

Third, we considered the basic psychological needs from the Basic Psychological Needs Theory. However, in political psychological studies, other classifications of basic psychological needs are used. For example, the System Justification Theory highlights existential, epistemological, and social needs (Jost, 2020). Thus, in future studies, it can compare the role of basic psychological needs from different theories.

Fourth, we asked respondents to assess how their interlocutors behave, but did not ask about their own behaviour. On the one hand, this is consistent with previous studies. On the other hand, it can be assumed that the perception of the actions of the interlocutor depends on the relationship of his actions with the actions of the person himself. For example, a person who tries to dominate in a dispute may react less negatively to similar actions of the partner. Therefore, in future studies, it makes sense to ask respondents about their actions.

Список источников / References

1. Гулевич, О.А., Косимова, С.С. (2024). Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. *Социальная психология и общество*, 15(4), 123–139. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>
Gulevich, O.A., Kosimova, S.S. The relationship between Russian identity and political polarization: The role of secure national identification and national narcissism. *Social Psychology and Society*, 15(4), 123–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409>

2. Гулевич, О.А., Семилетова, Л.А. (2025). Как политическая поляризация сказывается на семейных отношениях? Роль воспринимаемого психологического климата [Датасет]. Репозиторий социально-экономической информации НИУ ВШЭ. URL: <https://repo.hse.ru/search/item/396/description>
Gulevich, O.A., Semiletova, L.A. How does political polarization affect family relationships? The role of perceived psychological climate [Dataset]. HSE Socio-Economic Information Repository. URL: <https://repo.hse.ru/search/item/396/description> (In Russ.).
3. Гулевич, О.А., Чернов, Д.Н. (2025). Автономный политический климат и отношение к политической системе: как теория самодетерминации помогает понять политические взгляды. *Социальная психология и общество*, 16(1), 51–69. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103>
Gulevich, O.A., Chernov, D.N. (2025). Autonomous political climate and attitude towards the political system: How self-determination theory helps to understand political views. *Social Psychology and Society*, 16(1), 51–69. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160103> (In Russ.).
4. Зеленская, М.С. (2016). Адаптация методики FACES-IV на российской выборке подросткового возраста: магист. дис. НИУ ВШЭ. М.
Zelenskaya, M.S. (2016). Adaptation of the FACES-IV methodology on a Russian adolescent sample: Master's thesis. Higher School of Economics. Moscow. (In Russ.).
5. Кардашина, С.В., Шаньгина, Н.В. (2016). Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса–Р. Килманна («Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument-TKI-R»). *Педагогическое образование в России*, 11, 219–220. <https://doi.org/10.26170/po16-11-36>
Kardashina, S.V., Shangina, N.V. (2016). Psychometric characteristics of the Russian version of the K. Thomas–R. Kilmann questionnaire («Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument-TKI-R»). *Pedagogical Education in Russia*, 11, 219–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/po16-11-36>
6. Стукал, Д.К., Шилина, А.Н., Ахременко, А.С. (2025). Социальные медиа как альтер эго реальности: о чем говорит аффективная политическая поляризация? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 27(3).
Stukal, D.K., Shilina, A.N., Akhremenko, A.S. (2025). Social media as alter ego of reality: what does affective political polarization tell us? *RUDN Journal of Political Science*, 27(3). (In Russ.).
7. Afifi, T.D., Zamanzadeh, N., Harrison, K., Torrez, D.P. (2019). Explaining the impact of differences in voting patterns on resilience and relational load in romantic relationships during the transition to the Trump presidency. *Journal of Social and Personal Relationships*, 37(1), 3–26. <https://doi.org/10.1177/0265407519846566>
8. Béjar, S., Moraes, J.A., Lopez-Cariboni, S. (2020). Elite polarization and voting turnout in Latin America, 1993–2010. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 30, 1–21. <https://doi.org/10.1080/17457289.2018.1545775>
9. Cowan, S.K., Baldassarri, D. (2018). “It could turn ugly”: Selective disclosure of attitudes in political discussion networks. *Social Networks*, 52, 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.04.002>
10. Ellger, F. (2024). The mobilizing effect of party system polarization: Evidence from Europe. *Comparative Political Studies*, 57, 1310–1338. <https://doi.org/10.1177/001014140231194059>
11. Gerber, A.S., Huber, G.A., Doherty, D., Dowling, C.M. (2012). Disagreement and the avoidance of political discussion: Aggregate relationships and differences across personality traits. *American Journal of Political Science*, 56, 849–874. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2011.00571.x>

12. Graça, J., Calheiros, M.M., Barata, M.C. (2013). Authority in the classroom: Adolescent autonomy, autonomy support, and teachers' legitimacy. *European Journal of Psychology of Education*, 28(3), 1065–1076. <https://doi.org/10.1007/s10212-012-0154-1>
13. Griffin, J., Kiewiet de Jonge, C., Velasco-Guachalla, V. (2021). Deprivation in the midst of plenty: Citizen polarization and political protest. *British Journal of Political Science*, 51, 1080–1096. <https://doi.org/10.1017/S0007123419000681>
14. Grubbs, J.B., Warmke, B., Tosi, J., James, A.S. (2020). Moral grandstanding and political polarization: A multi-study consideration. *Journal of Research in Personality*, 88, 104009. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2020.104009>
15. Hobolt, S., Hoerner, J. (2020). The mobilising effect of political choice. *European Journal of Political Research*, 59, 229–247. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12353>
16. Hopmann, D.N., Bjarnøe, C., Wonneberger, A. (2020). Responding to interpersonal political disagreement. *International Journal of Public Opinion Research*, 32(1), 66–88. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edz011>
17. Jost, J.T. (2020). A theory of system justification. *Harvard University Press*. <https://doi.org/10.2307/j.ctv13qfw6w>
18. Kachanoff, F.J. (2023). A group-conscious approach to basic psychological needs theory. In R.M. Ryan (Ed.), *The Oxford Handbook of Self-Determination Theory*. *Oxford University Press*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.56>
19. Kachanoff, F.J., Kteily, N.S., Park, H.J., Khullar, T.H., Taylor, D.M. (2020). Determining our destiny: Do restrictions to collective autonomy fuel collective action? *Journal of Personality and Social Psychology*, 119(3), 600–632. <https://doi.org/10.1037/pspi0000217>
20. Kobayashi, T., Tse, C.H. (2022). How political disagreements undermine intrafamily communication: The case of the anti-extradition bill movement in Hong Kong. *Chinese Journal of Communication*, 15(3), 378–400. <https://doi.org/10.1080/17544750.2021.1987283>
21. Kuhn, U., Marquis, L. (2025). Does ideological polarization promote political engagement and trust? Evidence from Swiss panel data, 1999–2023. *European Journal of Political Research*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1017/S1475676525100248>
22. La Guardia, J.G., Ryan, R.M., Couchman, C.E., Deci, E.L. (2000). Within-person variation in security of attachment: A self-determination theory perspective on attachment, need fulfillment, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 79(3), 367–384. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.3.367>
23. Legate, N., Ryan, R.M., Weinstein, N. (2012). Is coming out always a «good thing»? Exploring the relations of autonomy support, outness, and wellness for lesbian, gay, and bisexual individuals. *Social Psychological and Personality Science*, 3(2), 145–152. <https://doi.org/10.1177/1948550611411929>
24. Levinsen, K., Yndigegn, C. (2015). Political discussions with family and friends: Exploring the impact of political distance. *The Sociological Review*, 63(S2), 72–91. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12263>
25. Morey, A.C., Eveland, W.P., Hutchens, M.J. (2012). The «Who» Matters: Types of Interpersonal Relationships and Avoidance of Political Disagreement. *Political Communication*, 29(1), 86–103. <https://doi.org/10.1080/10584609.2011.641070>
26. Peacock, C., Pederson, J.R. (2022). Love and politics: The influence of politically (dis)similar romantic relationships on political participation and relationship satisfaction. *Human Communication Research*, 48(4), 567–578. <https://doi.org/10.1093/hcr/hqac011>

27. Ryan, R.M., Duineveld, J.J., Di Domenico, S.I., Ryan, W.S., Steward, B.A., Bradshaw, E.L. 2022. “We Know This Much Is (Meta-Analytically) True: A Meta-Review of Meta-Analytic Findings Evaluating Self-Determination Theory.” *Psychological Bulletin* 148 (11–12), 813–842. <https://doi.org/10.1037/bul0000385>
28. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. *Guilford Press*.
29. Sinclair, S., Nilsson, A., Agerström, J. (2023). Judging job applicants by their politics: Effects of target–rater political dissimilarity on discrimination, cooperation, and stereotyping. *Journal of Social and Political Psychology*, 11, 75–91.
30. Slemp, G.R., Kern, M.L., Patrick, K.J., Ryan, R.M. (2018). Leader autonomy support in the workplace: A meta-analytic review. *Motivation and Emotion*, 42(5), 706–724. <https://doi.org/10.1007/s11031-018-9698-y>
31. Vansteenkiste, M., Soenens, B., Ryan, R.M. (2023). Basic psychological needs theory: A conceptual and empirical review of key criteria. In R.M. Ryan (Ed.), *The Oxford Handbook of Self-Determination Theory*. *Oxford Academic*. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197600047.013.5>
32. Warner, B.R., Colaner, C.W., Park, J. (2021). Political difference and polarization in the family: The role of (non)accommodating communication for navigating identity differences. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(2), 564–585.

Приложение / Appendix

Приложение А. Методики и результаты исследования. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170103>

Appendix А. Methods and results of the study. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170103>

Информация об авторах

Ольга Александровна Гулевич, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Лиля Артемовна Семилетова, бакалавр политологии, студентка магистратуры «Прикладная политология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7176-0290>, e-mail: lasemiletova@edu.hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Liya A. Semiletova, Bachelor of Arts in Political Science, Master of Arts Student in Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7176-0290>, e-mail: lasemiletova@edu.hse.ru

Вклад авторов

Гулевич О.А. — идея и планирование исследования; аннотирование, написание теоретического обзора и обсуждения результатов исследования; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; визуализация результатов исследования; контроль за проведением исследования.

Семилетова Л.А. — идея и планирование исследования; сбор и анализ данных; написание методологии и результатов исследования; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Olga A. Gulevich — idea and planning of the study; annotation, writing a theoretical review and discussion of the results of the study; application of statistical, mathematical or other methods to analyze the data; visualization of the results of the study; control over the conduct of the study.

Liya A. Semiletova — idea and planning of the study; collection and analysis of data; writing of the methodology and results of the study; application of statistical, mathematical or other methods to analyze the data; preparation of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and agreed on the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Респонденты предоставляли онлайн информированное согласие на участие в этом исследовании.

Ethics statement

Respondents provided informed consent online to participate in this activity.

Поступила в редакцию 12.09.2025

Поступила после рецензирования 24.11.2025

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.09.12

Revised 2025.11.24

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений

М.В. Григорьева^{1,2} ✉, Р.М. Шамионов^{1,2}, В.К. Абуталипова¹

¹ Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация

² Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Саратов, Российская Федерация

✉ grigoryevamv@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Межпоколенческие исследования дискриминационных установок и их ценностных предикторов способствуют решению психологических проблем, связанных с определенными убеждениями.

Цель. Сравнить дискриминационные установки и их ценностные предикторы представителей поколения молодежи и родителей.

Гипотеза. Дискриминационные установки молодежи менее выражены в сравнении с установками старшего поколения (поколения родителей).

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 263 человека. Представители младшего поколения $M = 20,55$ лет ($n = 170$, 97 женщин, 73 мужчин), старшего поколения — $M = 42,22$ ($n = 93$, 59 женщин, 38 мужчин). Для оценки силы дискриминационных установок были использованы вопросы, включающие среды дискриминации и аутгруппы. Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен ценностный опросник Ш. Шварца.

Результаты. Старшее поколение в большей степени склонно ограничивать активность, не принимать и испытывать предубеждение к представителям выделяющихся в социальном пространстве групп. У младшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность традиций, значимым отрицательным предиктором — ценность самостоятельности мысли; у старшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность власти как ресурса; значимыми отрицательными предикторами — ценность гедонизма и приверженность этнической группе.

Выводы. Ценностные и социально-демографические предикторы общей дискриминационной установки в младшем и старшем поколениях разные. Стремление к самостоятельности и критичности мышления молодого поколения способствует снижению силы предубеждений по отношению к окружающим. У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма. У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций.

Ключевые слова: дискриминационные установки, ценностные предикторы, молодежь, поколение родителей

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/0af4417b-1bf7-448c-a800-8a7c79fa2bdf/full>.

Для цитирования: Григорьева, М.В., Шамионов, Р.М., Абуталипова, В.К. (2026). Дискриминационные установки и их ценностные предикторы у представителей разных поколений. *Социальная психология и общество*, 17(1), 60–76. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170104>

Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations

M.V. Grigoryeva^{1,2} ✉, R.M. Shamionov^{1,2}, V.K. Abutalipova¹

¹ Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

² Saratov Military Order of the Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation

✉ grigoryevamv@mail.ru

Abstract

Context and Relevance. *Intergenerational studies of discriminatory attitudes and their value predictors contribute to the resolution of psychological problems associated with certain beliefs.*

Objective. *To compare discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of the youth and parental generations.*

Hypothesis. *Discriminatory attitudes among youth are less pronounced than those of the older generation (parental generation).*

Methods and Materials. *The study involved 263 participants. Representatives of the younger generation (M = 20,55 years) (n = 170, 97 women, 73 men) and the older generation (M = 42,22 years) (n = 93, 59 women, 38 men) were included. To assess the strength of discriminatory attitudes, questions were used that included discriminatory environments and outgroups. The expression of individual values was assessed using the Schwartz Value Questionnaire.*

Results. *The older generation is more inclined to limit activity, reject, and experience prejudice toward members of socially prominent groups. Among the younger generation, the value of tradition is a significant positive predictor of discriminatory attitudes, while the value of independence of thought is a significant negative predictor. Among the older generation, the value of power as a resource is a significant positive predictor of discriminatory attitudes; the value of hedonism and commitment to an ethnic group are significant negative predictors.*

Conclusions. *The value and sociodemographic predictors of general discriminatory attitudes differ between the younger and older generations. The younger generation's desire for independence and critical thinking helps reduce the intensity of prejudice toward others. Among the older generation, the value of hedonism significantly reduces general discriminatory attitudes. Among the younger generation, the value of traditions increases general discriminatory attitudes.*

Keywords: *discriminatory attitudes, value predictors, youth, parents' generation*

Funding. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of scientific project No. 24-28-00529, <https://rscf.ru/project/24-28-00529/>.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/items/0af4417b-1bf7-448c-a800-8a7c79fa2bdf/full>.

For citation: Grigoryeva, M.V., Shamionov, R.M., Abutalipova, V.K. (2026). Discriminatory attitudes and their value predictors among representatives of different generations. *Social Psychology and Society*, 17(1), 60–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170104>

Введение

Дискриминационные установки личности и группы имеют двоякую интерпретацию с точки зрения их вклада в развитие общества. С одной стороны, их критическая масса становится реальным фактором, тормозящим общественное развитие (в том числе и социально-экономическое, и социально-политическое). Это связано с тем, что гетерогенная система имеет больше шансов на развитие и позитивные изменения в целом. Эта позиция прослеживается и в работах У. Мак-Даугалла, и Ж. Пиаже, и А. Миракяна, и В.И. Панова, и многих других теоретиков в области психологии (Мак-Даугалл, 1912; Миракян, 2010; Панов, 2014; Пиаже, 1972). С другой стороны, имеется представление о том, что дискриминационные установки составляют важную часть современного общественного порядка в связи с наличием таких его феноменов, которые нацелены на сохранение его структурной единицы — группы, что говорит об их «полезной» функции для него (общества) (Котова, 2024).

Дискриминационная установка — это основанная на представлениях предрасположенность личности к поведению, направленному на ограничение активности и лишение определенных прав других людей, складывающаяся в процессе социализации и регулирующая поступки

человека и целостное отношение к представителям аутгрупп (Шамяонов, 2019). Следует признать, что дискриминационные установки связаны с теми границами, которые устанавливаются группами/личностями в отношении «своего» бытийного пространства. В определенной степени они столь же естественны, сколь и необходимы. Общественную опасность представляет установка как регулятор поведения, направленного на бытийное пространство Другого как носителя инаковости, поскольку может способствовать торможению своего развития, самореализации и тем самым внесению вклада в развитие общества.

Следует также отметить и то, что, несмотря на схожесть проблем с дискриминацией представителей различных социальных групп в разных обществах, исследователи отмечают наличие культурных различий (культурной специфики) их проявлений. Из проведенных ранее исследований следует, что гендерные, возрастные и классовые стереотипы в основном универсальны, а вот религиозные, этнические и расовые — культурно-специфичны (Fiske, 2017). Из этих исследований следует, что при анализе дискриминационных установок необходимо учитывать это ограничение.

Исследования ценностных факторов предубеждений, дискриминационных

установок, проведенные в последние десятилетия, свидетельствуют о наличии их специфики в зависимости от сфер дискриминации. Многочисленные исследования предрассудков и дискриминационных установок свидетельствуют в пользу того, что поддержка идеологических принципов авторитаризма правого толка и ориентации на социальное доминирование являются основаниями дискриминационных установок (Sibley, Duckitt, 2013; Григорьев, 2017).

Межпоколенческие исследования открывают перспективы для решения психологических проблем, связанных с определенными убеждениями, верованиями и установками, сложившимися под влиянием условий их социализации в определенный этап общественного развития. Б.Г. Ананьев, определяя стратегию исследования, предлагал рассматривать личность как современника определенной эпохи, представителя определенного поколения (Ананьев, 2001). Такой ракурс исследования позволяет установить обстоятельства формирования этих установок, убеждений и прочих диспозиций как регуляторов социального поведения личности. Кроме того, межпоколенческие исследования позволяют установить если не причины, то обстоятельства смены политических взглядов, предпочтений, моделей выбора (Van der Brug, Kritzinger, 2025), ценностные и смысловые ориентации (Пищик, 2019). Поэтому межпоколенческие исследования становятся основаниями для прогнозирования поведенческих тенденций, имеющих значение в социально-политической перспективе. Несмотря на сложившиеся к настоящему времени представления о поколениях, привязанных к определен-

ным историческим периодам (например, обозначенным ярлыками «миллениалы», «беби-бумеры» и пр.), что подвергается значительной критике и психологами, прежде всего из-за кросс-культурных различий и их привязки к культурным событиям в западных странах, и социологами (Rudolph et al., 2021), очевидно, поколения следует рассматривать сквозь призму социально-возрастной периодизации. Например, предлагается рассматривать межпоколенческие различия между людьми, чей возраст примерно отличается на 15-20 лет (Тычина, Рикель, 2024) или периодами когорт (Rudolph et al., 2021).

Представление о поколении как общности, находящейся в специфичных условиях бытия, включая экономические подъемы/спады, войны и исторический опыт, социальные изменения, предполагает учет условий его социализации и ее влияния на развитие личности, ее ментальности и содержания жизни (Пищик, 2021; Микляева, Постникова, 2019; Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias, 2021). Между тем основными «выгодоприобретателями» от межпоколенческих исследований являются работодатели и в целом сфера профессиональной деятельности, поскольку вопрос о сходстве и различиях поколений связан с пониманием влияния возраста и старения на работе (Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias, 2021). Неслучайно и стереотипы поколений работников, в том числе друг о друге, анализируются применительно к организациям (Arras-Djabi et al., 2023). Особенно это проявляется в возрастных предрассудках и дискриминации на рабочем месте (North, Fiske, 2012).

Критика межпоколенческих исследований связана по преимуществу с признанием того факта, что разные люди, живущие в одной историко-культурной реальности, могут по-разному реагировать на ее содержание и вовсе необязательно характеризуются единообразием в социально-психологическом облике (Пищик и др., 2023). Соглашаясь с этими утверждениями, мы склонны рассматривать поколения сквозь призму их «носительства» присущих определенному историческому периоду социокультурных характеристик — установок, убеждений, ценностей, наконец. Исходя из социологического взгляда, поколение может рассматриваться как социальная общность, включающая людей, близких по возрасту и характеризующихся общностью переживаний социально-политических, культурно-исторических событий. Поэтому межпоколенческий ракурс нами рассматривается сквозь призму восприятия реальности поколением «отцов и детей», а не с точки зрения ярлыков, приписанных рожденным в те или иные десятилетия.

Исследование дискриминационных установок и их ценностных предикторов в межпоколенческом ракурсе позволит установить как возрастные различия (сходство), так и наличие (отсутствие) их преемственности. Поэтому главный вопрос, стоящий перед исследователями в данном случае, — в какой мере проявляются сходство и отличия дискриминационных установок и их ценностных предикторов представителей поколения молодежи и поколения родителей.

Гипотезы исследования: 1. Дискриминационные установки молодежи менее выражены в сравнении с установками

старшего поколения (поколения родителей). 2. Универсальной ценностью, объясняющей вариации дискриминационных установок, является ценность благожелательность-забота и традиции; ценностным предиктором генерализованной дискриминационной установки младшего поколения является самостоятельность, старшего поколения — власть.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 263 человека в возрасте 18–45 лет. Из общей выборки выделены две крайние выборки по возрасту, относящиеся к поколениям (младшее и старшее). Абсолютная разница возраста составляет более 20 лет. Средний возраст представителей младшего поколения $M = 20,55$ лет ($n = 170$, 97 женщин, 73 мужчин), старшего поколения — $M = 42,22$ ($n = 93$, 59 женщин, 38 мужчин).

Для оценки силы дискриминационных установок были использованы вопросы, включающие среды дискриминации и аутгруппы: *Оцените, пожалуйста, в какой степени Вы испытываете неприятие и предубеждения к представителям перечисленных групп в разных обстоятельствах* (1 — не имею никакого неприятия и предубеждений, 5 — абсолютно не приемлю, испытываю крайнее неприятие и предубеждения); *Попробуйте оценить, в каких сферах больше всего Вам не хотелось бы видеть представителей группы, вызывающей у Вас неприятие?* Оцените по 5-балльной системе (1 — не имею никакого неприятия и предубеждений, 5 — абсолютно не приемлю) (Шамионов, Григорьева, 2020).

На основе ранее апробированного приема факторизации мишеней дискриминации (Шамионов, 2019) в текущем

исследовании выделены эмпирически проверенные четыре группы установок — предубеждения, испытываемые к: лицам с физическими недостатками, пенсионерам, детям и подросткам, жертвам преступлений и многодетным семьям (социально незащищенные группы); мигрантам, лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представителям иных этнических групп, иных религиозных групп (диссидентские группы); физически непривлекательным лицам, представителям различных субкультур, лицам с низкими доходами, лицам с психическими расстройствами, бездомным (социальные аутсайдеры); лицам другой социальной общности, уровня, статуса, более успешным, лицам с высокими доходами и политическим деятелям (социально-статусные группы).

Для изучения выраженности индивидуальных ценностей применен Портретный ценностный опросник Ш. Шварца (PVQ-R2) (Шварц и др., 2012), основанный на его уточненной теории базовых индивидуальных ценностей. Методика позволяет зафиксировать оценки значимости 19 базовых ценностей и включает 57 утверждений — портретных описаний (например, «Для него важно расширять свой кругозор»), степень сходства каждого из которых с собственными чертами респонденту предлагалось оценить по 6-балльной шкале (от «совсем не похож на меня» до «очень похож на меня»).

Для оценки социального доверия к источникам информации использовался общий вопрос: *Пожалуйста, попробуйте оценить, в какой степени Вы доверяете следующим источникам информации, по 7-балльной системе оценки, где 1 — не доверяю, 7 — доверяю полностью.*

Опрос респондентов проводился в режиме онлайн с использованием Google Forms, без контакта с интервьюером. Среднее время заполнения опросника составило 30 минут. Исследование было анонимным и добровольным.

В качестве статистических методов обработки данных использовались критерий t Стьюдента и пошаговый регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступил показатель общей дискриминационной установки, независимых переменных — показатели ценностей.

Диагностические материалы представлены в базе данных RusPsyData (Шамонов, Григорьева, Абуталипова, 2025).

Результаты

В табл. 1 представлены результаты сравнения выраженности дискриминационных установок младшего и старшего поколений.

Из табл. 1 видно, что общая дискриминационная установка значимо различается у представителей младшего и старшего поколений. Старшее поколение в большей степени склонно ограничивать активность, не принимать и испытывать предубеждение к представителям выделяющихся в социальном пространстве групп ($t = -2,06$ при $p = 0,041$ (см. табл. 1)). В большей степени это касается диссидентских (мигранты, лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией, представители иных этнических групп, иных религиозных групп) и социально-аутсайдерских групп (физически непривлекательные лица, представители различных субкультур, лица с низкими доходами, лица с психическими расстройствами, бездомные) ($t = -2,392$ при $p = 0,018$ и $-3,275$ при $p = 0,001$ соответственно (см. табл. 1)).

Таблица 1 / Table 1

**Дискриминационные установки представителей старшего ($n = 93$)
и младшего ($n = 170$) поколений**
**Discriminatory attitudes of representatives of the older ($n = 93$)
and younger ($n = 170$) generations**

Дискриминируемые группы / Discriminated groups	Младшее поколение / The younger generation	Старшее поколение / The older generation	t Студента / Student's t	Уровень значимости / Level of significance	d Коэна / Cohen's d
	M (SD) Среднее значение (стандартное отклонение)	M (SD) Среднее значение (стандартное отклонение)			
Социально незащищенные / Socially vulnerable	1,52 (0,75)	1,63 (0,87)	-1,02	0,308	0,13
Диссидентские / Dissidents	1,77 (0,86)	2,02 (0,84)	-2,39	0,018	0,29
Социально-аутсайдерские / Social outsiders	1,74 (0,76)	2,08 (0,86)	-3,28	0,001	0,43
Социально-статусные / Social status	1,92 (0,86)	1,99 (0,99)	-0,65	0,515	0,08
Общая дискриминационная установка / General discriminatory attitude	1,74 (0,67)	1,93 (0,79)	-2,06	0,041	0,27

В табл. 2 представлены результаты регрессионного анализа. Из табл. 2 вид-

но, что значимые предикторы в двух группах разные.

Таблица 2 / Table 2

Ценностные предикторы общей дискриминационной установки представителей младшего ($n = 170$) и старшего ($n = 93$) поколений
Value predictors of the general discriminatory attitude of representatives of the older ($n = 93$) and younger ($n = 170$) generations

Параметры / Parameters	Нестандартизованные коэффициенты / Unstandardized coefficients		Стандартизованные коэффициенты / Standardized coefficients	t Студента / Student's t	Уровень значимости / Level of significance
	B	Стандартная ошибка / Standard error	Бета / Beta		
Младшее поколение / The younger generation					
Константа / Constant	2,77	0,23		11,86	< 0,0001

Параметры / Parameters	Нестандартизованные коэффициенты / Unstandardized coefficients		Стандартизованные коэффициенты / Standardized coefficients	<i>t</i> Студента / Student's <i>t</i>	Уровень значимости / Level of significance
	<i>B</i>	Стандартная ошибка / Standard error	Бета / Beta		
Благожелательность-Забота / Benevolence-Care	-0,21	0,05	-0,37	-4,46	< 0,0001
Традиция / Tradition	0,15	0,04	0,25	3,56	< 0,0001
Самостоятельность мысли / Independence of thought	-0,14	0,05	-0,21	-2,65	0,01
Общие параметры модели / General parameters of the model	$R^2 = 0,25, F = 18,79, p < 0,001$				
Старшее поколение / The older generation					
Константа / Constant	3,62	0,43		8,46	< 0,0001
Приверженность этнической группе / Ethnic group loyalty	-0,39	0,12	-0,47	-3,09	< 0,0001
Благожелательность-Забота / Benevolence-Care	-0,23	0,08	-0,29	-2,89	0,01
Гедонизм / Hedonism	-0,26	0,08	-0,36	-3,31	0,001
Власть-Ресурсы / Power-Resources	0,17	0,07	0,22	2,28	0,03
Общие параметры модели / General parameters of the model	$R^2 = 0,30, F = 13,03, p < 0,001$				

Одинаковым значимым отрицательным предиктором дискриминационных установок у представителей младшего и старшего поколений является только ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим ($\beta = -0,373$ и $\beta = -0,288$ соответственно (см. табл. 2)). Остальные предикторы разные. У младшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность традиций ($\beta = 0,253$), значимым отрицательным предиктором — ценность

самостоятельности мысли ($\beta = -0,214$); у старшего поколения значимым положительным предиктором дискриминационных установок является ценность власти как ресурса ($\beta = 0,223$); значимыми отрицательными предикторами — ценность гедонизма ($\beta = -0,355$) и приверженность этнической группе ($\beta = -0,47$).

Обсуждение результатов

Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям диссидентских групп

(табл. 1), возможно, объясняются накоплением негативного опыта взаимодействия с ними, когда количество контактов с представителями этих групп возрастает при одновременном анализе и акцентуации неблагоприятных тенденций такого рода взаимодействий. Так, например, плохое знание русского языка большинства мигрантов ведет за собой их групповую обособленность и слабую интеграцию в принимающий социум, как следствие, недостаточность освоения ценностей и норм принимающего сообщества и непонимание, как следует себя вести в той или иной ситуации, что может привести к социальным девиациям. В свою очередь, попытки взаимодействия принимающей стороны с мигрантами сопровождаются непониманием мотивов их действий и возрастанием этнотропных тенденций, что приводит к социальному напряжению и желанию уйти от ситуаций взаимодействия с ними. Результаты исследований других авторов подтверждают эти суждения, так, в других исследованиях было показано, что уважение к другим, сопереживание и коллективистская направленность личности способствуют этнической толерантности (Солянкина, 2022).

Рекреационные стремления иных этнических групп, связанные, скорее всего, с желанием сохранения национальной культуры, также способствуют некоторому социальному противостоянию и укреплению стереотипов национальных особенностей у представителей титульной нации, что ведет к непониманию и более выраженным дискриминационным тенденциям у старшего поколения. В последние несколько десятилетий общество пытается активно решить про-

блему напряженности межэтнических отношений. Воспитанное в обстановке мультикультурности и многонациональности младшее поколение относится более толерантно к представителям других этносов. Эти результаты сочетаются с результатами исследований других авторов, связывающих межэтнические взаимоотношения с общим уровнем благополучия и системным участием общества в формировании межэтнической толерантности (Щеголькова, 2022).

Дискриминационные установки по отношению к представителям других религиозных групп, возможно, связаны с желанием отстоять и укрепить свои религиозные взгляды, а также противостоянием навязыванию других мировоззренческих взглядов, которые воспринимаются как сектантские и отклоняющиеся от вероучения. В более старшем возрасте мировоззрение, в том числе и отношение к религии, более устойчивое, и попытки его изменить ведут к негативному эмоциональному фону и противодействию.

Отношение к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией у более старшего поколения (40–45 лет) в большей степени дискриминационно, чем у младшего поколения, поскольку социкультурная ситуация их взросления связана в большей степени с традиционными отношениями между полами, когда проблематика нетрадиционных сексуальных отношений широко не обсуждалась. Большинство представителей старшего поколения имеют семью и детей, возможно, в большей степени осознают негативное влияние нетрадиционных сексуальных отношений на воспроизведение человеческого рода, поэтому стремятся ограничить распространение

активности представителей нетрадиционных сексуальных групп в социуме.

Дискриминационные установки к представителям социально-аутсайдерских групп (физически непривлекательные лица, представители различных субкультур, лица с низкими доходами, лица с психическими расстройствами, бездомные) у более старшего поколения связаны, возможно, с неприятием личностной и социальной слабости у них на фоне укрепления своего социального статуса. К тому же перечисленные лица демонстрируют представителям старшего поколения негативные социальные явления, от которых они тоже не застрахованы, и которые они исправить в большинстве случаев не могут. Такого рода осознание в большей степени может быть характерно для представителей более старшего возраста, чем для молодежи. Предубеждение к аутсайдерским группам в старшем поколении связано с желанием избежать социальных контактов с ними и тем самым снизить собственное негативное эмоциональное напряжение.

Ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим у представителей и младшего, и старшего поколений значимо снижает общую дискриминационную установку (табл. 2). Благожелательность и забота об окружающих на уровне принципов и идеалов, руководящих поведением и действиями, обеспечивают уважительное и толерантное отношение к другим людям, в том числе отличающимся от большинства людей некоторыми особенностями, что способствует снижению силы предубеждений и ослаблению дискриминационных стремлений.

У младшего поколения снижает общую дискриминационную установку так-

же ценность самостоятельности мысли (табл. 2). Очевидно, стремление к самостоятельности и критичности мышления способствует расширению и усложнению картины мира, пониманию мотивов и последствий социальных действий других людей, что ведет к снижению силы предубеждений по отношению к ним.

У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма (табл. 2). Стремление к удовольствию и избегание негативных эмоций, возможно, заставляют представителей старшего поколения не замечать особенностей других социальных групп, не взаимодействовать с ними и тем самым не воспринимать проблему дискриминации как касающуюся собственной личности.

Приверженность этнической группе является значимым социально-демографическим предиктором общей дискриминационной установки у старшего поколения. Она снижает дискриминационные установки за счет усиления уверенности в социальной поддержке внутри своей этнической группы, принятия разнообразия контактирующих этносов, снижения социальной напряженности и в конечном счете реализации потребности быть принятым социальным окружением и субъективного благополучия.

У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций (табл. 2). Ориентация на сложившиеся традиции общества и ближайшего социального окружения создает условия противодействия тому, что плохо сочетается с этими традициями, не способствует стремлению понимать и принимать что-то другое. Нормы и ценности, отличные

от традиционных, в целом могут восприниматься молодежью как неправильные, бессмысленные, иногда враждебные. Это приводит к усилению дискриминационных установок и предубеждений.

У представителей старшего поколения общая дискриминационная установка усиливается при условии проявления ценности власти как ресурса (табл. 2). Возможно, старшее поколение в большей степени склонно анализировать общественно-политические процессы, чем молодежь, в силу их жизненного опыта и осознания влияния этих процессов на качество их жизни. Анализ власти как необходимости и ее ресурсов (экономических, социальных, культурно-информационных) приводит старшее поколение к тому, что социальное разнообразие в обществе и организация порядка при условии такого разнообразия связаны с повышением затрат ресурсов власти и снижением социальных благ для относительно благополучных слоев населения. Поэтому ограничение разнообразия и связанные с этим дискриминационные установки способствуют, по мнению некоторых представителей старшего поколения, улучшению стратификационной структуры общества и повышению их собственного благополучия.

Взаимосвязь ценностей и стереотипов, ведущих к дискриминационным установкам, отмечают и другие исследователи (Свердлова, Сюэ, 2025).

Заключение

Актуальность проблемы дискриминационных установок выводит на уровень необходимости постоянного мониторинга оснований дискриминационных установок, тех убеждений и ценностей,

которые способствуют генерализации дискриминационных установок, способствуют их социальной приемлемости и обращают их в неявные формы.

Проведенное сравнительное межпоколенное исследование позволило сформулировать следующие **выводы**.

1. Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям диссидентских групп связаны в большинстве случаев с непониманием культурных особенностей и языковыми барьерами в общении с мигрантами; желанием этнических групп социального обособления в принимающем социуме; укреплением традиционных религиозных взглядов и стереотипизацией отношения к другим религиозным группам, осознанием негативного влияния нетрадиционных сексуальных отношений на воспроизведение человеческого рода. Более выраженные дискриминационные установки старшего поколения к представителям социально-аутсайдерских групп связаны в большинстве случаев с желанием избежать социальных контактов с ними и тем самым снизить собственное негативное эмоциональное напряжение.

2. Ценностные и социально-демографические предикторы общей дискриминационной установки в младшем и старшем поколениях разные. Одинаковым значимым предиктором является только ценность благожелательности и заботы по отношению к окружающим, снижающая общую дискриминационную установку у представителей и младшего, и старшего поколений за счет обеспечения уважительного и толерантного отношения к другим людям.

3. Стремление к самостоятельности и критичности мышления младшего поко-

ления способствует расширению и усложнению картины мира, пониманию мотивов и последствий социальных действий других людей, что ведет к снижению силы преубеждений по отношению к ним.

4. У старшего поколения значимо снижает общую дискриминационную установку ценность гедонизма, поскольку стремление к удовольствию и избегание негативных эмоций способствуют тому, что проблема дискриминации не воспринимается как касающаяся собственной личности.

5. У представителей младшего поколения общую дискриминационную установку повышает ценность традиций; у представителей старшего поколения — ценность власти как ресурса. В обоих случаях это связано со стремлением ограничить социальное разнообразие и ресурсы власти.

6. Значимым социально-демографическим предиктором общей дискриминационной установки у представителей старшего поколения является приверженность этнической группе за счет реализации потребности быть принятым социальным окружением и субъективным благополучия.

Обобщенный ценностно-установочный портрет старшего поколения можно представить следующим образом. Представители старшего поколения склонны дискриминировать представителей дисидентских и социально-аутсайдерских групп, дискриминационные установки у

старшего поколения усиливаются с признанием ценности власти, снижаются, если они стремятся к гедонизму, привержены своей этнической группе и благожелательны к окружающим. Обобщенный ценностно-установочный портрет младшего поколения выглядит следующим образом. Представители младшего поколения в меньшей степени склонны к дискриминационным установкам. Дискриминационные установки у них усиливаются, если они ценят традиции, и снижаются, если представители младшего поколения обладают самостоятельностью и критичностью мышления, относятся к окружающим благожелательно.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением нелинейных связей дискриминационных установок с ценностными факторами, расширением комплекса детерминант дискриминационных установок, включением в перечень факторов дискриминационных установок мировоззренческих убеждений, индивидуально-личностных качеств, социально-психологических установок и т.п.

Ограничения. Ограничения исследования и его выводов связаны с небольшим размером выборки и ее российской принадлежностью.

Limitations. Limitations of the study and its findings include the small sample size and its Russian origin.

Список источников / References

1. Ананьев, Б.Г. (2001). *Человек как предмет познания*. СПб.: Питер.
Ananyev, B.G. (2001). *Man as an object of knowledge*. St. Petersburg: Piter.
2. Глотов, М.Б. (2004). Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, 10, 42–48.

- Glotov, M.B. (2004). Generation as a category of sociology. *Sociological studies*, 10, 42–48. (In Russ.).
3. Григорьев, Д.С. (2020). Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2), 215–244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
- Grigoriev, D.S. (2020). Model of Stereotype Content and Ethnic Stereotypes in Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2), 215–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>
4. Григорьев, Д.С. (2017). Разработка короткой версии шкал из методик Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир. *Национальный психологический журнал*, 4(28), 30–44. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
- Grigoriev, D.S. (2017). Development of a short version of the scales from J. Duckett's methodology: right-wing authoritarianism, orientation toward social dominance, belief in a dangerous and competitive world. *National Psychological Journal*, 4(28), 30–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0403>
5. Котова, М.В. (2024). Трансформация предрасположенности в неявные формы как индикатор его функций в межгрупповых отношениях. *Социальная психология и общество*, 15(1), 57–75. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
- Kotova, M.V. (2024). Transformation of prejudice into implicit forms as an indicator of its functions in intergroup relations. *Social Psychology and Society*, 15(1), 57–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150104>
6. Мак-Дуголл, В. (1916). *Основные проблемы социальной психологии* / Пер. с 4-го англ. изд. М.Н. Смирновой, под ред. Н.Д. Виноградова. М.: Космос.
- McDougall, W. (1916). *Fundamental Problems of Social Psychology* / Translated from the 4th English edition by M.N. Smirnova, edited by N.D. Vinogradov. Moscow: Kosmos. (In Russ.).
7. Микляева, А.В., Постникова, М.И. (2019). Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 114–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
- Miklyaeva, A.V., Postnikova, M.I. (2019). Social and psychological structure of intergenerational relations of student youth. *Social Psychology and Society*, 10(2), 114–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100209>
8. Миракян, А.И. (2010). Основания трансцендентальной психологии восприятия. В: А.И. Миракян и современная психология восприятия. Сб. научных работ (с. 61–89). М.: УРАО «Психологический институт».
- Mirakyan, A.I. (2010). Foundations of transcendental psychology of perception. In: A.I. Mirakyan and modern psychology of perception. *Collection of scientific works* (pp. 61–89). Moscow: Ural State Joint-Stock Company “Psychological Institute”. (In Russ.).
9. Панов, В.И. (2014). *Экопсихология: Парадигмальный поиск*. М.; СПб.: Психологический ин-т РАО; Нестор-История.
- Panov, V.I. (2014). *Ecopychology: Paradigmatic Search*. Moscow; St. Petersburg: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Nestor-History. (In Russ.).
10. Пиаже, Ж. (1972). *Избранные психологические труды*. М.: Международная педагогическая академия.
- Piaget, J. (1972). *Selected psychological works*. Moscow: International Pedagogical Academy.

11. Пищик, В.И. (2021). Психологические характеристики «нового поколения»: гомогенность vs гетерогенность. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 18(1), 42–63. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63>
Pishchik, V.I. (2021). Psychological Characteristics of the “New Generation”: Homogeneity vs Heterogeneity. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(1), 42–63. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-42-63>
12. Пищик, В.И., Черноусова, Т.В., Постникова, М.И., Микляева, А.В., Сиврикова, Н.В. (2023). Жизнь современных поколений: социально-психологические тенденции. М.: Изд-во НИЦ ИНФРА-М.
Pishchik, V.I., Chernousova, T.V., Postnikova, M.I., Miklyaeva, A.V., Sivrikova, N.V. (2023). *Life of modern generations: socio-psychological trends*. Moscow: Publishing house of the Research Center INFRA-M. (In Russ.).
13. Пищик, В.И. (2019). Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи. *Социальная психология и общество*, 10(2), 67–81. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>
Pishchik, V.I. (2019). Value dimensions of generations through actualized fears. *Social Psychology and Society*, 10(2), 67–81. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100206>
14. Свердлова, Н.А., Сюэ, Б. (2025). Аксиологические основы этнических стереотипов (на примере китайского и русского языков). *Международный научно-исследовательский журнал*, 4(154). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7>
Sverdlova, N.A., Xue, B. (2025). Axiological foundations of ethnic stereotypes (on the example of Chinese and Russian languages). *International Research Journal*, 4(154). (In Russ.). <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.154.7>
15. Солянкина, Л.Е. (2022). Этническая толерантность как детерминант стабильного развития транзитивного общества. *Либерально-демократические ценности*, 6(4), 47–51.
Solyankina, L.E. (2022). Ethnic tolerance as a determinant of stable development of a transitional society. *Liberal Democratic Values*, 6(4), 47–51. (In Russ.).
16. Тычинина, М.И., Рикель, А.М. (2024). Методологический анализ понятия «поколение» в социальной психологии: классические, неклассические и постнеклассические теории поколений. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(4), 146–164. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-37>
Tychinina, M.I., Rikel, A.M. (2024). Methodological analysis of the concept of “generation” in social psychology: classical, non-classical, and post-non-classical theories of generations. *Theoretical and Experimental Psychology*, 17(4), 146–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/TEP-24-37>
17. Шамионов, Р.М. (2019). Индивидуальные ценности и идеологические установки как предикторы предубежденности по отношению к Другим. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 16(3), 309–326. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
Shamionov, R.M. (2019). Individual values and ideological attitudes as predictors of prejudice towards others. *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 16(3), 309–326. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-309-326>
18. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В. (2020). Методика измерения дискриминационных установок. В: *Страховские Читания. Сб. научных работ* (с. 362–367). Саратов: Изд-во СГУ.

- Shamionov, R.M., Grigorieva, M.V. (2020). *Methodology for measuring discriminatory attitudes. In: Strakhovskie Readings. Collection of scientific papers* (pp. 362–367). Saratov: Saratov State University Press. (In Russ.).
19. Шамионов, Р.М., Григорьева, М.В., Абуталипова, В.К. (2025). Дискриминационные установки и их ценностные предикторы: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. Москва. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/kgx6-hnr9-kx9m>
Shamionov, R.M., Grigoryeva, M.V., Abutalipova, V.K. (2025). Discriminatory attitudes and their value predictors: A data set. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/kgx6-hnr9-kx9m>
20. Шварц, Ш., Бутенко, Т.П., Седова, Д.С., Липатова, А.С. (2012). Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(1), 43–70.
Schwartz, Sh., Butenko, T.P., Sedova, D.S., Lipatova, A.S. (2012). A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(1), 43–70. (In Russ.).
21. Щеголькова, Е.Ю. (2022). Межэтнические установки сквозь призму субъективных характеристик социального самочувствия. *Социологическая наука и социальная практика*, 10(4), 132–156. <http://dx.doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9286>. EDN NXCKDB.
Shchegolkova, E.Yu. (2022). Interethnic attitudes through the prism of subjective characteristics of social well-being. *Sociological Science and Social Practice*, 10(4), 132–156. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9286>. EDN NXCKDB.
22. Arras-Djabi, M., Cottard, L., Shimada, S. (2023). Understanding the stereotypes of Millennials in the workplace. *European management revue*, 21(1), 45–65. <https://doi.org/10.1111/emre.12559>
23. Fiske, S.T. (2017). Prejudices in Cultural Contexts: Shared Stereotypes (Gender, Age) Versus Variable Stereotypes (Race, Ethnicity, Religion). *Perspect Psychol Sci*, 12(5), 791–799. doi:10.1177/1745691617708204. PMID: 28972839; PMCID: PMC5657003.
24. Muhammad Ali Alferjany, Rosima Bte Alias (2021). Generational Differences in values and attitudes within workplace. *Psychology and Education Journal*, 57(9), 1496–1503.
25. North, M.S., Fiske, S.T. (2012). An inconvenienced youth? Ageism and its potential intergenerational roots. *Psychol Bull*, 138(5), 982–997. doi:10.1037/a0027843. Epub 2012 Mar 26. PMID: 22448913; PMCID: PMC3838706.
26. Rudolph, C.W., Rauvola, R.S., Costanza, D.P., Zacher, H. (2021). Generations and Generational Differences: Debunking Myths in Organizational Science and Practice and Paving New Paths Forward. *J Bus Psychol*, 36(6), 945–967. doi:10.1007/s10869-020-09715-2. Epub 2020 Sep 4. PMID: 32901173; PMCID: PMC7471586.
27. Sibley, C.G., Duckitt, J. (2013). The dual process model of ideology and prejudice: a longitudinal test during a global recession. *The Journal of Social Psychology*, 153(4), 448–466. doi:10.1080/00224545.2012.757544
28. Smolbik-Jęczmień Alicja, Pale-Tondel Patrycja. (2022). Do representatives of different generations identify with their stereotypical characteristics? *Zeszyty Naukowe Politechniki Śląskiej. Organizacja i Zarządzanie, Wydawnictwo Politechniki Śląskiej*, 164, 465–475. DOI:10.29119/1641-3466.2022.164.35
29. Van der Brug, W., Kritzinger, S. (2025). Generations and political change. *West European Politics*, 48(4), 846–856. <https://doi.org/10.1080/01402382.2025.2449794>

Григорьева М.В., Шамионов Р.М.,
Абуталипова В.К. (2026)
Дискриминационные установки...
Социальная психология и общество,
17(1), 60–76.

Grigoryeva M.V., Shamionov R.M.,
Abutalipova V.K. (2026)
Discriminatory attitudes and their value predictors...
Social Psychology and Society,
17(1), 60–76.

Информация об авторах

Марина Владимировна Григорьева, доктор психологических наук, заведующий кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, Педагогический институт, факультет психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского); Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (СВКИ войск национальной гвардии), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Раиль Мунирович Шамионов, доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, Педагогический институт, факультет психолого-педагогического и специального образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского); Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (СВКИ войск национальной гвардии), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Венера Камилевна Абуталипова, младший научный сотрудник кафедры социальной психологии образования и развития, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского), Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Information about the authors

Marina V. Grigorieva, Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Pedagogical Institute, Faculty of Psychological, Pedagogical and Special Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky; Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Rail M. Shamionov, Doctor of Sciences (Psychology), Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Pedagogical Institute, Faculty of Psychological, Pedagogical, and Special Education, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky; Saratov Military Order of Zhukov, Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Venera K. Abutalipova, Jr. Researcher at the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2023-3324>, e-mail: ganeevav@yahoo.com

Вклад авторов

Григорьева М.В. — аннотирование, написание и оформление рукописи, визуализация результатов исследования.

Шамионов Р.М. — идеи исследования, применение статистических, математических методов для анализа данных, визуализация результатов исследования.

Абуталипова В.К. — сбор и анализ данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Marina V. Grigorieva – wrote and formatted the manuscript, annotated the article, and visualized the study results.

Rail M. Shamionov – conceived the study, applied statistical and mathematical methods to analyze the data, and visualized the study results.

Venera K. Abutalipova – collected and analyzed the data.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Экспертной комиссией ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (№ 1269 от 07.10.2025 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Expert Commission of Saratov State University (report no. 1269, October 7, 2025).

Поступила в редакцию 09.10.2025

Поступила после рецензирования 25.01.2026

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.10.09

Revised 2026.01.25

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Психологическое благополучие участника читательского сообщества как референтной группы

И.В. Кузнецова¹ ✉, Н.А. Медина Бракамонте¹, Р.Р. Якупова¹,
Е.А. Кузнецова¹, Ю.А. Афанасьева²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Российская Федерация

✉ irin_kuznecova@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема психологического благополучия личности имеет особое значение в контексте участия человека в различных сообществах, группах. Актуальность исследования обусловлена высокой динамикой развития современного мира, в котором люди чаще сталкиваются с необходимостью поддержания и укрепления психологического благополучия, находя себе группы по интересам. Мы предположили, что референтная группа на примере читательского сообщества может выступать фактором, способствующим улучшению психологического состояния участника подобного сообщества.

Цель. Изучение роли референтной группы в психологическом благополучии участника читательского сообщества.

Гипотеза. Психологическое благополучие связано с удовлетворенностью своей ролью, выполняемой в читательском сообществе.

Методы и материалы. В эмпирическом исследовании приняли участие 92 человека ($M = 35$, $\sigma = 8$), из них 78 женского пола, 14 мужского пола, которые являются участниками 52 русскоязычных читательских сообществ из 14 стран. Методики: 1. «Шкала психологического благополучия» К. Рифф; опросник В.Ф. Ряховского для определения уровня общительности; 2. Модифицированная экспресс-методика по изучению психологического климата в коллективе О.С. Михайлюк и А.Ю. Шальто; 3. Анкета. Обработка полученных данных проводилась в SPSS Statistics 22.

Результаты. Установлено, что психологическое благополучие участника выше, когда желаемые и исполняемые (реальные) роли в читательском сообществе совпадают («Наблюдатель», «Слушатель», «Активный участник», «Эксперт», «меняю роль в зависимости от книги»). Основу мотивов выбора читательского сообщества как референтной группы составляет потребность в общении. Выявлено, что уровень психологического благополучия и оценка психологического климата не различаются у респондентов с разным форматом участия в сообществе (офлайн/онлайн). Результаты анкетирования показывают, что участники высоко оценивают важность читательских сообществ в их жизни.

Вывод. *Общение, которое реализуется через референтные группы на примере читательского сообщества, позволяет поддерживать и повышать психологическое благополучие человека вне зависимости от формата встречи (офлайн/онлайн). Ключевым фактором в данном процессе выступает совпадение между желаемыми и фактически исполняемыми ролями в группе.*

Ключевые слова: *психологическое благополучие, психологический климат, исполняемые роли, общение, читательские сообщества, референтная группа*

Финансирование. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструкций гражданской идентичности российской молодежи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей».

Для цитирования: Кузнецова, И.В., Медина Бракамонте, Н.А., Якупова, Р.Р., Кузнецова, Е.А., Афанасьева, Ю.А. (2026). Психологическое благополучие участника читательского сообщества как референтной группы. *Социальная психология и общество*, 17(1), 77–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170105>

Psychological well-being of a member of the reading community as a reference group

I. V. Kuznetsova¹ ✉, N. A. Medina Bracamonte¹, R. R. Yakupova¹,
E. A. Kuznetsova¹, J. A. Afanasyeva²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² North Ossetian state University named after K.L. Khetagurova,

Vladikavkaz, Russian Federation

✉ irin_kuznecova@mail.ru

Abstract

Context and relevance. *The problem of an individual's psychological well-being is of particular importance in the context of human participation in various communities and groups. The relevance of this study is driven by the high dynamism of the modern world, where people increasingly face the need to maintain and strengthen their psychological well-being by seeking out interest-based groups. We hypothesized that a reference group, exemplified by a reading community, can serve as a factor contributing to the improvement of a participant's psychological state.*

Objective. *To study the role of the reference group in the psychological well-being of a reading community participant.*

Hypothesis. *Psychological well-being is associated with satisfaction with one's role performed within the reading community.*

Methods and Materials. *The empirical study involved 92 individuals ($M = 35$, $SD = 8$), including 78 females and 14 males, who are participants in 52 Russian-language reading communities from 14 countries. The study employed the following instruments: 1. Ryff's Psychological Well-Being Scale; V.F. Ryakhovsky's questionnaire for determining the level of sociability; 2. A modified rapid methodology for studying the psychological climate in a team by O.S. Mikhailyuk and A.Yu. Shalyto; 3. A custom questionnaire. Data processing was performed using SPSS Statistics 22.*

Results. *It was found that a participant's psychological well-being is higher when desired and actual (performed) roles within the reading community coincide ("Observer", "Listener", "Active Participant", "Expert", "I change my role depending on the book"). The core motivation for choosing a reading community as a reference group is the need for communication. It was revealed that the level of psychological well-being and the assessment of the psychological climate do not differ among respondents with different formats of community participation (offline/online). Questionnaire results show that participants highly value the importance of reading communities in their lives.*

Conclusion. *Communication realized through reference groups, as exemplified by a reading community, allows for the maintenance and enhancement of an individual's psychological well-being, regardless of the meeting format (online/offline). A key factor in this process is the congruence between desired and actually performed roles within the group.*

Keywords: *psychological well-being, psychological climate, performed roles, communication, reading communities, reference group*

Funding. The study was supported by St. Petersburg State University, project number 124032600013-2, "Modeling stable constructs of civic identity of Russian youth as a mechanism for transferring spiritual and moral values".

For citation: Kuznetsova, I.V., Medina Bracamonte, N.A., Yakupova, R.R., Kuznetsova, E.A., Afanasyeva, J.A. (2026). Psychological well-being of a member of the reading community as a reference group. *Social Psychology and Society*, 17(1), 77–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170105>

Введение

Удовлетворенность жизнью является одной из составляющих здоровой, активной личности (Kim et al., 2021), при этом ощущение благополучия влияет на личность человека целиком, определяет его мышление, отношение к миру, другим людям и самому себе, проявляется через его поведение и деятельность (Карапетян, 2017).

Современные исследования феномена благополучия охватывают различные области философии, психологии, социологии и антропологии, что приводит к разнообразию интерпретаций определения «благополучия» в зависимости от специфики научной дисциплины (Лисовская и др., 2021), а также от подхода, лежащего в основе исследования.

Разнообразие подходов к изучению благополучия подчеркивает его много-

гранность и сложность, что позволяет различным ученым в рамках психологической науки вносить свой вклад в развитие данного понятия.

Наиболее часто употребляемыми терминами в данной области являются: субъективное благополучие (англ. яз. "subjective well-being") и психологическое благополучие (англ. яз. "well-being"). Термин «субъективное благополучие» (Bradburn, 1969) относится к одному набору понятий и методам, в то время как термин «психологическое благополучие» (Ryff, Keyes, 1995) ассоциируется с другим набором понятий и методов. В современных исследованиях контекст субъективного благополучия анализируется через такие предикторы, например, как экзистенциальная исполненность и социально-психологическая адаптированность (Даниленко, Носова, 2020), возрастной

аспект (Банщикова, Соколовский, 2022), семья (Mikhailova et al., 2023), социальная поддержка (Mahasneh, 2022) и пр.

Развивая тему психологического благополучия, стоит отметить вклад К. Рифф, которая предложила одну из наиболее важных концепций в этой области. Она выделила шесть ключевых компонентов психологического благополучия: самопринятие, позитивные взаимоотношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, наличие жизненной цели и личностный рост (Ryff, Keyes, 1995). Эти компоненты позволяют детально анализировать состояние благополучия человека.

В исследованиях последних лет аспекты психологического благополучия также варьируются в зависимости от изучаемой группы: подростки (Morosanova, Fomina, Bondarenko, 2023), студенты (Mahasneh, 2022), молодежь (Солдатова, Чигарькова, Илюхина, 2025), матери (Редя, 2025), супружеские пары (Панкратова, Паршикова, Черткова, 2022), спортсмены (Якушина и др., 2024), работники сферы образования (Денисова, 2024), сотрудники организации (Субъективное благополучие сотрудника..., 2025). Особую значимость изучение психологического благополучия приобрело в условиях пандемии COVID-19, которая выступила глобальным стрессовым фактором, повлиявшим на психическое здоровье людей. Многочисленные исследования, проведенные в этот период, выявили новые аспекты благополучия, связанные с адаптацией к изоляции и тревогой за здоровье (Epishin et al., 2020; Трушина, Куба, Гуськова, 2023).

Важно подчеркнуть, что психологическое благополучие не является статич-

ным состоянием. Оно характеризуется уровнем выраженности (условно, низкий уровень – уровень неблагополучия, средний – некое промежуточное состояние, высокий – уровень благополучия) (Солдатова, 2021). Уровень психологического благополучия может варьироваться в зависимости от множества факторов.

К числу таких факторов относятся, например, принадлежность людей к значимым для них группам (Hoffmann et al., 2020), благоприятная коммуникация (Сунцова, 2023), удовлетворение от профессиональной направленности (Малышев, Малышева, 2021), высокие показатели сформированности коммуникативных умений (Кабаева, Барабанова, Мухортова, 2020), совпадение ролевых ожиданий (Ершова, Шаклеина, 2023), сходства ценностных ориентаций (Гуриева и др., 2024), удовлетворенность или неудовлетворенность своим положением в группах, отношениями, групповыми феноменами и процессами (Шамяионов, 2014), информация в интернете (Ершова, 2023), общение с виртуальными контактами (Nikitina, 2021), отношение к одиночеству (Naumova, Glozman, 2021) как отражение социальной активности человека, связанной с проявлением инициативно-творческого отношения к образованию, общественной жизни (Бочарова, 2012).

Получается, что уровень психологического благополучия может быть существенно повышен за счет принадлежности к значимым группам и совпадения исполняемой и ожидаемой роли, что подчеркивает важность социальных взаимодействий. В этом контексте читательские сообщества представляют собой одну из референтных групп, которые в последние годы становятся все более популярными.

Референтные группы являются значимым элементом социального и психологического развития личности, выступают источником норм, ценностей и эталонов для сравнения. Важными факторами выбора группы как референтной являются психологический климат группы, особенности взаимоотношений, принятых в ней. Приверженность определенной референтной группе (или ее смена) является следствием влияния ряда внутренних (возраст, ценности) и внешних факторов (социальные роли, технологическая среда, жизненные события) (Олтаржевская, 2025). При этом рассматривая роли, исполняемые человеком в группе, важно учитывать, насколько исполняемая роль в группе является желаемой. В настоящее время существует большое количество подходов к ролям человека в группе, например, модель Р. Белбина.

Одними из важных характеристик референтной группы являются ее значимость для человека и избирательность (не каждая группа становится референтной), такая группа является своеобразным ориентиром для человека, кроме того, она дает возможность для социального взаимодействия и общения с людьми, разделяющими схожие интересы (Киктева, 2022).

Издание «The Guardian» 29 февраля 2024 года опубликовало статью о повышении заинтересованности поколения зумеров (термин, применяемый в мире для обозначения людей, родившихся примерно с 1997 по 2012 годы) к онлайн- и офлайн-дискуссиям о книгах. Так, за последние четыре года на сайте сервиса для

организаторов событий Eventbrite количество книжных клубов как формата мероприятий увеличилось на 350% (UK in the midst..., 2024). Подобных статистических данных в русскоязычной среде нет. Возможно обратиться к данным, которые предоставлены Ассоциацией русскоязычных книжных клубов: в 2021 году в ассоциации было зарегистрировано 72 клуба, в 2022 году — 199, в 2023 году — 313 (Официальный сайт Ассоциации русскоязычных книжных клубов¹).

Целью нашей работы стала проверка гипотезы о значении референтной группы (на примере читательских сообществ) для психологического благополучия человека, а также изучение мотивов участия в читательских сообществах, удовлетворенности своей ролью в данной группе и изучение особенностей психологического климата в данных сообществах.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие мужчины и женщины от 18 до 60 лет ($M = 35$, $\sigma = 8$), посещающие русскоязычные читательские сообщества. Всего было опрошено 92 человека, из них 78 (84,78%) женского пола, 14 (15,22%) мужского пола, 83 (90,22%) имеют высшее образование, 5 (5,43%) — среднее, 4 (4,35%) — среднее специальное. Respondенты являются участниками 52 русскоязычных читательских сообществ из 14 стран. Участие в сообществе могло быть в онлайн— (31 участник) и офлайн-форматах (61 участник). Длительность

¹ Официальный сайт Ассоциации русскоязычных книжных клубов. URL: <https://apkka.org/> (дата обращения: 15.02.2026).

участия — менее одного года (31 человек), один-три года (35 человек), более трех лет (26 человек).

Для исследования использовалась разработанная специальная анкета, представленная респондентам через сервис Google Form. Анкета содержит деление на факторы пола, возраста, уровня образования и вопросы относительно отношения к читательскому сообществу и к своему психологическому благополучию. В исследовании также использовались следующие методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф; опросник В.Ф. Ряховского для определения уровня общительности (важно обратить внимание, что по данной методике чем меньше цифровое значение, тем выше значение); экспресс-методика по изучению психологического климата в коллективе О.С. Михайлок и А.Ю. Шалыто.

Обработка данных проводилась с помощью статистического пакета SPSS Statistics 22. В качестве мер центральной тенденции использовались средние арифметические (M), а для оценки изменчивости рассчитывалось стандартное отклонение (σ). Для изучения характера взаимосвязей между переменными использовались коэффициенты корреляции Спирмена. Проверка на нормальность проводилась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Групповые различия проверялись с помощью критериев У Манна-Уитни, критерия Шеффе.

Результаты

Психологическое благополучие участника

При измерении уровня психологического благополучия с помощью методики К. Рифф было выявлено, что у участ-

ников читательских сообществ выявлен преимущественно высокий уровень психологического благополучия ($M = 368$, $\sigma = 45$). Полученные данные подтверждаются и данными опроса, в рамках которого было выявлено, что респонденты в основном высоко оценивают удовлетворенность своей жизнью в целом. На 8 баллов (из 10) оценили 26,9%, на 7 — 25,8%, на 9 — 22,6%.

Все параметры, связанные с психологическим благополучием участников читательских сообществ, принявших участие в данном исследовании, находятся в пределах нормы. Самые высокие оценки были получены по шкалам «личностный рост» ($M = 68$, $\sigma = 8$), «самопринятие» ($M = 62$, $\sigma = 11,5$) и «цель жизни» ($M = 61$, $\sigma = 10,6$).

Корреляционный анализ выявил взаимосвязи между психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью ($r = 0,653$, $p \leq 0,000$, $n = 92$), при этом удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие не связаны с полом или возрастом ($p \geq 0,05$).

Респондентам было предложено оценить, насколько им важно быть частью читательского сообщества по десятибалльной шкале, где 10 баллов — «очень важно». Более 76% респондентов отметили, что участие в читательском сообществе для них достаточно важно (7 баллов и выше).

Субъективное представление о роли читательского сообщества в жизни респондента изучалось с помощью вопроса анкеты: «Считаете ли Вы, что участие в читательском сообществе оказало влияние на отношение к жизни?». 65,6% респондентов ответили, что участие в читательском сообществе помогло улучшить отношение к жизни.

Данные результаты могут свидетельствовать о том, что читательское сообщество как референтная группа отвечает ценностям участников сообщества.

Анализ уровня общительности участника

Уровень коммуникабельности у 81,7% респондентов находится на среднем уровне (опросник В.Ф. Ряховского). Вопрос анкеты «Что Вам нравится в читательском сообществе?» показал, что для 62% важно общение, возможность вести активную дискуссию — 57,6%, слушать — 46,7%, наличие позитивной атмосферы — 42,4%, возможность высказать свою позицию — 41,3%, возможность найти друзей — 31,5%, безопасное пространство — 29,3%, доверительное окружение — 28,3%, поддержка — 9,8%, вдохновляющие люди и идеи — 1,1%.

Из данной субъективной оценки можно увидеть, что несмотря на то, что уровень коммуникабельности у респондентов находится преимущественно на среднем уровне, общение является значимым параметром для участников чи-

тательских сообществ, участвовавших в данном исследовании.

На вопрос «Какие факторы повлияли на Ваше решение присоединиться к читательскому сообществу?» респонденты более активно выделили факторы, которые связаны с общением. Поиск единомышленников — 55,4%, интерес к литературе и к чтению — 75%, возможность обсудить прочитанное — 77,2%, желание услышать иные точки зрения — 63%, комфортная обстановка — 21,7%, ощущение себя частью сообщества — 39,1% и другие.

Продолжение фразы «Я чаще всего получаю от сообщества...» показало, что большинство участников сообщества отмечают возможность переключиться, получить новую информацию и эмоциональную (моральную) поддержку (см. рисунок).

Выявлены значимые отличия (критерий Шеффе) по уровню психологического благополучия. Так, у респондентов с высоким уровнем благополучия (по сравнению с низким уровнем) выявлен более высокий уровень общительности ($p = 0,013$). Данные результаты могут быть объяснены возможностью через участие в сообще-

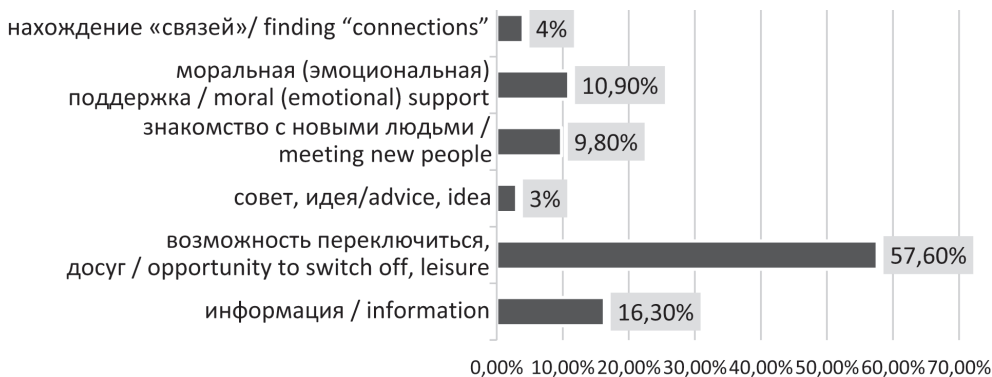

Рис. Результаты опроса: «Я чаще всего получаю от сообщества...»
Fig. Survey results: “What I most often receive from the community is...”

ствах получать социальную поддержку. Участие в читательском сообществе может предоставить участнику возможность общаться с другими людьми, делиться своими мыслями, чувствами и опытом. Общение с другими людьми, обмен эмоциями и мыслями на основе прочитанного могут помочь участнику читательского сообщества лучше понимать себя и свои эмоции, что способствует повышению эмоциональной стабильности.

Анализ уровня психологического климата в сообществе

Стремление находиться в группе может быть связано и с психологическим климатом референтной группы. Поэтому в ходе исследования был измерен социально-психологический климат в читательских сообществах (методика О.С. Михалюк, А.Ю. Шалыто).

В целом можно говорить о благоприятном социально-психологическом климате в русскоязычных читательских сообществах. Более высоко был оценен эмоциональный и поведенческий компонент климата, в то время как когнитивный компонент был представлен на среднем уровне (от $-0,33$ до $+0,33$ — средние оценки, попадающие в этот интервал, считаются противоречивыми).

Полученные результаты позволяют говорить о преобладании благоприятного эмоционального фона и о высокой оценке своего участия в данном сообществе. Оценка когнитивного компонента ($M = 0$) говорит скорее о том, что участники обладают недостаточными (ограниченными) знаниями о других членах сообщества в отношении деловых и личностных качеств друг друга.

В ответах на вопрос «Что Вам нравится в читательском сообществе?» также

респонденты выделяли факторы, связанные с психологическим климатом: позитивная атмосфера — 42,4%, безопасное пространство — 29,3%, доверительное окружение — 28,3%.

Анализ психологического благополучия с параметрами выбора референтной группы ***Формат участия***

В исследовании было выделено два формата участия в читательском сообществе: онлайн (33,7%) и офлайн (66,3%).

Сравнительный анализ психологического благополучия в целом, а также по отдельным шкалам не выявил статистически значимых отличий в группах в зависимости от выбора формата — онлайн либо офлайн.

В рамках специальной анкеты был проведен опрос: «Ощущение удовлетворения от участия в читательском сообществе по шкале от 1 до 10?» (от 1 — совершенно не удовлетворен до 10 — полностью удовлетворен).

Полученные результаты показывают, что большинство высоко оценивают свою удовлетворенность от участия в читательском сообществе (10 баллов — 30,4%, 9 баллов — 25%, 8 баллов — 20,7%, 7 баллов — 14,1%).

При этом отличия по удовлетворенности от участия в сообществе в зависимости от формата участия не были выявлены.

При сравнительном анализе не обнаружены статистически значимые различия в психологическом климате между онлайн— и офлайн-форматами ($p \geq 0,05$). В ситуации удаленного взаимодействия когнитивный компонент оказался несколько меньше, чем при реальном взаимодействии. Данные результаты связаны с тем, что участники в удаленном форма-

те, видимо, испытывают некоторый дефицит информации о деловых и личностных качествах других членов группы.

Рольевые ожидания

Категория «роль» состоит из совокупности ожиданий каждого человека в отношении своего собственного поведения, а также поведения других лиц при взаимодействии в читательском сообществе. Можно выделить два аспекта: рольевые ожидания (желаемое «Я») и рольевое исполнение (воспринимаемое «Я»).

В специальной анкете респондентам было предложено выбрать роли, которые они исполняют в рамках участия в читательском сообществе, и роль, ко-

торую бы они хотели исполнять. Были предложены следующие варианты: «Наблюдатель», «Слушатель», «Активный участник», «Эксперт», «меняю роль в зависимости от книги» и «предложить свой вариант». Результаты показали, что у 46% респондентов не совпадают роли, а у 54% — совпадают. Выявлены значимые отличия в данных группах по ряду показателей (см. таблицу).

При совпадении исполняемой роли с желаемой выявлены более высокие показатели удовлетворенности жизнью, более высокие показатели психологического благополучия в целом и ряда его составляющих, а также более высокий уровень общительности.

Таблица / Table

Значимые различия по совпадению исполняемых ролей в группе с предпочитаемыми (N = 92) **Significant differences in the coincidence of roles performed in the group are preferred (N = 92)**

Параметры / Parameters	Роль совпадает / Role matches	Роль не совпадает / Role does not match	p
Удовлетворенность жизнью / Life satisfaction	8,02	7,26	0,012*
Психологическое благополучие / Psychological well-being	380,46	354,57	0,002**
Самопринятие / Self-acceptance	63,92	58,90	0,016*
Цель в жизни / Purpose in life	63,70	58,60	0,002**
Позитивное отношение / Positive attitude	60,78	55,55	0,011*
Управление средой / Environment management	60,52	53,43	0,002**
Уровень общительности (обратная шкала) / Level of sociability (reverse scale)	11,58	13,69	0,022*
Частота посещения / Frequency of visits	2,88	2,83	0,470
Длительность участия / Duration of participation	2	1,88	0,789

Примечание: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Note: «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$.

Данные результаты могут быть связаны с тем, что согласованность ролевого ожидания и исполнения может служить гарантией оптимального социального взаимодействия, этот фактор может иметь связь с психологическим благополучием участника читательского сообщества. При этом не важна сама роль или степень ее «активности». При сравнительном анализе уровня психологического благополучия «активного участника» и участника, который занимает позицию «наблюдателя», не обнаружены статистически значимые различия ($p \geq 0,05$).

Также не обнаружены статистически значимые различия между совпадением ролевых ожиданий и частотой посещения читательского сообщества ($p \geq 0,05$), а также с длительностью участия членов в читательских сообществах ($p \geq 0,05$).

Обсуждение результатов

В качестве основных результатов работы можно говорить о том, что психологическое благополучие выше у респондентов тогда, когда желаемые и исполняемые роли в читательском сообществе совпадают. При этом «степень активности» данных ролей не имеет значения. Интересно, что совпадение/несовпадение представлений участника о своей роли в группе и его реальной позиции не связано с длительностью посещения читательских сообществ или формой участия (онлайн- и офлайн-форматы). Видимо, на это могут оказывать влияние иные характеристики. Данный тезис необходимо проверить в дальнейших исследованиях.

Выявлена прямая связь между общительностью и психологическим благополучием, т.е. участие в читательском сообществе может быть одним из способов

улучшения психологического состояния через социальную поддержку и общение.

Было показано, что показатели уровня психологического благополучия, «психологического климата» и «удовлетворенности от участия» не имеют статистически значимых различий при онлайн- и офлайн-форматах. Эти результаты могут помочь взглянуть на важность и пользу онлайн-форматов коммуникации.

Уровень общительности не демонстрирует статистически значимой взаимосвязи с полом, что подтверждается результатами анализа. В то же время в другом исследовании наблюдается наличие данной взаимосвязи (Васильева, Михалева, 2016). Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что подавляющее большинство участников читательских сообществ, принявших участие в нашем исследовании, изначально обладают более высоким уровнем общительности.

Таким образом, можно говорить о том, что важно, чтобы референтная группа через позитивную атмосферу, безопасное взаимодействие на основании общих интересов позволяла переключиться, давала возможность пообщаться с интересными людьми, а также позволяла реализовывать те роли, которые комфортны для человека. Такое общение повышает психологическое благополучие человека.

Заключение

В качестве заключения следует отметить, что 65,6% опрошенных респондентов показали, что участие в читательском сообществе помогло им улучшить отношение к жизни. Общение, которое реализуется через различные значимые сообщества, референтные группы на примере читательского сообщества, позволяет по-

высить психологическое благополучие человека. Ключевым фактором в данном процессе выступает совпадение между желаемыми и фактически исполняемыми ролями в группе.

Полученные результаты могут быть применены для разработки программ, направленных на улучшение психологического благополучия индивидов через участие в читательских сообществах. Эти данные могут быть полезны для психологов, психотерапевтов и коучей в их практике.

Ограничения. В рамках данного исследования анализировались данные,

полученные от русскоязычных читательских сообществ из разных стран. Однако не проводился сравнительный анализ в зависимости от местоположения читательского сообщества. Выборка исследования относительно небольшая, неравномерно представленная по полу.

Limitations. This study analyzed data collected from Russian-speaking reading communities in various countries. However, no comparative analysis was conducted based on the readership's location. The study sample was relatively small and unevenly represented by gender.

Список источников / References

1. Банщикова, Т.Н., Соколовский, М.Л. (2022). Возрастной аспект субъективного благополучия современной молодежи. *Перспективы науки и образования*, 5, 430–445. <https://doi.10.32744/pse.2022.5.25>
Banshchikova, T.N., Sokolovskiy, M.L. (2022). Age aspect of subjective well-being of modern youth. *Perspectives of Science and Education*, 5, 430–445. (In Russ.). <https://doi.10.32744/pse.2022.5.25>
2. Бочарова, Е.Е. (2012). Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект. *Социальная психология и общество*, 3(4), 53–63. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2012_n4/56498
Bocharova, E.E. (2012). The relationship between subjective well-being and social activity of the individual: a cross-cultural aspect. *Social Psychology and Society*, 3(4), 53–63. (In Russ.). https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2012_n4/56498
3. Васильева, М.А., Михалева, А.Б. (2016). Исследование общительности студентов. *Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум»*, 5(1), 89–90. <https://scienceforum.ru/2016/article/2016022552>
Vasilyeva, M.A., Mikhaleva, A.B. (2016). A study of students' sociability. *Proceedings of the VIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"*, 5(1), 89–90. (In Russ.). <https://scienceforum.ru/2016/article/2016022552>
4. Гуриева, С.Д., Киннунен, Т.А., Маририца, Л.В. (Ред.). (2025). *Субъективное благополучие сотрудника в организации: монография*. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений.
Gurieva, S.D., Kinnunen, T.A., Mariritsa, L.V. (Ed.). (2025). *Subjective well-being of an employee in an organization: monograph*. Saint Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Education Institutions. (In Russ.).
5. Гуриева, С.Д., Юмкина, Е.А., Васина, Е.А., Кузнецова, И.В. (2024). Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ. *Социальная психология и общество*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>

- Gurieva, S.D., Yumkina, E.A., Vasina, E.A., Kuznetsova, I.V. (2024). Value orientations in the family: a socio-psychological analysis. *Social Psychology and Society*, 15(3), 38–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
6. Даниленко, О.И., Носова, А.С. (2020). Экзистенциальная исполненность и социально-психологическая адаптированность как предикторы субъективного благополучия студентов. *Перспективы науки и образования*, 4(46), 315–325. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.21>
Danilenko, O.I., Nosova, A.S. (2020). Existential fulfillment and socio-psychological adaptability as predictors of students' subjective well-being. *Perspectives of Science and Education*, 4(46), 315–325. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2020.4.21>
 7. Денисова, Е.Г., Бовдуй, Д.А., Гостева, А.О. (2024). Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности. *Национальный психологический журнал*, 19(1), 114–129. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>
Denisova, E.G., Bovduy, D.A., Gosteva, A.O. (2024). Psychological well-being of education workers in relation to various psychological aspects of their professional activity. *National Psychological Journal*, 19(1), 114–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0108>
 8. Ершова, Н.Н., Шаглеина, И.В. (2023). Связь психологического благополучия и ролевых ожиданий в браке у студентов. *Современные образовательные практики в студенческих исследованиях*, 1, 47–51. <https://doi.org/10.24412/cl-37132-2023-1-47-51>
Ershova, N.N., Shagleina, I.V. (2023). The relationship between psychological well-being and role expectations in marriage among students. *Modern Educational Practices in Student Research*, 1, 47–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/cl-37132-2023-1-47-51>
 9. Ершова, Р.В. (2023). Информация в интернете как фактор эмоционально-психологического благополучия человека. *Перспективы науки и образования*, 4(64), 442–454. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.4.27>
Ershova, R.V. (2023). Information on the Internet as a factor of emotional and psychological well-being of a person. *Perspectives of Science and Education*, 4(64), 442–454. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.4.27>
 10. Кабаева, В.М., Барабанова, В.В., Мухортова, Е.А. (2020). Коммуникативные умения и психологическое благополучие первоклассников. *Вестник практической психологии образования*, 17(3), 68–77. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170306>
Kabaeva, V.M., Barabanova, V.V., Mukhortova, E.A. (2020). Communication skills and psychological well-being of first-graders. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17(3), 68–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170306>
 11. Карапетян, Л.В. (2017). Феноменологический анализ эмоционально-личностного благополучия. *Мир науки, культуры, образования*, 1(62), 253–258. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskij-analiz-emotsionalno-lichnostnogo-blagopoluchiya> (дата обращения: 01.02.2025).
Karapetyan, L.V. (2017). Phenomenological analysis of emotional and personal well-being. *The world of science, culture, education*, 1(62), 253–258. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskij-analiz-emotsionalno-lichnostnogo-blagopoluchiya>
 12. Киктева, К.С. (2022). Книжные клубы: цели и результаты деятельности (анализ российского и зарубежного опыта). *Вестник МПГУ. Серия: Педагогика и психология*, 4, 115–130. <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.4.07>
Kikteva, K.S. (2022). Book clubs: goals and results of activities (analysis of Russian and foreign experience). *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Pedagogy and Psychology*, 4, 115–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2022.16.4.07>

13. Лисовская, А.Ю., Кошелева, С.В., Соколов, Д.Н., Денисов, А.Ф. (2021). Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике. *Организационная психология*, 11(1), 93–112. <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-blagopoluchiya-sotrudnika-ot-teorii-k-praktike> (дата обращения: 15.02.2025).
Lisovskaya, A.Yu., Kosheleva, S.V., Sokolov, D.N., Denisov, A.F. (2021). Main approaches to understanding employee well-being: from theory to practice. *Organizational Psychology*, 11(1), 93–112. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-ponimaniyu-blagopoluchiya-sotrudnika-ot-teorii-k-praktike> (viewed: 15.02.2025).
14. Малышев, К.Б., Малышева, О.А. (2021). Психологическое благополучие личности. *Актуальные проблемы педагогики и психологии*, 8, 50–62. <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-lichnosti> (дата обращения: 18.01.2025).
Malyshev, K.B., Malysheva, O.A. (2021). Psychological well-being of an individual. *Current Problems of Pedagogy and Psychology*, 8, 50–62. (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-lichnosti> (viewed: 18.01.2025).
15. Олтаржевская, Л.Е. (2025). Эволюция и динамика референтных групп в контексте формирования и трансформации личности. *Вестник практической психологии образования*, 22(3), 88–102. <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220306>
Oltarzhevskaya, L.E. (2025). Evolution and dynamics of reference groups in the context of personality formation and transformation. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 22(3), 88–102. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2025220306>
16. Панкратова, А.А., Паршикова, О.В., Черткова, Ю.Д. (2022). Связь стратегий эмоциональной регуляции с субъективным благополучием и жизнестойкостью: эффекты актора и партнера в супружеских парах. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 19(2), 241–258. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-241-258>
Pankratova, A.A., Parshikova, O.V., Chertkova, Yu.D. (2022). The relationship between emotional regulation strategies, subjective well-being, and resilience: Actor and partner effects in married couples. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 19(2), 241–258. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-2-241-258>
17. Редя, П.С. (2025). Взаимосвязь психологического благополучия и индивидуально-психологических особенностей матерей, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития. *Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XLVI Международной научно-практической конференции* (с. 296–301). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). EDN: HZEAVZ.
Redya, P.S. (2025). The relationship between psychological well-being and individual psychological characteristics of mothers raising children with psycho-physical developmental disabilities. *Current Issues of Modern Science and Education: Proceedings of the XLVI International Scientific and Practical Conference* (pp. 296–301). Penza: Nauka i Prosveshcheniye. (In Russ.). EDN: HZEAVZ.
18. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С.В., Илюхина, С.Н. (2025). Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах. *Вестник Московского университета, Психология*, 14(1), 78–100. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04>
Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Ilyukhina, S.N. (2025). Digital predictors of psychological well-being of youth in real and virtual worlds. *Moscow University Psychology Bulletin, Psychology*, 14(1), 78–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04>
19. Солдатова, Г.В. (2021). Психологическое благополучие как научный феномен. *Вестник Псковского государственного университета, Психолого-педагогические науки*, 12, 17–30. EDN: BXTGCZ.

- Soldatova, G.V. (2021). Psychological well-being as a scientific phenomenon. *Bulletin of Pskov State University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 12, 17–30. (In Russ.). EDN: BXTG CZ.
20. Сунцова, Я.С. (2023). Взаимосвязь психологического благополучия и характера общения между супругами. В: *Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: Сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции* (с. 237–242). М.: «Издательство АЛЕФ». EDN: EJAJWD.
- Suntsova, Ya.S. (2023). The relationship between psychological well-being and the nature of communication between spouses. *Development of Science and Practice in a Globally Changing World under Risk Conditions: Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference* (pp. 237–242). Moscow: ALF Publishing. (In Russ.). EDN: EJAJWD.
21. Трушина, И.А., Куба, Е.А., Гуськова, А.В. (2023). Влияние COVID-19 на субъективное благополучие и качество жизни взрослых. *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 4, 410–427. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_4_410
- Trushina, I.A., Kuba, E.A., Guskova, A.V. (2023). The impact of COVID-19 on subjective well-being and quality of life in adults. *Pushkin Leningrad State University Bulletin*, 4, 410–427. (In Russ.). https://doi.org/10.35231/18186653_2023_4_410
22. Шамионов, Р.М. (2014). Субъективное благополучие личности: этнопсихологический аспект. *Проблемы социальной психологии личности*. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30315 (дата обращения: 10.03.2025).
- Shamionov, R.M. (2014). Subjective well-being of the individual: ethnopsychological aspect. *Problems of Social Psychology of Personality*. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgu_socialpsy/contents/30315 (viewed: 10.03.2025).
23. Якушина, А.А., Леонов, С.В., Пшеничнюк, Д.В., Седогин, Е.А., Поликанова, И.С. (2024). Психологическая саморегуляция и ее значимость для развития внутренней мотивации, психологического благополучия и профессионального мастерства в спорте. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 167–183. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-167-183>
- Yakushina, A.A., Leonov, S.V., Pshenichnyuk, D.V., Sedogin, E.A., Polikanova, I.S. (2024). Psychological self-regulation and its importance for the development of intrinsic motivation, psychological well-being, and professional mastery in sports. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 167–183. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-167-183>
24. Bradburn, N. (1969). *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co.
25. Epishin, V.E., Salikhova, A.B., Bogacheva, N.V., Bogdanova, M.D., Kiseleva, M.G. (2020). Mental health and the covid-19 pandemic: hardiness and meaningfulness reduce negative effects on psychological well-being. *Psychology in Russia*, 13(4), 75–88. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0405>
26. Hoffmann, P., Platow, M.J., Read, E., Mansfield, T., Carron-Arthur, B., Stanton, M. (2020). Perceived self-in-group prototypicality enhances the benefits of social identification for psychological well-being. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 24(4), 213–226. <https://doi.org/10.1037/gdn0000119>
27. Kim, E.S., Delaney, S.W., Tay, L., Chen, Y., Diener, E.D., Vanderweele, T.J. (2021). Life Satisfaction and Subsequent Physical, Behavioral, and Psychosocial Health in Older Adults. *The Milbank Quarterly*, 99(1), 209–239. <https://doi.org/10.1111/1468-0009.12497>
28. Mahasneh, A.M. (2022). The Relationship between Subjective Well-being and Social Support among Jordanian University Students. *Psychol Russ*, 15(2), 53–64. <https://doi.org/10.11621/pir.2022.0204>
29. Mikhailova, T., Shlyk, P., Gritsko, O., Bordunos, A., Kosheleva, S., Zyryanova, A. (2023). The impact of family-to-work spillover on the subjective well-being: role of coping strategies. *Organizational Psychology*, 13(2), 174–192. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-2-174-192>

Кузнецова И.В., Медина Бракамонте Н.А.,
Якупова Р.Р., Кузнецова Е.А.,
Афанасьева Ю.А. (2026)
Социальная психология и общество,
17(1), 77–92.

Kuznetsova I.V., Medina Bracamonte N.A.,
Yakupova R.R., Kuznetsova E.A., Afanasyeva J.A. (2026)
Psychological well-being of a member...
Social Psychology and Society,
17(1), 77–92.

30. Morosanova, V.I., Fomina, T.G., Bondarenko, I.N. (2023). Conscious Self-Regulation as a Meta-Resource of Academic Achievement and Psychological Well-Being of Young Adolescents. *Psychology In Russia*, 16(3), 168–188. <https://doi.org/10.11621/pir.2023.0312>
31. Naumova, V.A., Glozman, Z.M. (2021). The Phenomenon of Loneliness in Old Age. *Psychology In Russia*, 14(3), 147–165. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0310>
32. Nikitina, E.A. (2021). Is Selfie Behavior Related to Psychological Well-being? *Psychology In Russia*, 14(3), 22–33. <https://doi.org/10.11621/pir.2021.0302>
33. Ryff, C.D., Keyes, C.L. (1995). The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(4), 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
34. UK in the midst of a boom in book clubs as gen Z's hobbies change. *The Guardian*, 29 Feb. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/books/2024/feb/29/uk-in-the-midst-of-a-boom-in-book-clubs-as-gen-zs-hobbies-change> (viewed: 13.03.2025).

Информация об авторах

Ирина Викторовна Кузнецова, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Наталья Анатольевна Медина Бракамонте, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии образования, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-4542>, e-mail: b.medina@spbu.ru

Рузилья Ринафовна Якупова, слушатель очной формы обучения кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7412-3241>, e-mail: 9373200274@mail.ru

Елена Андреевна Кузнецова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9359-9013>, e-mail: kuznetsova@spbu.ru

Юлия Александровна Афанасьева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (ФГБОУ ВО «СОГУ»), Владикавказ, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1725-4552>, e-mail: afanaseva.y@mail.ru

Information about the authors

Irina V. Kuznetsova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2922-8044>, e-mail: irin_kuznecova@mail.ru

Natalia A. Medina Bracamonte, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-4542>, e-mail: b.medina@spbu.ru

Ruzilya R. Yakupova, full-time student, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7412-3241>, e-mail: 9373200274@mail.ru

Кузнецова И.В., Медина Бракамонте Н.А.,
Якупова Р.Р., Кузнецова Е.А.,
Афанасьева Ю.А. (2026)
Социальная психология и общество,
17(1), 77–92.

Kuznetsova I.V., Medina Bracamonte N.A.,
Yakupova R.R., Kuznetsova E.A., Afanasyeva J.A. (2026)
Psychological well-being of a member...
Social Psychology and Society,
17(1), 77–92.

Elena A. Kuznetsova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Personality Psychology, Department of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9359-9013>, e-mail: kuznetsova@spbu.ru

Julia A. Afanasyeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology, North Ossetian State University by K.L. Khetagurova, Vladikavkaz, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1725-4552>, e-mail: afanaseva.y@mail.ru

Вклад авторов

Кузнецова И.В. — идеи исследования, методология, проведение математической обработки данных, создание рукописи и ее редактирование.

Медина Бракамонте Н.А. — создание рукописи и ее редактирование.

Якупова Р.Р. — проведение исследования.

Кузнецова Е.А. — редактирование рукописи, визуализация.

Афанасьева Ю.А. — концептуализация, визуализация, редактирование рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Irina V. Kuznetsova — research ideas, methodology, mathematical data processing, manuscript preparation and editing.

Natalia A. Medina Bracamonte — manuscript preparation and editing.

Ruzilya R. Yakubova — study execution.

Elena A. Kuznetsova — manuscript editing, visualization.

Julia A. Afanasyeva — conceptualization, visualization, and manuscript editing.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics statement

Written informed consent for participation in this study was obtained from the participants.

Поступила в редакцию 01.10.2025

Поступила после рецензирования 19.12.2025

Принята к публикации 17.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.10.01

Revised 2025.12.19

Accepted 2026.03.17

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков

М.Р. Хуснутдинова ✉, Т.А. Посакалова

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ husnutdinovaMR@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровые технологии формируют новые контексты для морального выбора подростков, существенно отличающиеся от традиционных форм социального взаимодействия. Теоретической основой работы выступает концепция «этического разрыва» К. Джеймса в сочетании с современными подходами к изучению влияния цифровой среды на трансформацию моральных норм в онлайн-коммуникации.

Цель. Выявление основных поведенческих практик этического разрыва в онлайн-коммуникации подростков с различным уровнем проблемного использования социальных сетей.

Гипотеза. У подростков с проблемным использованием социальных сетей чаще проявляются поведенческие практики этического разрыва.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 539 подростков в возрасте от 12 до 18 лет ($M = 14$, $SD = 1,7$). Применялся метод поперечного среза с использованием онлайн-опроса. Для диагностики проблемного использования социальных сетей использовался адаптированный опросник, разработанный Н.А. Сирота и соавторами. Разработана специальная структурированная анкета для операционализации индикаторов этического разрыва. Статистическая обработка данных включала U -критерий Манна-Уитни и критерий χ^2 Пирсона.

Результаты. Подростки группы высокого риска значимо чаще находятся в цифровой среде с повышенной концентрацией деструктивного контента, демонстрируют готовность к обсуждению социально-сенситивных тем, используют нецензурную лексику, проявляют негативные эмоциональные реакции на критику, чаще становятся как жертвами, так и инициаторами агрессии. Выявлена значимая связь между структурой семьи и уровнем проблемного использования социальных сетей.

Выводы. Феномен этического разрыва не носит универсального характера даже среди подростков группы высокого риска, о чем свидетельствует сохранение базовых моральных ориентиров у большинства респондентов. Однако можно предполагать, что влияние специфических характеристик цифровой среды способствует ослаблению моральных ориентиров у подростков из групп риска.

Ключевые слова: этический разрыв, проблемное использование социальных сетей, моральные нормы, подростки, онлайн-коммуникация

Для цитирования: Хуснутдинова, М.Р., Посакалова, Т.А. (2026). Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков. *Социальная психология и общество*, 17(1), 93–111. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170106>

© Хуснутдинова М.Р., Посакалова Т.А., 2026

CC BY-NC

The ethics gap in adolescents' online communication

M.R. Khusnutdinova ✉, T.A. Poskakalova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ husnutdinovaMR@mgppu

Abstract

Context and relevance. *Digital technologies create new contexts for the moral choices of adolescents, significantly different from traditional forms of social interaction. The theoretical framework of the study is the concept of the “ethical gap” by C. James, combined with modern approaches to studying the influence of the digital environment on the transformation of moral norms in online communication.*

Objective. *To identify the main behavioral practices of the ethical gap in the online communication of adolescents with different levels of problematic social media use.*

Hypothesis. *Adolescents with problematic social media use more frequently exhibit behavioral practices associated with the ethical gap.*

Methods and materials. *The study involved 539 adolescents aged 12 to 18 ($M = 14$, $SD = 1,7$). A cross-sectional design was used with an online survey. Problematic social media use was diagnosed using an adapted questionnaire based on the Bergen Facebook Addiction Scale. A special structured questionnaire was developed to operationalize indicators of the ethical gap. Statistical analysis included the Mann-Whitney U-test and Pearson's χ^2 test.*

Results. *Adolescents in the high-risk group were significantly more likely to be in a digital environment with a higher concentration of destructive content, demonstrated a willingness to discuss socially sensitive topics, used profanity, exhibited negative emotional reactions to criticism, and were more frequently both victims and initiators of aggression. A significant association was found between family structure and the level of problematic use of social media.*

Conclusions. *The phenomenon of the ethical disconnect is not universal, even among adolescents in the high-risk group, as evidenced by the preservation of basic moral guidelines among the majority of respondents. It can be assumed that the influence of specific characteristics of the digital environment contributes to the weakening of moral guidelines among adolescents from risk groups.*

Keywords: *ethical gap, problematic use of social media, moral standards, teenagers, online communication*

For citation: Khusnutdinova, M.R., Poskakalova, T.A. (2026). The ethics gap in adolescents' online communication. *Social Psychology and Society*, 17(1), 93–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170106>

Введение

Трансформация современного коммуникативного пространства в сторону виртуализации способствует формированию особой среды социального экспериментирования, где в силу опосредованности взаимодействия частично

стираются границы дозволенного (Ускова, 2023) и создаются условия для пересмотра устоявшихся этических норм. Анализ коммуникативных практик подростков в социальных сетях выявляет устойчивую тенденцию к проявлению агрессивных поведенческих установок

в цифровой среде (Собкин, Федотова, 2022). Эмпирические исследования фиксируют распространение различных форм деструктивного взаимодействия, включая кибербуллинг, публичные оскорбления, мошеннические действия, троллинг и хейтинг (Собкин, Федотова, 2019; Солдатова и др., 2015).

В качестве теоретической основы исследования подобной трансформации в онлайн-коммуникации подростков в нашей работе используется концепция «этического разрыва» К. Джеймс. Под этическим разрывом автор понимает утрату чувствительности к морально-этическим аспектам поведения в цифровой среде (Ломская, 2016). В контексте настоящей статьи этот концепт интерпретируется как рассогласование между моральными нормами, которые подростки применяют в офлайн- и онлайн-взаимодействии.

Актуальность изучения феномена этического разрыва связана с широким распространением и влиянием социальных сетей на межличностное взаимодействие, где сочетание таких факторов, как анонимность, алгоритмическая персонализация контента и отсутствие физического контакта, формирует предпосылки для трансформации моральных ориентиров (Ellison et al., 2016). Рассмотрим указанные факторы подробнее.

Согласно современным исследованиям, моральная ответственность в онлайн-контексте значимо ниже, чем в офлайн-взаимодействиях с семьей и друзьями (Saulnier, Krettenauer, 2023). Анонимность в онлайн-пространстве ослабляет социальный контроль и способствует моральной отстраненности. Подростки, используя псевдонимы или полностью скрывая личность, чаще оправдывают собственное

антисоциальное поведение. Кибербуллинг — одно из самых ярких проявлений этического разрыва. В подавляющем большинстве случаев (78%) его устраивали незнакомцы (Мироненко, 2023).

Социальные сети предоставляют подросткам широкие возможности для конструирования социальных идентичностей, включая экспериментирование с ролевыми моделями и стратегиями самопрезентации (Хуснутдинова, Посакалова, 2023; Корниенко, Руднова, 2024). Анонимность помогает подросткам преодолевать социальные барьеры (например, обсуждение запретных тем), но одновременно снижает восприятие последствий своих действий (Ellison et al., 2016). Экспериментирование с социальными ролями в цифровой среде может приводить к противоречию между реальным и виртуальным «Я», идеализированные образы не соответствуют реальным ценностям, усиливая внутреннюю противоречивость. Кроме того, конструируя виртуальные идентичности, подростки ориентируются на социальное одобрение, а не внутренние этические принципы. Это приводит к ситуативному моральному релятивизму, когда действия в сети воспринимаются как «менее реальные» (Ellison et al., 2016).

Существенным фактором, детерминирующим развитие этического разрыва, выступает алгоритмическая организация цифровой среды. Технические алгоритмы, адаптирующие контент на основе пользовательского поведения и предпочтений (рекомендательные системы, таргетированные ленты), усиливают нормативную поляризацию между онлайн- и офлайн-пространствами и способствуют распространению провокационного контента (Milano et al., 2020).

Алгоритмическая персонализация создает условия для фрагментации морального сознания подростков, затрудняя формирование устойчивых этических представлений и стимулируя принятие поверхностных, реактивных моральных решений. Офлайн-мораль требует более взвешенного и критического подхода, так как основана на способности к самостоятельному выбору, а не только на подражании чужим действиям (Дворянчиков, Шепелева, 2021). Копирование моделей поведения из онлайн-пространства (например, агрессивного общения или неэтичных действий) под влиянием авторитетных сверстников или блогеров нарушает формирование устойчивой системы моральных принципов.

Третьим фактором является опосредованный характер цифровой коммуникации, характеризующийся отсутствием физического контакта и дистанцией от последствий действий. Могут появляться амбивалентные эмоциональные состояния, когда подростки одновременно испытывают переживания вдохновения и зависти, связи и изоляции (Wal et al., 2024). Эти противоречия приводят к непониманию этических норм и снижению эмпатии.

Важным аспектом проблемы является связь негативных инцидентов с импульсивными реакциями подростков (Francisco et al., 2023). В этом контексте перспективным представляется внедрение технологических решений, включающих не только отсрочку отправки сообщений, но и системы анализа эмоционального тона коммуникации. Такие решения могли бы предупреждать пользователей об оскорбительном контенте и предоставлять возможность для рефлексии. До-

полнительным направлением может стать разработка механизмов контекстного анализа, учитывающих историю взаимодействия пользователей и способных идентифицировать эскалацию конфликта на ранних стадиях. Эти меры по развитию цифровой рефлексивности в комплексе могут способствовать формированию более ответственного онлайн-поведения.

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать, что феномен этического разрыва является комплексной проблемой и обусловлен анонимностью коммуникации, алгоритмической персонализацией контента, опосредованным характером цифрового взаимодействия. В рамках данной статьи предложен анализ различий в моральном поведении между подростками с проблемным и беспроblemным использованием социальных сетей. Такой сравнительный подход позволяет выявить группы риска, но главное — определить специфические поведенческие маркеры этического разрыва.

В реализованном исследовании под проблемным использованием социальных сетей понимается поведение, характеризующееся комплексом признаков: предпочтением онлайн-общения, использованием социальных сетей для регуляции эмоций, когнитивной поглощенностью ими, компульсивным использованием и переживанием негативных последствий (Сирота и др., 2018).

С целью операционализации понятия «этического разрыва» были выделены три ключевых эмпирических индикатора, доступных для верификации через метод самоотчета (самозаполнение методического инструментария подростками):

1. нормализация потребления девиантного и агрессивного контента (про-

смотр соответствующего контента, об-
суждение сензитивных тем);

2. снижение эмпатии и ответственности (нецензурная лексика, оскорбительные высказывания в форме злой шутки, столкновение с деструктивным поведением в свой адрес);

3. негативные эмоции и поведенческие паттерны на критику в свой адрес.

Исходя из теоретических предпосылок, сформулирована гипотеза о том, что у подростков с проблемным использованием социальных сетей чаще проявляются поведенческие практики этического разрыва по сравнению с ровесниками, у которых отсутствует проблемное использование.

Целью настоящего исследования является анализ основных поведенческих практик этического разрыва в онлайн-коммуникации подростков с различным уровнем проблемного использования социальных сетей.

Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках количественного подхода с использованием метода поперечного среза (однократный сбор данных в фиксированный момент времени). Для сбора эмпирических данных применялся онлайн-опрос посредством технологии CAWI¹ с самостоятельным заполнением структурированной анкеты респондентами.

Формирование выборки осуществлялось методом стихийного отбора по трем каналам рекрутинга участников. Первый — прямое распространение ссылки на анкету

через образовательные учреждения-партнеры — две средние общеобразовательные школы города Москвы и одна школа Московской области. Педагогические работники данных учреждений обеспечили распространение анкеты среди всех учащихся 7–9 классов. Второй канал: размещение ссылки на опрос на официальном веб-сайте Центра междисциплинарных исследований современного детства МГППУ, в официальных аккаунтах Центра в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram), а также рассылка по базе подписчиков на информационные материалы и мероприятия Центра с просьбой о распространении информации. Третий канал: информирование педагогических работников образовательных организаций Москвы и Московской области с просьбой распространить приглашение к участию в исследовании среди учащихся 7–9 классов.

Выборочная совокупность составила 539 подростков в возрасте от 12 до 18 лет ($M = 14$, $Me = 14$, $Mo = 12$, $SD = 1,7$). Период сбора данных — май-июнь 2022 года. Распределение по возрастным группам показало, что основную часть выборки (91%) составили подростки от 12 до 16 лет, в то время как доля респондентов 17–18 лет была незначительной (9%). Гендерное распределение: девушки — 56% ($n = 302$), юноши — 44% ($n = 237$).

Для комплексной диагностики исследуемых переменных была разработана структурированная анкета, включающая несколько тематических блоков. Первый блок содержал вопросы социально-де-

¹ CAWI (Computer Assisted Web Interviewing) — это техника опроса, при которой требуется интернет-подключение. Респондент заполняет электронную анкету без помощи спрашивающего. Анкета присылается (e-мэйл, социальные сети и иные сервисы) или отображается на сайте (как фрейм, виджет, ссылка на ресурс с анкетой) [Словарь социолога и маркетолога на Sociotrix.com, 2025].

мографического характера: возраст, пол, класс обучения, состав семьи, образовательный уровень родителей.

Второй блок был направлен на анализ коммуникативных практик подростков в цифровой среде и в том числе включал вопросы, позволяющие выявить этический разрыв (индикаторы представлены выше).

Третий блок — стандартизированный опросник для оценки проблемного использования социальных сетей. Применен адаптированный опросник, разработанный на основе The Bergen Facebook Addiction Scale. Методика была апробирована и валидизирована на русскоязычной выборке коллективом авторов (Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская) и адаптирована для оценки использования социальных сетей в целом (Сирота и др., 2018). Опросник включает 15 пунктов, измеряемых по семибальной шкале Лайкерта (1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен). Теоретический диапазон суммарного балла составляет от 15 до 105 баллов.

С целью разбиения выборки на группы реализована следующая процедура обработки данных. Все ответы по 15 пунктам опросника суммировались, формируя интегральный показатель. Были подсчитаны проценты для трех равных групп, значения составили 39 и 56 баллов. На основании этих данных сформированы три категории: низкий уровень проблемного использования (15–39 баллов), средний уровень (40–56 баллов), высокий уровень (57–105 баллов). В дальнейшем

анализе осуществлялось сравнение двух полярных групп (низкий и высокий уровень), что позволило выявить различия в паттернах онлайн-коммуникации.

Группу с низким уровнем проблемного использования составили 180 подростков (33% выборки), группу с высоким уровнем — 175 подростков (32% выборки). Возрастное распределение: 12–13 лет — 46% в группе с низким уровнем и 43% с высоким уровнем; 14–15 лет — 31% и 34% соответственно; 16–17 лет — 23% и 24%. Статистически значимых различий по возрасту между группами не выявлено.

Гендерное распределение показало незначительное преобладание девушек в группе высокого уровня проблемного использования: в группе низкого уровня — 52% девушек и 48% юношей, в группе высокого уровня — 58% девушек и 42% юношей. Уровень образования родителей не различался между группами.

Значимым дифференцирующим фактором выступила структура семьи ($\chi^2 = 26,230$, $df = 6$, $p < 0,001$). В полных семьях с обоими биологическими родителями проживают 81% подростков из группы низкого уровня проблемного использования и 59% — из группы высокого уровня. В неполных семьях или семьях с одним биологическим родителем проживают 17% подростков группы низкого уровня и 37% — группы высокого уровня².

Статистическая обработка данных выполнялась в программе SPSS Statistics 27. Применены непараметрические кри-

² Сумма по каждой из групп не равна 100% из-за наличия в выборке небольшой доли подростков, проживающих в иных семейных условиях — с бабушкой и/или дедушкой, другими родственниками (2% подростков из группы низкого уровня и 4% — из группы высокого уровня).

терии: U-критерий Манна-Уитни и критерий χ^2 Пирсона.

Результаты Паттерны реагирования на агрессивный материал

Результаты анкетирования позволили выявить специфические паттерны взаимодействия подростков с деструктивным контентом в социальных сетях. При встрече с подобной информацией доминирующей стратегией реагирования выступает игнорирование и избегание просмотра подобного материала (рис. 1). Несмотря на то, что контент агрессивного характера присутствует в информационной ленте у 30% подростков с низким уровнем проблемного использования социальных сетей и 54% — с высоким, подавляющее большинство подростков из обеих групп (94% из группы с низким уровнем риска и 86% — с высоким) воздерживаются от его просмотра.

Вместе с тем группы значительно различаются по частоте встречаемости различных

типов контента, нарушающего морально-этические нормы. С помощью U-критерия Манна-Уитни выяснилось, что подростки с проблемным использованием социальных сетей статистически значимо чаще сообщали о присутствии в их цифровой среде следующих категорий деструктивного контента: «жестокие видео, где есть насилие над людьми или животными» — 14% в группе низкого уровня против 23% в группе высокого уровня ($p = 0,04$); «взрослый контент 18+» — 9% и 19% соответственно ($p = 0,01$); «все вышеперечисленное» — 10% в группе низкого риска и 31% в группе высокого риска ($p < 0,001$).

Полученные данные указывают на то, что подростки группы высокого риска находятся в цифровой среде с повышенной концентрацией деструктивного контента, что может быть обусловлено как алгоритмами персонализации контента, адаптирующимися к поведенческим паттернам пользователей, так и принадлежностью к специфическим онлайн-сообществам с менее строгими правилами.

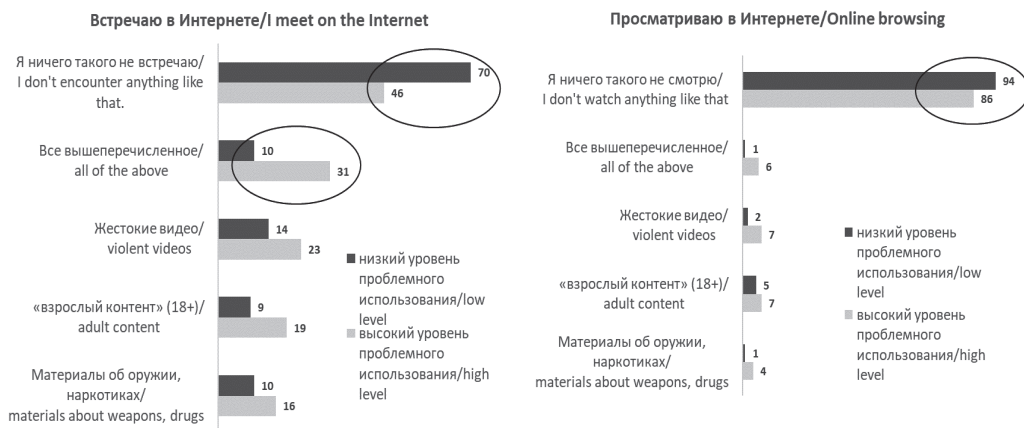

Рис. 1. Опыт столкновения с деструктивным контентом
 Fig. 1. Exposure to destructive content

Обсуждение запретных тем: проявление двойных этических стандартов

В подростковом возрасте естественным образом возникает интерес к социально-сензитивным темам, обсуждение которых затруднено в непосредственном общении. Цифровая среда создает альтернативное пространство, где подростки могут обращаться к вопросам, вызывающим смущение или стыд при личном взаимодействии.

Результаты выявили статистически значимые различия между группами ($\chi^2 = 69,990$, $df = 10$, $p < 0,001$). Группа с высоким уровнем проблемного использования демонстрирует существенно более высокую готовность к обсуждению таких тем: 49% респондентов сообщили о периодическом («иногда») или регулярном («часто») обращении к ним, причем для 10% подростков это систематическая

практика (рис. 2). В группе с низким уровнем проблемного использования 86% респондентов «никогда» не обращаются к темам, вызывающим смущение в реальной жизни, и лишь 11% делают это «иногда».

Полученные данные позволяют предположить, что подростки из группы высокого риска склонны видеть в онлайн-пространстве среду, где допустимо обсуждать темы, считающиеся ими неприемлемыми для реального общения. Это может указывать на их субъективное представление о цифровой среде как пространстве с ослабленными моральными ограничениями.

Применение ненормативной лексики

Употребление нецензурной лексики в онлайн-коммуникации среди опрошенных подростков носит ограниченный

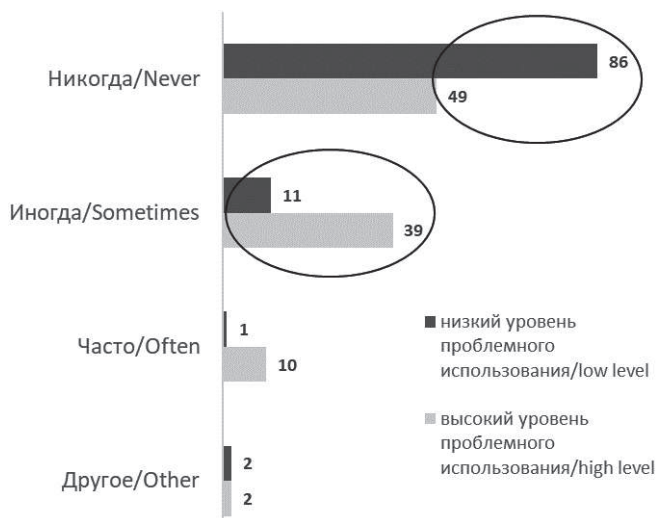

Рис. 2. Коммуникация на социально-сензитивные темы
Fig. 2. Communication on socially sensitive topics

характер (рис. 3). В группе с высоким уровнем проблемного использования социальных сетей регулярное применение нецензурных выражений отмечается только у 14% респондентов.

Статистический анализ продемонстрировал, что значимо чаще нецензурная лексика в онлайн-общении характерна для подростков с проблемным использованием социальных сетей ($\chi^2 = 31,040$, $df = 10$, $p < 0,001$). Среди подростков с беспроблемным использованием социальных сетей две трети (73%) сообщили, что «никогда» не используют грубые слова, 23% указали на редкое применение («иногда»), и лишь 2% — на регулярное («часто»). В группе с проблемным использованием более половины (54%) также воздерживаются от нецензурных выражений, но у 29% отмечается их эпизодическое использование.

Деструктивный юмор в социальных сетях

В ходе анализа данных были сопоставлены ответы респондентов на вопросы о собственной склонности к использованию злых шуток в адрес других пользователей, а также об опыте становления их жертвой. Выяснилось, что подростки обеих групп чаще сообщают о случаях, когда подвергались нападкам со стороны других пользователей, нежели о совершении подобных действий (рис. 4). Особенно данная тенденция выражена в группе с проблемным использованием социальных сетей: совокупный показатель ответов «иногда» и «часто», отражающих личный опыт встречи со злыми шутками, составляет 63% против 33% в группе с беспроблемным использованием ($\chi^2 = 31,578$, $df = 10$, $p < 0,001$); аналогичный показатель при самоотчете о совершении

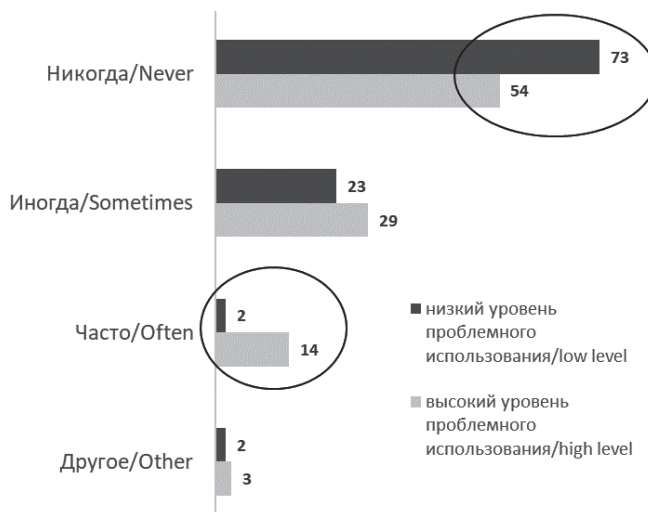

Рис. 3. Употребление грубой разговорной речи
Fig. 3. Use of coarse language

нападков — 30% и 8% соответственно ($\chi^2 = 50,617, df = 10, p < 0,001$).

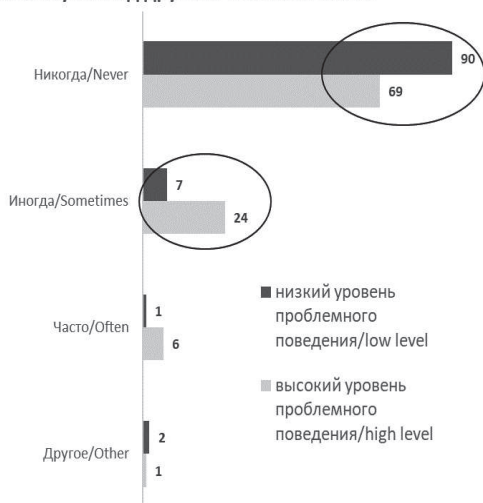
Следует отметить, что большинство респондентов обеих групп выбрали ответы «никогда» или «иногда» по обоим вопросам, что указывает на относительно низкую частоту распространенности описанных поведенческих практик. В группе с низким уровнем проблемного использования 66% подростков никогда не становились жертвами насмешек, а 90% не принимали на себя роль агрессора; в группе с высоким уровнем — 34% и 69% соответственно. Только 10% подростков с выраженным проблемным использованием социальных сетей и 6% в беспроблемной группе сообщили об опыте регулярного воздействия (вариант ответа «часто»).

На основе полученных данных можно заключить, что подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще

оказываются как объектами, так и инициаторами агрессии в онлайн-среде. При этом субъективное восприятие себя как жертвы встречается существенно чаще, чем признание собственного агрессивного поведения, что частично может объясняться социально желательными стратегиями ответов.

Кроме того, подростки из группы с проблемным использованием чаще сталкиваются со следующими рисковыми ситуациями ($\chi^2 = 46,368, df = 12, p < 0,001$): «взламывали страничку и рассылали спам от моего имени» (9% в группе с проблемным использованием и 6% — с беспроблемным использованием), «систематически писали гадости и преследовали» (10% и 2% соответственно), «делали предложения, которые заставляли чувствовать себя неловко» (8% и 1% соответственно), «делали противозаконные предложения» (5% и 1%).

Злые шутки над другими пользователями

Злые шутки надо мной

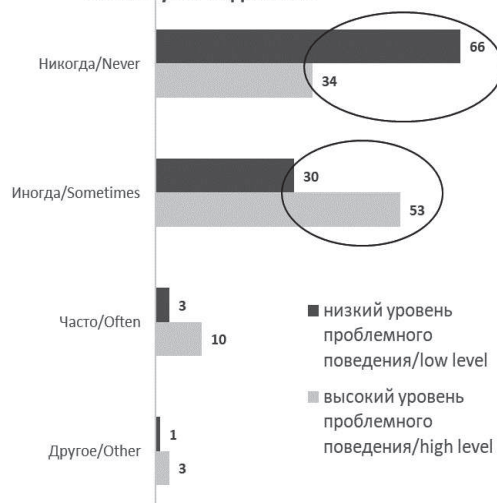

Рис. 4. Злые шутки: жертвы и инициаторы
Fig. 4. Hostile humor: victims and perpetrators

**Эмоциональные переживания
 и поведенческие реакции подростков
 на критику**

Большинство респондентов из обеих групп склонны положительно воспринимать критику в свой адрес, учитывая чужое мнение и стремясь к самосовершенствованию (47% в группе с беспроблемным использованием и 34% в группе с проблемным использованием, рис. 5). Вместе с тем подростки с проблемным использованием соцсетей чаще испытывают негативные эмоции в ответ на критику ($\chi^2 = 45,280$, $df = 16$, $p < 0,001$). Более 27% из них испытывают огорчение — «расстраиваюсь, но не отве-

чаю» или «расстраиваюсь и стараюсь ответить обидчику», 15% испытывают злость и раздражение (из них 10% не отвечают, а 5% отвечают обидчику), а 5% проявляют боль и злость, срываясь на окружающих в реальной жизни. Интересно, что 10% подростков с проблемным использованием в состоянии злости и раздражения предпочитают не отвечать на критику, тогда как в группе с низким уровнем проблемного использования такой реакции нет. Эти данные свидетельствуют о более сложных и противоречивых эмоциональных стратегиях реагирования на критику среди подростков с проблемным использованием социальных сетей.

Рис. 5. Отношение к критике
Fig. 5. Reactions to criticism

Обсуждение результатов

В рамках статьи исследована взаимосвязь между этическим разрывом и проблемным использованием социальных сетей. Результаты исследования подтверждают основную гипотезу о том, что подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще демонстрируют проявления этического разрыва.

Согласно современным авторам, основными предикторами агрессии и девиантного поведения в Сети выступают низкий уровень эмпатии, недостаточная семейная поддержка, слабо развитые социальные навыки, опыт жертвы кибербуллинга, проживание в неполной семье, а также длительное время, проведенное в социальных сетях (Горлова и др., 2021; Ломская, 2016; Белинская, 2013; Князева, Иванцова, 2018). Международное исследование PISA-2015 (Бочавер и др., 2019) показало, что детям, проводившим более 6 часов онлайн ежедневно за пределами школы, характерны низкая удовлетворенность жизнью, высокий риск стать жертвой травли, переживание одиночества, низкие академические успехи и отсутствие притязаний на дальнейшее образование.

Существенным результатом исследования является выявление связи между структурой семьи и уровнем проблемного использования социальных сетей. Значимость наличия полной семьи подтверждена в целом ряде работ. Здесь мы бы хотели несколько подробнее рассмотреть возможные причины, которые стоят за данной связью и косвенно указывают на дефицит эмоциональной поддержки и качества детско-родительских отношений в группе высокого риска.

Этический разрыв усугубляется, когда присутствует конфликт между авто-

номией подростков и контролирующими практиками родителей (Livingstone, Helsper, 2008; Солдатова и др., 2015). Различия между поколениями проявляются в восприятии рисков, цифровой компетентности и моральных установках. Родители фокусируются на количестве времени, проводимом в Сети, и контенте (чаще всего на сексуальных материалах), подростки — на коммуникационных рисках (травля, незнакомцы). Это создает дисбаланс в оценке угроз (Солдатова и др., 2015). При этом взрослые склонны к морализаторству и детерминистским стратегиям, что усугубляет проблему.

Большинству родителей проще следить за онлайн-поведением посредством специальных программ, нежели говорить на «запретные темы». В итоге родители часто недооценивают потенциальные угрозы и выбирают неэффективные стратегии действия. Например, многие подростки, которые подвергаются кибербуллингу, боятся говорить о своих проблемах родителям, так как те в качестве решения проблемы используют «ограничительный мониторинг» (Helfrich et al., 2020) и лишают доступа к гаджетам, а этого подростки боятся еще больше.

Опасения родителей, что дети много времени проводят в интернете и социальных сетях, во многом связаны с невозможностью контролировать их действия. Популярным решением является структурирование их деятельности с установленным расписанием, так же как и в реальной жизни посредством дополнительной занятости (кружки, секции, домашние обязанности и т.д.). Ряд авторов утверждает, что неструктурированная деятельность в онлайн-пространстве способствует отклонениям в поведении

и правонарушениям, так как исключает социальный контроль со стороны взрослых (Ward, Forney, 2020). Но современные исследования не подтверждают однозначность положительного влияния внешкольной структурированной деятельности для предотвращения поведенческих проблем у подростков. Сами по себе контроль и организация времени не настолько важны, как их наполненность эмоциональной поддержкой родителей (Пунгина и др., 2022; Королева, 2023; Дубров, 2025; Корниенко и др., 2025). Кроме того, значимым является уровень цифровой компетентности родителей: те, у кого высокий уровень, чаще воспринимают ребенка как активного субъекта цифровой действительности (Писаренко, Заиченко, 2021). Замена запретов на совместный анализ контента оказывается более эффективной (Livingstone, Helsper, 2008).

Таким образом, важен переход от иерархического контроля к модели диалога, где родители и другие значимые взрослые совместно с подростками конструируют цифровые этические нормы взаимодействия. Ключевые условия: эмпатия, доверие и признание автономии подростков (Liu et al., 2023; Ang, 2015; Livingstone, Helsper, 2008). Одной из популярных концепций по формированию у подростков эмпатии является «цифровая этика заботы», предложенная Мишель О'Рейли, Дайаной Левин и Эффи Лоу (O'Reilly et al., 2020). Ключевая идея в признании подростков субъектами морального выбора, а не объектами рисков. Как отмечают авторы, это ключ к психическому благополучию в гибридном (онлайн/офлайн) мире. Онлайн- и офлайн-миры сливаются. Поведение в соцсетях — часть целостной идентично-

сти подростка. Нравственные принципы должны быть едины в обоих пространствах. Подростки не изолированы в Сети: их действия влияют на благополучие других. Они не пассивные пользователи, так как обладают агентностью и способны вносить изменения посредством осознанного выбора этического поведения: контролировать контент, поддерживать других, противостоять буллингу.

Практическое применение данной концепции, по нашему мнению, возможно в пространстве взаимной эмпатии взрослых и детей. Взрослым следует не «учить», а прежде всего самим действовать из состояния «эмпатии» в процессе коммуникации с детьми, в повседневных практиках взаимодействия.

Заключение

Согласно полученным результатам, нарушение моральных норм в онлайн-коммуникации (этический разрыв) подростками не является широко распространенной поведенческой практикой, включая и тех, кто демонстрирует высокий уровень проблемного использования социальных сетей. Большинство респондентов понимает неприемлемость определенных форм поведения (избегание агрессивного контента, преимущественно положительное отношение к критике), что свидетельствует о сохранении базовых моральных ориентиров. Однако систематическое воздействие факторов цифровой среды создает условия для постепенной эрозии этих ориентиров среди уязвимых групп подростков.

Сравнительный анализ двух полярных групп респондентов показал, что этический разрыв концентрируется в группе подростков с проблемным использовани-

ем социальных сетей. Обнаружены значимые различия по всем операционализированным индикаторам. Подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще сталкиваются с деструктивным контентом в своих информационных лентах, обсуждают социально-сензитивные темы, используют нецензурную лексику в речи, вовлекаются в деструктивные коммуникативные практики как в роли жертвы, так и в роли агрессора, остро реагируют на критику и испытывают трудности с контролем эмоций.

Выявленные поведенческие паттерны согласуются с концепцией К. Джеймс о восприятии подростками интернет-пространства как среды с ослабленными моральными ограничениями. Теоретический анализ литературы позволяет шире рассмотреть проблему и сформулировать утверждение, что этический разрыв не является неизбежным следствием цифровизации, но выступает индикатором системных пробелов — в эмоциональной поддержке подростков, адаптации воспитательных практик и правовом регулировании технологических платформ.

Полученные данные могут стать основой для образовательных и психолого-педагогических программ, направленных на развитие цифровой эмпатии, формирование единых моральных принципов в онлайн- и офлайн-среде, с акцентом на диалоговые модели взаимодействия

между подростками и значимыми взрослыми, а также развитие технологических инструментов, способствующих рефлексии онлайн-поведения.

Перспективы исследования включают разработку лонгитюдного дизайна для установления причинно-следственных связей, создание методики измерения этического разрыва.

Ограничения. Метод самоотчета создает риск социально желательных ответов. Стихийная выборка ограничивает интерпретацию результатов. Операционализация этического разрыва через сравнение групп с различным уровнем проблемного использования хотя и позволила выявить значимые различия, не дает возможности измерить индивидуальную величину разрыва между онлайн и офлайн моральным поведением у одних и тех же подростков. Разработка специализированных инструментов для прямого измерения этического разрыва является важной методологической задачей. Необходимы лонгитюдные исследования для выявления траекторий развития этического разрыва.

Limitations. The self-report method carries the risk of socially desirable responses. Random sampling limits generalizability. Longitudinal studies are needed to identify trajectories of the ethical gap's development.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2013). Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования*, 6(30). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
Belinskaya, E.P. (2013). Informational socialization in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psychological Research*, 6(30). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>

2. Бочавер, А.А., Докука, С.В., Сивак, Е.В., Смирнов, И.Б. (2019). Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков. *Клиническая и специальная психология*, 8(3), 1–18. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
Bochaver, A.A., Dokuka, S.V., Sivak, E.V., Smirnov, I.B. (2019). Internet use and depressive symptoms in adolescents: a review. *Clinical Psychology and Special Education*, 8(3), 1–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
3. Горлова, Н.В., Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. (2021). Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований. *Национальный психологический журнал*, 4(44), 3–14. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0401>
Gorlova, N.V., Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2021). Predictors of bullying, cyberbullying and victimization: review of current research. *National Psychological Journal*, 4(44), 3–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0401>
4. Дворянчиков, Я.В., Шепелева, Е.С. (2021). Роль TikTok в социализации детей и подростков. *Форум молодежной науки*, 6, 11–16.
Dvoryanchikov, Ya.V., Shepeleva, E.S. (2021). Role of TikTok in the socialization of children and adolescents. *Youth Science Forum*, 6, 11–16. (In Russ.).
5. Дубров, Д.И. (2025). Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. *Социальная психология и общество*, 16(2), 43–60. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>
Dubrov, D.I. (2025). The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents. *Social Psychology and Society*, 16(2), 43–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>
6. Князева, Т.Н., Иванцова, А.И. (2018). Специфика восприятия детско-родительских отношений детьми и родителями в полных и неполных семьях. *Проблемы современного педагогического образования*, 59(3), 396–400.
Knyazeva, T.N., Ivantsova, A.I. (2018). Specifics of perception of parent-child relationships by children and parents in complete and incomplete families. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 59(3), 396–400. (In Russ.).
7. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А. (2024). Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством. *Социальная психология и общество*, 15(2), 47–64. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A. (2024). Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness. *Social Psychology and Society*, 15(2), 47–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
8. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78–95. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Smirnova, Y.K., Kalimullin, A.M., Semenov, Y.I. (2025). Digital media preferences in late adolescence: challenges of online engagement and the importance of social support. *Social Psychology and Society*, 16(2), 78–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
9. Королева, Я.П. (2023). Роль родительских стилей воспитания в поддержании и снижении саморегуляции у подростков. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 137–147. <https://doi.org/10.17759/jmf.2023120213>

- Koroleva, Ya.P. (2023). The role of parenting styles in maintaining and reducing adolescent self-regulation. *Modern Foreign Psychology*, 12(2), 137–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120213>
10. Ломская, Т.В. (2016). Потерянные в сети. James C. (2014). Disconnected: youth, new media, and the ethics gap. *The Journal of Social Policy Studies*, 1, 136–142.
Lomskaaya, T.V. (2016). Lost in the network. James C. (2014). Disconnected: youth, new media, and the ethics gap. *The Journal of Social Policy Studies*, 1, 136–142. (In Russ.).
11. Мироненко, К. (2023, 10 ноября). Кибербуллинг в 2023 году: это важно знать. *Hi-tech mail*. URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/103998-kiberbulling-eh-to-vazhno-znat/>
Mironenko, K. (2023, November 10). Cyberbullying in 2023: It is important to know. *Hi-tech mail*. (In Russ.). URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/103998-kiberbulling-eh-to-vazhno-znat/>
12. Писаренко, И.А., Заиченко, Л.И. (2021). Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 13(2), 54–80. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>
Pisarenko, I.A., Zaichenko, L.I. (2021). Parents as agents of influence on children's digital skills development. *Interaction. Interview. Interpretation*, 13(2), 54–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>
13. Пунгина, А.П., Зайнаготдинова, А.О., Сенникова, М.А., Авдеева, В.П., Одинокова, В.А., Русакова, М.М. (2022). «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1), 132–167. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5>
Pungina, A.P., Zainagotdinova, A.O., Sennikova, M.A., Avdeeva, V.P., Odinokova, V.A., Rusakova, M.M. (2022). “To avoid hanging around”: extracurricular activities as a preventive measure of children's deviant behavior. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(1), 132–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5>
14. Сирота, Н.А., Московченко, Д.В., Ялтонский, В.М., Ялтонская, А.В. (2018). Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(3), 33–55. <https://doi.org/10.17759/crp.2018260303>
Sirota, N.A., Moskovchenko, D.V., Yaltonskii, V.M., Yaltonskaya, A.V. (2018). Development of a Russian-language version of the questionnaire for problematic use of social networks. *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 26(3), 33–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/crp.2018260303>
15. Словарь социолога и маркетолога на Sociotrix.com. (2025). Получено 30 мая 2025. URL: <https://sociotrix.com/slovar-terminov-sociologiya-i-marketing>
Dictionary of Sociologist and Marketer on Sociotrix.com. (2025). Retrieved May 30, 2025. URL: <https://sociotrix.com/slovar-terminov-sociologiya-i-marketing> (In Russ.).
16. Собкин, В.С., Федотова, А.В. (2019). Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт. *Психологическая наука и образование*, 24(2), 5–18. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240201>
Sobkin, V.S., Fedotova, A.V. (2019). Adolescent aggression in social networks: perception and personal experience. *Psychological Science and Education*, 24(2), 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240201>
17. Собкин, В.С., Федотова, А.В. (2022). К вопросу о формах проявления протестной активности подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 22(3), 22–34.

- Sobkin, V.S., Fedotova, A.V. (2022). On the forms of protest activity of adolescents. *Issues of Mental Health of Children and Adolescents*, 22(3), 22–34. (In Russ.).
18. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2014). Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация. *Национальный психологический журнал*, 3(15), 39–51. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0305>
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2014). Adolescent safety on the Internet: risks, coping, and parental mediation. *National Psychological Journal*, 3(15), 39–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0305>
19. Солдатова, Г.У., Шляпников, В.Н., Журина, М.А. (2015). Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн». *Консультативная психология и психотерапия*, 23(3), 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
- Soldatova, G.U., Shlyapnikov, V.N., Zhurina, M.A. (2015). Evolution of online risks: results of a five-year work of the children help line “Kids online.” *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 23(3), 50–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
20. Ускова, Е.В. (2023). Подросток в цифровой среде: паттерны и риски. *Теория и практика общественного развития*, 2, 82–89. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.11>
- Uskova, E.V. (2023). Teenager in digital environment: patterns and risks. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.11>
21. Хуснутдинова, М.Р., Посакалова, Т.А. (2023). От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 1, 127–136. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>
- Khusnutdinova, M.R., Poskakalova, T.A. (2023). From self-presentation to self-manifestation: strategies of teenage video bloggers in social networks. *Oikoumene. Regional Studies*, 1, 127–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>
22. Ang, R.P. (2015). Adolescent cyberbullying: A review of characteristics, prevention and intervention strategies. *Aggression and Violent Behavior*, 25(part A), 35–42.
23. Ellison, N.B., Blackwell, L., Lampe, C., Trieu, P. (2016). “The question exists, but you don’t exist with it”: Strategic anonymity in the social lives of adolescents. *Social Media + Society*, 2(4), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2056305116670673>
24. Francisco, S.M., da Costa Ferreira, P., Veiga Sim o, A.M., Pereira, N.S. (2023). Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying. *Frontiers in Psychology*, 14, 1061482. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1061482>
25. Helfrich, E.L., Doty, J.L., Su, Y.-W., Yourell, J.L., Gabrielli, J. (2020). Parental views on preventing and minimizing negative effects of cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 118, 105469. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.105469>
26. Liu, J., Han, Z., Ma, X., Xin, R. (2023). Moral disengagement and cyberbullying perpetration among adolescents: The moderating role of empathy. *Children and Youth Services Review*, 155, 107178. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2023.107178>
27. Livingstone, S., Helsper, E.J. (2008). Parental mediation of children’s internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 52(4), 581–599. <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>
28. Milano, S., Taddeo, M., Floridi, L. (2020). Recommender systems and their ethical challenges. *AI & SOCIETY*, 35(4), 957–967. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00950-y>
29. O’Reilly, M., Levine, D., Law, E. (2020). Applying a ‘digital ethics of care’ philosophy to understand adolescents’ sense of responsibility on social media. *Pastoral Care in Education*, 39(2), 91–107. <https://doi.org/10.1080/02643944.2020.1774635>

30. Saulnier, L., Krettenauer, T. (2023). Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample. *Journal of Adolescence*, 95(2), 264–283. <https://doi.org/10.1002/jad.12112>
31. Wal, A., Valkenburg, P.M., Driel, I.I. (2024). In their own words: How adolescents use social media and how it affects them. *Social Media + Society*, 10(2). <https://doi.org/10.1177/20563051241248591>
32. Ward, J.T., Forney, M. (2020). Unpacking within- and between-person effects of unstructured socializing and differential association on solo- and co-offending. *Journal of Criminal Justice*, 70, 101720. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2020.101720>

Информация об авторах

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7688-0230>, e-mail: hunutdinovaMR@mgppu.ru

Татьяна Анатольевна Посакалова, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Information about the authors

Margarita R. Khusnutdinova, Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7688-0230>, e-mail: hunutdinovaMR@mgppu.ru

Tatiana A. Poskakalova, Research Associate, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Вклад авторов

Хуснутдинова М.Р. — идея статьи; теоретический анализ и формирование концептуальной модели; статистический анализ данных; формирование базы и обработка эмпирических данных; визуализация результатов исследования; написание текста.

Посакалова Т.А. — идея исследования; сбор эмпирических данных; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Margarita R. Khusnutdinova — article idea; theoretical analysis and conceptual model development; statistical data analysis; database formation and empirical data processing; visualization of research results; writing the text.

Tatiana A. Poskakalova — research ideas; collection of empirical data; research planning; research supervision.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Участие в онлайн-опросе было полностью добровольным и анонимным. На первой странице анкеты размещалось подробное информирующее сообщение (шапка опроса), которое содержало: цели исследования, описание процедуры, контактные данные исследователя, заверение об анонимности и праве в любой момент прервать заполнение. Заполнение анкеты и отправка ответов рассматривались как осознанное и добровольное согласие респондента на участие («подразумеваемое согласие»).

Ethics statement

Participation in the online survey was entirely voluntary and anonymous. The first page of the questionnaire contained a detailed information message (survey header), which included: the purpose of the study, a description of the procedure, the researcher's contact information, an assurance of anonymity, and the right to withdraw at any time. Initiating the survey and submitting responses were considered as the respondent's conscious and voluntary consent to participate (so-called "implied consent").

Поступила в редакцию 23.10.2025

Поступила после рецензирования 05.02.2026

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.10.23

Revised 2026.02.05

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи

С.Д. Гуриева ✉, Т.Е. Ляпина, Е.А. Юмкина, А.В. Мальцева, Н.Е. Шилкина

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ gurievasv@gmail.com, s.gurieva@spbu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. *Просоциальное поведение, понимаемое как действия, направленные на благо других людей, группы или общества, связано с рядом позитивных социальных эффектов: от укрепления позитивного образа «я» до повышения внутригрупповой сплоченности. Готовность к просоциальным действиям опосредована социальной идентификацией и отражает особенности самоопределения индивида в различных социальных контекстах по отношению к представителям разных общностей. Характер этой взаимосвязи может варьироваться в зависимости от возраста и претерпевать наиболее активные изменения в период молодости. Вместе с тем в российском контексте отсутствуют комплексные исследования, посвященные трансформации связи социальных идентичностей с просоциальным поведением. Актуальность настоящего исследования связана с ростом дифференцирующих условий, что требует изучения факторов успешной социальной интеграции и формирования позитивных моделей поведения.*

Цель. *Изучить особенности связи идентичностей и просоциального поведения в разных возрастных группах современной российской молодежи.*

Гипотеза. *Предполагается, что (1) просоциальное поведение молодежи в большей степени связано с широкими групповыми идентичностями, (2) по мере взросления растет связь просоциального поведения и личной идентичности.*

Методы и материалы. *Общая выборка — 355 граждан России в возрасте от 18 до 35 лет. Методики: опросник «Аспекты идентичности» Чика и Бриггс (Cheek, Briggs) в сокращенном виде; опросник «Идентификация с человечеством» МакФарленда (McFarland); опросник «Измерение просоциальных тенденций» Карло и Рэндалла (Carlo, Randall); анкета социально-демографических показателей. Проверка гипотез проводится при помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и регрессионного анализа.*

Результаты. *Выявлены различия в структуре связей идентичности и просоциального поведения в различных возрастных группах: с возрастом расширяется число форм просоциального поведения, связанного с гражданской идентичностью. Также изменяется связь реляционной идентичности с конформной и альтруистической просоциальностью, появляется связь с личной идентичностью.*

Выводы. *«Молодежь» целесообразно исследовать дифференцированно, учитывая динамичное изменение ее социально-психологических характеристик в зависимости от социальной ситуации развития. По мере взросления растет связь просоциального поведения с*

личностными структурами, отражающими опыт группового взаимодействия, а позднее к ним добавляется ориентация на личные цели и ценности.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, поведение, просоциальное поведение, молодежь, современная российская молодежь

Финансирование. Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 124032600013-2 «Моделирование устойчивых конструктов гражданской идентичности российской молодежи как механизма трансфера духовно-нравственных ценностей» (ID PURE 116230058).

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/246>

Для цитаты: Гуриева, С.Д., Ляпина, Т.Е., Юмкина, Е.А., Мальцева, А.В., Шилкина, Н.Е. (2026). Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи. *Социальная психология и общество*, 17(1), 112–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>

The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth

S.D. Gurieva ✉, T.E. Liapina, E.A. Yumkina, A.V. Maltseva, N.E. Shilkina
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ gurievasv@gmail.com, s.gurieva@spbu.ru

Abstract

Context and Relevance. *Prosocial behavior, defined as actions aimed at benefiting other individuals, groups, or society as a whole, is associated with a range of positive social outcomes, from strengthening a positive self-image to enhancing intragroup cohesion. Readiness to engage in prosocial actions is mediated by social identification and reflects the ways in which individuals define themselves across different social contexts in relation to members of various social groups. The nature of this relationship may vary across age groups and undergo particularly pronounced changes during youth. However, in the Russian context, there is a lack of comprehensive studies examining the transformation of the relationship between social identities and prosocial behavior. The relevance of this research is determined by the increasing differentiation of environmental factors, which necessitates the study of conditions enabling successful social integration and the formation of positive behavioral models.*

Objective. *To examine the nature of the relationship between different forms of identity and prosocial behavior across various age groups within the contemporary Russian youth population.*

Hypotheses. *It is hypothesized that (1) the prosocial behavior of youth is primarily associated with broad group identities, and (2) as youth mature, the relationship between prosocial behavior and personal identity becomes stronger.*

Methods and Materials. *The overall sample consists of 355 Russian citizens aged 18 to 35. The following instruments were used: the abbreviated version of the Cheek and Briggs “Aspects of Identity” questionnaire; McFarland’s “Identification with All Humanity” scale; Carlo and Randall’s “Prosocial Tendencies Measure”; and a socio-demographic indicators survey. Hypotheses were tested using one-way analysis of variance (ANOVA) and regression analysis.*

Results. *Differences were identified in the structure of relationships between identity and prosocial behavior among different age groups. With increasing age, the number of prosocial behavioral forms associated with civic identity expands. In addition, the relationship of relational identity to conformist and altruistic forms of prosociality changes; a connection with personal identity emerges.*

Conclusion. *It is advisable to study “youth” as a differentiated group, considering the dynamic transformation of their socio-psychological characteristics depending on the social situation of development. As individuals age, the connection between prosocial behavior and personal structures reflecting group experience grows stronger; later, orientation toward personal goals and values is added to these structures.*

Keywords: *identity, civic identity, behavior, prosocial behavior, youth, contemporary Russian youth*

Funding. The work was carried out with the support of Saint Petersburg State University, project code 124032600013-2 “Modeling stable constructs of civic identity of Russian youth as a mechanism for transferring spiritual and moral values” (ID PURE 116230058).

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/246>.

For citation: Gurieva, S.D., Liapina, T.E., Yumkina, E.A., Maltseva, A.V., Shilkina, N.E. (2026). The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth. *Social Psychology and Society*, 17(1), 112–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>

Введение

Фундаментальный вклад в изучение феномена идентичности внес Э. Эрикссон (Эрикссон, 2006), разработавший теорию психосоциальной идентичности и подчеркивающий важность изучения социального контекста в формировании идентичности, особенно молодежи. Психосоциальная идентичность формируется сквозь призму соотнесения себя с социумом и является основой для усвоения и функционирования социальных установок. В настоящее время изучением идентичности и просоциального поведения занимаются многие исследователи (Кисляков, 2019; Полюшкевич, 2023; Chui et al., 2025; Муращенкова и др., 2022). Значительное число работ посвящено рассмотрению связи этих феноменов у молодежи (Hardy, Kisling, 2006; Xiao, Shi, Liew, 2023; Kanacri et al., 2014). Это объясняется

тем, что временной период, который охватывается понятием «молодежь», характеризуется процессами самоопределения, началом активной трудовой и семейной жизни. То, с какими социальными общностями идентифицирует себя молодежь, на какой круг людей в связи с этим распространяется ее готовность помогать, относится к актуальным вопросам в решении проблемы консолидации современного российского общества.

Идентичность рассматривается в литературе как характеристика самосознания личности, в содержании которой фиксируется, с одной стороны, состояние внутренней целостности, а с другой — соотнесенности и интегрированности с различными социокультурными контекстами (Тхостов, Рассказова, 2012; Белинская, 2018). В зависимости от характеристик этих контекстов опи-

сывается широкое разнообразие идентичностей: личностная, полоролевая, социальная, гражданская, этническая, культурная и др. С другой стороны, С. Харди (S. Hardy) рассматривает большое разнообразие видов просоциального поведения: уступчивое, публичное, анонимное, экстренное, эмоциональное и альтруистическое (Hardy, 2005). Просоциальное поведение определяется как добровольное поведение, которое призвано приносить пользу другому человеку, группе, обществу (Ильин, 2011).

Соотношение идентичности и просоциального поведения может быть рассмотрено как взаимосвязь между самоопределением человеком себя в различных социальных контекстах и его готовностью помогать представителям различных социальных общностей. Анализ научной литературы показывает, что сопоставление этих феноменов является предметом анализа многих исследований. Так, например, в исследованиях, посвященных изучению молодежи, установлен ряд важных умозаключений. В рамках статусной теории идентичности (Дж. Марсиа) отмечается, что диффузная идентичность отрицательно, а достигнутая положительно связаны с просоциальным поведением студентов (Hardy, Kisling, 2006). При этом осмысление молодыми людьми универсальных моральных норм и включение их в систему самоопределения является наиболее достоверным предиктором просоциального поведения (Hardy, Nadal, Schwartz, 2017). Посредническую роль в связи идентичности и просоциального поведения у молодежи играет также развитие общей способности к саморефлексии (Saki, Oztas, 2024) и временной

перспективы (Chui et al., 2025), т.е. горизонта планирования своих действий. В русле теории социальной идентичности показано, что альтруистическое межгрупповое поведение (которое является противоположным групповому фаворитизму) у молодых людей отрицательно связано с ориентацией на социальное доминирование и положительно — с выраженностью ценностей Самопреодоления (т.е. с принятием других людей как равных себе, заботой о них) (Ефремова, Бульцева, 2020), моральными обязательствами и чувством принадлежности к учебной/рабочей группе, т.е. такой группе, которая объединяла бы людей из различных аутгрупп значимой целью (Xiao, Shi, Liew, 2023). Важную роль в поддержке позитивной динамики в сторону большей зрелости и определенности как чувства идентичности, так и просоциального поведения играют благоприятные отношения в первичной группе социализации (т.е. в семье) (Kanasgi et al., 2014). Перечисленные данные показывают, что связь между идентичностью и просоциальным поведением является динамичной и опосредуется изменениями социальных отношений молодых людей (как в первичных, так и во вторичных группах социализации). При этом отмечается, что характер идентичности в этом возрасте может проявляться с иными формами поведения: так, например, были обнаружены связи компонентов этнической, гражданской и глобальной идентичностей с транслируемыми современной студенческой молодежью миграционными намерениями и активностью (Муращенкова и др., 2022).

Исследователи, как правило, строят свои выводы относительно обобщенной

группы молодежи, возрастные границы которой варьируются от 15 до 30–35 лет (Загребин, 2014). Между тем Л.С. Выготский считал не вполне правомерным растягивать границы детства и юности. В своей статье «Проблема возраста» периодизация детства завершается им выделением пубертатного возраста с 14 до 18 лет, в котором на 17 лет приходится критический период (Выготский, 1984, с. 256), а интервал с 18 до 25 лет отнесен Л.С. Выготским к категории юности (как первой стадии зрелого возраста), где развитие высших психических функций начинается происходить по иным закономерностям, чем в детстве (Выготский, 1984, с. 255). В этой связи категория молодежи представляется особенно неоднозначной, потому как по своим возрастным границам она охватывает верхний интервал детства и начальный интервал зрелости. В методологическом отношении это означает, что характер взаимосвязи между идентичностью и просоциальным поведением у молодежи необходимо анализировать в сравнительно возрастном плане. Если детство было описано Л.С. Выготским и его учениками довольно подробно, то период ранней зрелости с точки зрения новообразований долгое время оставался практически не разработанным.

Одним из центральных теоретических понятий в работах Л.С. Выготского при характеристике возраста является «социальная ситуация развития» как «система отношений ребенка данного возраста с социальной действительностью» (Выготский, 1984, с. 260). Сохранение системы отношений позволяет выделять стабильный возраст, тогда как ее изменение — критический. Принципиально важно в контексте рассматри-

ваемой нами проблемы положение о том, что «в основе психического развития лежит прежде всего эволюция поведения и интересов ребенка, изменение структуры направленности его поведения» (Выготский, 1984, с. 7). Это утверждение дает основание предполагать существование различий в направленности просоциального поведения личности молодых людей в связи с различиями в структуре их идентичности. Объективным критерием в размежевании этих отличий и выступает смена социальной ситуации развития.

О социальной ситуации развития в пубертатном возрасте известно следующее: в силу полового созревания меняется характер отношений в первичной группе социализации (возрастает критичность к авторитетам семьи), преобразуются отношения в коллективе сверстников. Кризис 17-летия сопровождается включением в совершенно новую учебную среду вуза (Хомова, 2012). Кроме того, появляется первый опыт романтической привязанности. Во внутреннем плане личности: кардинально меняется структура интересов с выделением центрального, наиболее устойчивого; формируется понятийное мышление, отличающееся пока контрастностью и противоречивостью; происходит осмысление общественно-политического устройства; развивается самовосприятие, самонаблюдение (Бурева, 2013, с. 61–65).

В ранней зрелости относительно стабильный период обучения в вузе (18–23 года) вновь сменяется довольно напряженным началом непосредственной профессиональной деятельности (23–27 лет), образованием социальных связей в трудовом коллективе, освоением семейных и родительских ролей (Захарова, 2015), пре-

образованием отношений в родительской семье и вновь созданной, собственной (Гуриева и др., 2024). Во внутреннем плане отмечается большая роль сознательного регулирования в перестройках системы мотивов (Шляпникова, 2009).

Рассмотренные характеристики социальной ситуации развития, а также опора на диалектический подход к возрастному развитию личности (характерный для генетической психологии Л.С. Выготского) позволяют нам выдвинуть предположение о существовании двух возрастных тенденций в группе молодежи: (1) с одной стороны, просоциальное поведение в большей степени связано с интегральными структурами идентичности, обобщающими знания и переживания себя в контексте широких социальных групп, а (2) с другой стороны, по мере взросления просоциальное поведение больше опосредуется личными целями и ценностями. На подтверждение выдвинутых гипотез направлено данное эмпирическое исследование.

Материалы и методы

Выборка и процедура исследования.

Современная российская молодежь характеризуется как социальная группа с особыми психологическими и социальными чертами. Выборка была собрана в сервисе «Яндекс Формы» и составила 355 человек. Все респонденты были разделены по принципу $M \pm SD$ на 3 группы по возрастному признаку. К первой группе были отнесены 58 респондентов ($n1 = 58$) в возрасте 18–19 лет ($M = 18,40$, $SD = 0,50$), ко второй – 245 респондентов ($n2 = 245$) 20–26 лет ($M = 22,36$, $SD = 1,73$), третью группу составили 52 респондента ($n3 = 52$) в возрасте от 27 до 35 лет ($M = 29,60$, $SD = 2,75$). Подробное описание социально-демографических характеристик выборки, отражающих наиболее значимые показатели социальной ситуации развития по возрастным группам, представлено в табл. 1.

Таким образом, преимущественно выборку составили студенты, совмещаю-

Таблица 1 / Table 1

Социально-демографические характеристики выборки Socio-demographic characteristics of the sample

Характеристика / Characteristic	Группа 1 ($n1 = 58$) / Group 1 ($n1 = 58$)	Группа 2 ($n2 = 245$) / Group 2 ($n2 = 245$)	Группа 3 ($n3 = 52$) / Group 3 ($n3 = 52$)
Пол / Sex			
Женский / Female	44 (75,86%)	211 (86,12%)	43 (82,69%)
Мужской / Male	14 (24,14%)	34 (13,88%)	9 (17,31%)
Уровень образования / Educational level			
Среднее общее / Secondary general education	26 (44,83%)	14 (5,71%)	3 (5,77%)
Среднее профессиональное / Secondary vocational education	11 (18,96%)	12 (4,90%)	4 (7,69%)
Неполное высшее / Incomplete higher education	19 (32,76%)	106 (43,26%)	4 (7,69%)

Характеристика / Characteristic	Группа 1 (n1 = 58) / Group 1 (n1 = 58)	Группа 2 (n2 = 245) / Group 2 (n2 = 245)	Группа 3 (n3 = 52) / Group 3 (n3 = 52)
Высшее I степени (бакалавриат) / Bachelor's degree	2 (3,45%)	67 (27,35%)	12 (23,08%)
Высшее II степени (специалитет/магистратура) / Specialty/Master's degree	0 (0%)	45 (18,37%)	26 (50%)
Высшее III степени (ученая степень) / Academic degree	0 (0%)	1 (0,41%)	3 (5,77%)
Характер занятости / The nature of employment			
Школьник / School student	3 (5,17%)	0 (0%)	0 (0%)
Студент колледжа / College student	3 (5,17%)	1 (0,41%)	0 (0%)
Студент вуза / University student	39 (67,25%)	93 (37,96%)	3 (5,77%)
Работающий / Working	1 (1,72%)	57 (23,26%)	37 (71,15%)
Временно не работает / Temporarily out of work	0 (0%)	18 (7,35%)	7 (13,46%)
Обучается в колледже и работает / Studying at a college and working	5 (8,62%)	3 (1,22%)	0 (0%)
Обучается в вузе и работает / Studying at a univer- sity and working	7 (12,07%)	73 (29,80%)	5 (9,62%)
Семейное положение / Marital status			
Не состоит в отношениях / Not in a relationship	35 (60,35%)	122 (49,79%)	12 (23,08%)
Состоит в официально незарегистрированном браке / In an officially unregistered marriage	22 (37,93%)	99 (40,41%)	20 (38,46%)
Состоит в официально зарегистрированном бра- ке / In an officially registered marriage	1 (1,72%)	23 (9,39%)	19 (36,54%)
Разведен/разведена / Divorced	0 (0%)	1 (0,41%)	1 (1,92%)
Наличие детей / The presence of children			
Нет детей / No children	57 (98,28%)	237 (96,74%)	42 (80,77%)
Есть один ребенок / Has 1 child	1 (1,72%)	8 (3,26%)	6 (11,54%)
Есть 2 ребенка / Has 2 children	0 (0%)	0 (0%)	4 (7,69%)
Уровень дохода / Income level			
Низкий / Low	6 (10,35%)	20 (8,16%)	2 (3,85%)
Ниже среднего / Below average	7 (12,07%)	40 (16,33%)	5 (9,62%)
Средний / Average	36 (62,07%)	148 (60,41%)	40 (76,92%)
Выше среднего / Above average	8 (13,79%)	35 (14,28%)	4 (7,69%)
Высокий / High	1 (1,72%)	2 (0,82%)	1 (1,92%)

щие учебу с работой, не имеющие семьи и детей, со средним уровнем дохода или ниже среднего.

Методики. Каждому респонденту предлагалось заполнить пакет диагностических методов. Измерение различных сторон идентичности осуществлялось с помощью сокращенной версии опросника «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ-IV) (J. Cheek, S. Briggs) в адаптации А.Е. Войскунского и коллег. Из оригинальной методики, состоящей из 45 пунктов и включающей 6 шкал, были взяты 35, относящихся к 4 шкалам, не затрагивающим объективные природные аспекты идентичности (пол, возраст и пр.): личной, реляционной, социальной, коллективной идентичности (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013). Для определения уровня выраженности когнитивного и эмоционального компонентов гражданской идентичности использовались соответствующие шкалы методики «Идентификация с человечеством» (IWHN) С. МакФарленда в адаптации Т.А. Нестика (Нестик, 2017). Формы просоциального поведения оценивались при помощи опросника «Измерение просоциальных тенденций» (Карло, Рэндалл) в адаптации Н.В. Кухтовой (Кухтова, Доморацкая, 2011). Социально-демографические характеристики респондентов были отражены в анкете.

Обработка и анализ данных. Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью программы JASP 0.19.3. Применялись методы описательной статистики, проводился анализ надежности шкал (коэффициент ω -Макдоналда), проверка различий в группах осуществлялась при помощи однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) с расчетом апосте-

риорных сравнений (*t*-критерий). Для определения связей показателей идентичности и просоциального поведения в трех возрастных группах применялся регрессионный анализ (с учетом количества предикторов и численности групп была выбрана линейная модель с пошаговым включением переменных). С учетом однородности анализируемых групп по численности были проведены сенситивный анализ мощности выборок, а также проверка на равенство дисперсий, подтвердившие адекватность применения выбранного метода.

Результаты

Для измеряемых параметров была проведена проверка нормальности распределения по возрастным группам. В результате было установлено, что используемые шкалы распределены нормально или имеют отклонение, допускающее применение ANOVA (Schmidler, Ziegler, 2010; Blanca Mena et al., 2017). Для выявления различий по характеристикам идентичности и просоциального поведения в трех возрастных группах был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с апостериорными сравнениями (*t*-тест, *p*-уровень с поправкой Tukey). Все шкалы удовлетворяли допущению о гомогенности дисперсий. Обнаруженные различия приведены в табл. 2.

Первая группа (18–19 лет) отличается более высокими показателями коллективной и гражданской идентичностей, характеризующими соотношение себя с малыми (такими, как семья) и большими социальными общностями (такими, как россияне, граждане России). Они в большей степени, чем моло-

Таблица 2 / Table 2

Различия значений шкал в разных возрастных группах
Differences in scale values across age groups

Критерий / Criteria	Группа 1 / Group 1		Группа 2 / Group 2		Группа 3 / Group 3		Различия групп / Group differences	p_{tukey}
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>		
«Аспекты идентичности» / “Aspects of Identity”								
Коллективная идентичность / Collective identity	23,09	6,40	20,23	6,07	18,50	5,09	1 – 2 1 – 3	0,004 < 0,001
«Идентификация с человечеством» / “Identification with all humanity”								
Гражданская идентичность / Civic identity	28,17	6,94	25,62	6,62	24,33	6,08	1 – 2 1 – 3	0,023 0,007
Когнитивный аспект гражданской идентичности / The cognitive aspect of civic identity	14,38	3,08	13,56	2,91	12,64	2,50	1 – 3	0,036
Эмоциональный аспект гражданской идентичности / The emotional aspect of civic identity	13,79	3,54	12,06	3,34	11,69	3,49	1 – 2 1 – 3	0,002 0,004
«Измерение просоциальных тенденций» / “Measuring prosocial tendencies”								
Эмоциональное просоциальное поведение / Emotional prosocial behavior	17,85	3,25	16,94	3,28	16,06	3,36	1 – 3	0,013
Экстремное просоциальное поведение / Extreme prosocial behavior	11,19	1,91	10,32	2,13	10,42	2,25	1 – 2	0,015
Публичное просоциальное поведение / Public prosocial behavior	11,10	3,51	10,31	3,18	9,44	3,24	1 – 3	0,021
Конформное просоциальное поведение / Conformal prosocial behavior	7,02	1,50	6,36	1,50	6,17	1,52	1 – 2 1 – 3	0,009 0,010

Примечание: *M* – среднее, *SD* – стандартное отклонение.
Note: *M* – Mean, *SD* – Standard deviation.

дые люди из старшей возрастной группы, склонны к эмоционально окрашенному просоциальному поведению (мотивированному желанием эмоционально поддержать человека, облегчить его страдания) и имеют более высокие показатели

экстремного просоциального поведения (направленного на помощь человеку в чрезвычайной ситуации). Одновременно с этим молодежь младшей группы более склонна к конформному (в ответ на просьбу о помощи) и публичному просо-

циальному поведению (в ситуации, когда за действиями помощи наблюдают) в сравнении со старшей группой. Молодежь средней группы характеризуется промежуточными значениями практически всех параметров.

Для выявления связи параметров идентичности и форм просоциального поведения в разных возрастных группах молодежи был проведен регрессионный анализ. Важно отметить, что в соответствии с сензитивным анализом мощности (Giner-Sorolla et al., 2024) текущий объем выборок для 1 и 3 групп ($n = 52-58$) при пяти предикторах и вероятности ошибки I рода в 5% позволял со статистической мощностью в 80%, принятой нами в качестве минимального приемле-

мого уровня, обнаружить только эффекты, попадающие в диапазон умеренных или сильных взаимосвязей по классификации Дж. Коэна (Cohen). Иными словами, проведенный в этих группах анализ обладал достаточной чувствительностью к обнаружению сильных ($r \geq 0,50$) и умеренных ($0,30 \leq r < 0,50$) по выраженности связей, но сниженной чувствительностью к обнаружению слабых связей. Для второй группы ($n = 245$) аналогичный анализ обладал большей чувствительностью и позволял с приемлемым уровнем мощности обнаруживать в том числе слабые связи.

Полученные результаты регрессионного анализа для группы 1 (18–19 лет) представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3
Результаты линейной регрессии для группы 1 (18–19 лет)
Linear regression results for group 1 (18–19 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личностная / Personal	Реляционная / Relational	Социальная / Social	Коллективная / Collective	Гражданская / Civic	
Конформное ПП / Conform- ing PB	–	0,349**	–	–	–	0,106
Публичное ПП / Public PB	–	–	0,270*	–	–	0,056
Анонимное ПП / Anony- mous PB	–	–	–	–	0,376**	0,126
Экстренное ПП / Emer- gency PB	–	–	–	–	–	0,000
Эмоциональное ПП / Emotional PB	–	–	–	–	0,422***	0,164
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	–	0,384**	–	–	–	0,132

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

Результаты показывают, что гражданская идентичность является наиболее сильным предиктором форм просоциального поведения (анонимного и эмоционального). Идентификация в близком кругу связана с альтруистическим, конформным и альтруистическим просоциальным поведением, а социальная идентичность опосредует публичные формы оказания помощи.

В группе 2 (20–26 лет) мы видим несколько иную картину связей (см. табл. 4).

Необходимо оговориться, что это может быть эффектом большего объема данной группы. Интересно, что гражданская идентичность является предиктором практически всех форм просоциального поведения, кроме публичного.

Реляционная идентичность опосредует конформное, анонимное, экстренное и эмоциональное просоциальное поведение. Социальная идентичность (как самоопределение через внешние атрибуты статуса) также связана с публичными формами оказания помощи, но отрицательно предсказывает бескорыстные стремления помогать. Коллективная идентичность (как самоопределение в категориях широкой культурной общности) выступает предиктором публичного просоциального поведения.

Корреляции, обнаруженные при анализе группы 3 (27–35 лет), отображены в табл. 5.

Как можно видеть, взаимосвязи в этой группе отличаются меньшей на-

Таблица 4 / Table 4
Результаты линейной регрессии для группы 2 (20–25 лет)
Linear regression results for group 2 (20–25 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личностная / Personal	Реляционная / Relational	Социальная / Social	Коллективная / Collective	Гражданская / Civic	
Конформное ПП / Conforming PB	—	0,250***	—	–0,208**	0,339***	0,150
Публичное ПП / Public PB	—	—	0,190**	0,151*	—	0,066
Анонимное ПП / Anonymous PB	—	0,141*	—	—	0,408***	0,220
Экстренное ПП / Emergency PB	—	0,241***	—	—	0,381***	0,261
Эмоциональное ПП / Emotional PB	—	0,255***	—	—	0,230***	0,152
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	—	—	–0,191**	—	0,353***	0,080

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

Таблица 5 / Table 5

Результаты линейной регрессии для группы 3 (27–35 лет)
Linear regression results for group 3 (27–35 years)

Шкалы / Scales	Коэффициенты β / Coefficients β Идентичности / Identities					Скоп. R^2 / Adjusted R^2
	Личност- ная / Personal	Реляци- онная / Relational	Соци- альная / Social	Коллек- тивная / Collective	Граждан- ская / Civic	
Конформное ПП / Con- forming PB	—	—	—	—	0,387**	0,133
Публичное ПП / Public PB	—	—	—	0,297*	—	0,070
Анонимное ПП / Anony- mous PB	—	—	—	—	0,302*	0,073
Экстренное ПП / Emer- gency PB	—	—	—	—	0,345*	0,101
Эмоциональное ПП / Emotional PB	0,430**	—	—	—	—	0,169
Альтруистическое ПП / Altruistic PB	—	0,434**	-0,320*	—	—	0,206

Примечание: β – стандартизированный регрессионный коэффициент; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; ПП – просоциальное поведение.

Note: β – standardized regression coefficient; * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; PB – prosocial behaviour.

сыщенностью. Показатель гражданской идентичности выступает предиктором наибольшего числа форм просоциального поведения (конформного, анонимного и экстренного). Реляционная идентичность опосредует альтруистическое стремление оказывать помощь. Личностная идентичность (как самоопределение в категориях уникальности и внутренней целостности) является предиктором эмоционального просоциального поведения. Коллективная идентичность связана с публичными формами помощи.

Сравнивая все три группы, отметим, что наиболее контрастными являются первая и третья. Во второй группе видны общие моменты как с первой, так и с третьей. Если в первой группе просоциаль-

ное поведение в равной степени связано с чувством принадлежности и к близкому окружению, и к сообществу жителей страны, то в третьей гражданская идентичность явно выходит на первый план.

Обсуждение результатов

Обобщая полученные данные, отметим, что выявленная тенденция изменения выраженности различных аспектов просоциальности в зависимости от возраста в рассматриваемый нами период согласуется с данными других авторов (Pollerhoff et al., 2024). Обращение к теоретическим положениям теории Л.С. Выготского позволяет нам объяснить специфику связи просоциального поведения с различными сторонами идентичности.

Введение возрастной градации молодежи с учетом объективных характеристик социальной ситуации развития (образование, занятость, семейное положение) дает возможность понять наблюдаемые отличия связей в возрастных срезах.

Младшая возрастная группа (18–19 лет) характеризуется активной вовлеченностью в учебную деятельность в системе высшего образования. На этот период приходится формирование как более системного общенаучного, так и более специализированного профессионального мировоззрения. Молодые люди еще не создали устойчивых семейных связей. Следовательно, учебная деятельность, являясь доминантой социальной ситуации развития данного периода, способствует также активному соотношению себя со своими соотечественниками. При этом альтруистическое поведение сфокусировано на ближайшем кругу. Публичные формы помощи имеют менее зрелое опосредование идентификацией с внешними атрибутами значимых для молодежи социальных групп, что не противоречит результатам других авторов (Antonova, Levchenko, Porova, 2025).

Для средней возрастной группы (20–26 лет) характерен ряд активных преобразований в социальных связях (завершение 1 ступени высшего образования, выбор дальнейшей траектории профессионального развития, начало семейной жизни). В контексте концепции Л.С. Выготского данный период может быть соотношен с критическим. Наши результаты показывают большее значение механизмов идентификации как с более широкой (гражданская идентичность), так и с более узкой (реляционная идентичность) группами в опосредовании просоциаль-

ного поведения. Можно предположить, что в этот период большее значение приобретает механизм эмпатии не только в ближнем кругу, но и к коллегам, а также к незнакомым людям в расширенной ин-группе (Canioz, Coskun, 2019). В дальнейшем возрастные кризисы приобретают большую временную вариативность и индивидуальную специфику, поэтому переход от группы 20–26 к 27–35 может быть более мягким и не демонстрировать ярких различий в характеристиках идентичности и просоциальности.

Социальная ситуация у старшей возрастной группы (27–35 года) отличается большей включенностью в построение карьеры, накоплением профессионального опыта. Большая часть наших респондентов состоит в зарегистрированном браке. Вероятно, этим объясняется и большая дифференцированность связей идентичности и просоциального поведения. Так, более ресурсозатратное, эмоциональное просоциальное поведение опосредуется личными ценностями и целями (в отличие от младшей группы, в которой оно связано с гражданской идентичностью), тогда как нормативные формы просоциального поведения (помощь в ответ на просьбу, в экстренных обстоятельствах) связаны с показателем идентификации с гражданами России. Возможно, это является признаком интериоризации универсальных нравственных норм (Xiao, Shi, Liew, 2023).

В результате сравнения связей различных аспектов идентичности с просоциальным поведением становится заметно, что в более младшем возрасте меньшее значение имеет личная идентичность, большее — реляционная, т.е.

ориентированная на близкие, межличностные отношения. Формы просоциального поведения, с которыми она коррелирует, больше связаны с внешними стимулами (конформное просоциальное поведение) и ценностным компонентом (альтруистическое просоциальное поведение) (Hardy, Nadal, Schwartz, 2017). В промежуточный период к реляционному аспекту добавляется растущая роль коллективного и социального аспектов идентичности. В это время связей с просоциальностью становится больше всего, и она имеет наиболее полимотивированный характер. Значимая роль межличностных связей для просоциальности сохраняется и у старшей группы, но к ней добавляется ориентация на личную идентичность. Ценностное отношение к близкому человеку (супругу, другу) направляет большую эмоциональную включенность в его жизнь. Таким образом, в общей картине можно наблюдать постепенный переход от более выраженной внешне детерминированной связи идентичности и форм просоциальности к большей ориентации на внутренние компоненты самосознания и поведение, мотивированные собственной эмоциональной оценкой ситуации.

Интересные данные касаются связей просоциального поведения с идентификацией с широкими социальными общностями: если в младшей группе она опосредуется когнитивным (т.е. познавательным) компонентом гражданской идентичности, то в средней группе ведущую роль занимает переживание молодými людьми своей сопричастности к гражданам страны. В старшей группе эти связи включаются в более обобщенный показатель идентичности.

Заклучение

Возвращаясь к сформулированным в начале статьи гипотезам о специфике связей идентичности и просоциального поведения в контексте возрастной градации молодежи, мы можем в первом приближении ответить на них утвердительно. Наши данные показали, что просоциальное поведение с возрастом становится связанным с более интегрированными структурами идентичности, обобщающими знания и опыт взаимодействия молодых людей в разнообразных социальных общностях. Одновременно с этим важным фактором опосредования просоциального поведения является осмысление себя уникальной личностью, осознание личных целей и ценностей. Весьма эвристичным в анализе динамики просоциального поведения оказывается рассмотрение его с точки зрения концепта социальной ситуации развития как главного критерия деления возраста по Л.С. Выготскому. Объяснение этого сдвига укладывается в другой концепт генетической психологии, а именно — в понятие индивидуации как внутренней переработки личностью социального опыта (Чеснокова, 2008). Учитывая некоторые ограничения нашего исследования (сравнительно небольшая численность групп молодежи младшего и старшего возрастного интервала; использование опросных форм; преобладание женщин), перспективными направлениями дальнейшего развития этой темы являются расширение выборки, достижение сбалансированности по возрастам и полу, а также включение в анализ групп собственно зрелости и поздней зрелости. Кроме этого, методическую базу можно было бы дополнить

инструментами оценки субъективных аспектов социальной ситуации развития (ценностей, целей).

В прикладном плане результаты данного исследования могут быть полезны при разработке более адресных и эффективных программ работы с молодежью как на уровне государственной политики, так и на уровне индивидуально-психологической работы. Так, если в более младшем возрасте в силу преобладания познавательной активности для развития просоциальной направленности более эффективными могут быть грамотно выстроенное просвещение и создание возможностей для широкой волонтерской деятельности, то в более старшем возрасте, возможно, больший эффект может быть достигнут через глубинную рефлексию нравственных норм в контексте реализации молодым человеком общественно-значимых ценностей в своих семейных и профессиональных отношениях.

Ограничения. Проведение дальнейших исследований должно быть сопряжено с решением возникших ограничений: недостаточно большой численностью групп молодежи младшего и старшего возрастного интервала, смещенностью выборки по половому и возрастному со-

ставу, низким количеством респондентов с детьми.

Следует учитывать, что операционализация гражданской идентичности сопряжена с категориями «сопереживание» и «желание помочь», что описывает эмоциональный компонент идентичности, но может исказить обнаруженную связь.

Кроме того, поскольку просоциальное поведение и социальные идентичности исследовались при помощи самоотчетных методик, невозможно проконтролировать проявление социальной желательности.

Limitations. Further research should address the limitations identified in the present study, including the insufficient size of the younger and older youth cohorts, the gender and age imbalance of the sample, and the relatively low number of respondents with children.

It should also be taken into account that the operationalization of civic identity was associated with the categories of “empathy” and “willingness to help,” which capture the emotional component of identity but may distort the observed relationship.

Moreover, since prosocial behavior and social identities were examined using self-report measures, it was not possible to control for the effects of social desirability.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
Belinskaya, E.P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 8(1), 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
2. Бураева, Н.В. (2013). Теоретические аспекты становления юношеского самосознания. *Современные технологии в образовании*, 13, 20–27.

- Buraeva, N.V. (2013). Theoretical aspects of the formation of youth self-awareness. *Modern Technologies in Education*, 13, 20–27. (In Russ.).
3. Войскунский, А.Е., Евдокименко, А.С., Федунина, Н.Ю. (2013). Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 10(2), 98–121.
Voiskunsky, A.E., Evdokimenko, A.S., Fedunina, N.Yu. (2013). Online and Real-Life Identity: A Comparative Study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 10(2), 98–121. (In Russ.).
4. Выготский, Л.С. (1984). *Собрание сочинений: В 6 т.: Том 4. Детская психология*. М.: Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1984). *Collected Works: In 6 vols.: Vol. 4. Child psychology*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
5. Гуриева, С.Д., Юмкина, Е.А., Васина, Е.А., Кузнецова, И.В. (2024). Ценностные ориентации в семье: социально-психологический анализ. *Социальная психология и общество*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303>
Gurieva, S.D., Yumkina, E.A., Vasina, E.A., Kuznetsova, I.V. (2024). Value Orientations in a Family: a SocioPsychological Analysis. *Social Psychology and Society*, 15(3), 38–59. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150303> (In Russ.).
6. Ефремова, М.В., Бульцева, М.А. (2020). Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах. *Социальная психология и общество*, 11(1), 107–126. doi:10.17759/sps.2020110107
Efremova, M.V., Bultseva, M.A. (2020). The relationship between individual values and prosocial behavior in an online and offline contexts. *Social Psychology and Society*, 11(1), 107–126. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110107>. (In Russ.).
7. Загребин, В.В. (2014). Подходы к определению категории «молодежь». *Концепт*, (2), 26–30.
Zagrebin, V.V. (2014). Approaches to “youth” category definition. *Concept*, (2), 26–30. (In Russ.).
8. Захарова, Е.И. (2015). Освоение родительской позиции как траектория возрастнопсихологического развития в зрелом возрасте. *Педагогическое образование в России*, 11, 151–156.
Zakharova, E.I. (2015). Mastering the position of a parent as a trajectory of age and psychological development in adulthood. *Pedagogical Education in Russia*, 11, 151–156. (In Russ.).
9. Ильин, Е.П. (2011). *Мотивация и мотивы*. СПб.: Питер.
Ilyin, E.P. (2011). *Motivation and Motives*. St. Petersburg: Piter.
10. Кисляков, П.А. (2019). Системно-личностные детерминанты безопасного просоциального поведения личности. *Системная психология и социология*, 4(32), 79–91. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.07>
Kislyakov, P.A. (2019). System-Personal Determinants of Safe Prosocial Behavior. *Systems Psychology and Sociology*, 4(32), 79–91. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.32.4.07> (In Russ.).
11. Кухтова, Н.В., Доморацкая, Н.В. (2011). Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. *Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*.
Kuchtova, N.V., Domoratskaya, N.V. (2011). Prosocial behavior in the structure of professionally important qualities of specialists helping professions. *Vitebsk: Educational institution “VSU named after P.M. Masherov”*. (In Russ.).

12. Ляпина, Т.Е., Юмкина, Е.А., Гуриева, С.Д., Гриценко, В.В. (2025). *База данных для изучения связи идентичности и просоциального поведения российской молодежи: Набор данных*. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. М. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/n53t-825e-3x47>
Liapina, T.E., Yumkina, E.A., Gurieva, S.D., Gritsenko, V.V. (2025). *Database for studying the relationship between identity and prosocial behavior of Russian youth: Dataset*. RusPsyData: Repository of psychological research and tools. (In Russ.). <https://doi.org/10.48612/MSUPE/n53t-825e-3x47>
13. Мурашенкова, Н.В., Гриценко, В.В., Калинина, Н.В., Ефременкова, М.Н., Кулеш, Е.В., Константинов, В.В., Гуриева, С.Д., Маленова, А.Ю. (2022). Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. *Культурно-историческая психология*, 18(3), 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
Murashcenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Efremenkova, M.N., Kalinina, N.V., Kulesh, E.V., Konstantinov, V.V., Gurieva, S.D., Malenova, A.Yu. (2022). Ethnic, Civic, and Global Identities as Predictors of Emigration Activity of Student Youth in Belarus, Kazakhstan, and Russia. *Cultural-Historical Psychology*, 18(3), 113–123. <https://doi.org/10.17759/chp.2022180314>
14. Нестик, Т.А. (2017). Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 2(4), 145–185.
Nestik, T. (2017). Global identity as a socio-psychological phenomenon: a theoretical and empirical study. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2(4), 145–185. (In Russ.).
15. Полюшкевич, О.А. (2023). Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках. *Социология*, (1), 79–85.
Polyushkevich, O.A. (2023). Morality and social identity in pro-social practices. *Sociology*, (1), 79–85. (In Russ.).
16. Тхостов, А.Ш., Рассказова, Е.И. (2012). Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода. *Психологические исследования*, 5(26), 2–2. <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.741>
Tkhostov, A.S., Rasskazova, E.I. (2012). Identity as a Psychological Construct: Opportunities and Limitations of the Interdisciplinary Approach. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 5(26), 2. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.741>
17. Хомова, Н.А. (2012). Социальная ситуация развития современного студенчества. *Мир науки, культуры, образования*, (5), 176–178.
Khomova, N.A. Development of social intellect in student age. *The World of Science, Culture, and Education*, (5), 176–178. (In Russ.).
18. Чеснокова, А.Г. (2008). Проблема общего и индивидуального в творчестве Л.С. Выготского: между эмпиризмом и диалектикой. *Культурно-историческая психология*, 4(12), 39–49.
Chesnokova, A.G. (2008). The Problem of the General and the Individual in L.S. Vygotsky's Work: Between Empiricism and Dialectics. *Cultural-Historical Psychology*, 4(2), 39–49. (In Russ.).
19. Шляпникова, И.А. (2009). Социальная ситуация развития в период средней зрелости. *Психология. Психофизиология*, 5(138), 87–96.
Shlyapnikova, I.A. (2009). Social situation of development in middle adulthood. *Psychology. Psychophysiology*, 5(138), 87–96. (In Russ.).
20. Эрикссон, Э.Х. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, Флинта, МПСИ.

- Erikson, E.H. (2006). *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, Flinta, MPSI.
21. Antonova, N.L., Levchenko, I.E., Popova, N.G. (2025). Phenomenon of Altruism: Current Youth Perceptions from the Historical and Sociological Perspectives. *Changing Societies & Personalities*, 9(1), 120–142. <https://doi.org/10.15826/csp.2025.9.1.321>
 22. Blanca Mena, M.J., Alarcón Postigo, R., Arnau Gras, J., Bono Cabré, R., Bendayan, R. (2017). Non-normal data: Is ANOVA still a valid option? *Psicothema*, 29(4), 552–557.
 23. Canioz, E.K., Coskun, H. (2019). The impact of social identity and empathy on helping behavior: the moderator role of empathy. *International Journal of Scientific and Technological Research*, 5(12), 314–323. <https://doi.org/10.7176/JSTR/5-12-35>
 24. Chui, R.C.F., Li, H., Chan, C.K., Siu, N.Y.F., Cheung, R.W.L., Li, W.O., Xu, N. (2025). Prosocial Behaviour, Individualism, and Future Orientation of Chinese Youth: The Role of Identity Status as a Moderator. *Behavioral Sciences*, 15(2), 193. <https://doi.org/10.3390/bs15020193>
 25. Giner-Sorolla, R., Montoya, A.K., Reifman, A., Carpenter, T., Lewis Jr, N.A., Aberson, C.L., Bostyn, D.H., Conrique, B.G., Ng, B.W., Schoemann, A.M. (2024). Power to detect what? Considerations for planning and evaluating sample size. *Personality and Social Psychology Review*, 28(3), 276–301. <https://doi.org/10.1177/10888683241228328>
 26. Hardy, S.A. (2005). *Identity as a source of prosocial motivation in young adulthood*. Diss. Dr. Psychol. The University of Nebraska-Lincoln.
 27. Hardy, S.A., Kislung, J.W. (2006). Identity statuses and prosocial behaviors in young adulthood: A brief report. *Identity*, 6(4), 363–369. https://doi.org/10.1207/s1532706xid0604_4
 28. Hardy, S.A., Nadal, A.R., Schwartz, S.J. (2017). The integration of personal identity, religious identity, and moral identity in emerging adulthood. *Identity*, 17(2), 96–107. <https://doi.org/10.1080/15283488.2017.1305905>
 29. Kanacri, B.P.L., Pastorelli, C., Zuffiano, A., Eisenberg, N., Ceravolo, R., Caprara, G.V. (2014). Trajectories of prosocial behaviors conducive to civic outcomes during the transition to adulthood: The predictive role of family dynamics. *Journal of Adolescence*, 37(8), 1529–1539. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.07.002>
 30. Pollerhoff, L., Reindel, D.F., Kanske, P., Li, S.C., Reiter, A.M.F. (2024). Age differences in prosociality across the adult lifespan: A meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 165(1), 1–20. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2024.105843>
 31. Saki, U., Oztas, M. (2024). The effect of prosocial behaviour manageability on conscious awareness in university athletes: The mediating role of athlete identity. *Journal of ROL Sport Sciences*, 5(4), 750–763. <https://doi.org/10.70736/jrolss.469>
 32. Schmider, E., Ziegler, M., Danay, E., Beyer, L., Bühner, M. (2010). Is it really robust? *Methodology*, 6(4), 147–151. <https://doi.org/10.1027/1614-2241/a000016>
 33. Xiao, S.X., Shi, Q., Liew, J. (2023). Young adults' intergroup prosocial behavior and its associations with social dominance orientation, social identities, prosocial moral obligation, and belongingness. *Journal of Social and Personal Relationships*, 40(9), 2809–2831 <https://doi.org/10.1177/02654075221096398>

Информация об авторах

Светлана Дзахотовна Гуриева, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievav@spbu.ru

Гуриева С.Д., Ляпина Т.Е., Юмкина Е.А.,
Мальцева А.В., Шилкина Н.Е. (2026)
Связь идентичности и просоциального поведения...
Социальная психология и общество,
17(1), 112–131.

Gurieva S.D., Liapina T.E., Yumkina E.A.,
Maltseva A.V., Shilkina N.E. (2026)
The relationship between identity and prosocial...
Social Psychology and Society,
17(1), 112–131.

Татьяна Евгеньевна Ляпина, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7170-7823>, e-mail: tlyapina2001@bk.ru

Екатерина Анатольевна Юмкина, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Анна Васильевна Мальцева, доктор социологических наук, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>, e-mail: a.maltseva@spbu.ru

Наталья Егоровна Шилкина, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>, e-mail: n.shilkina@spbu.ru

Information about the authors

Svetlana D. Gurieva, Doctor of Science (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4305-432X>, e-mail: s.gurievsv@spbu.ru

Tatiana E. Liapina, Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7170-7823>, e-mail: tlyapina2001@bk.ru

Ekaterina A. Yumkina, Candidate of Science (Psychology), Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4539-7235>, e-mail: katerinayum@mail.ru

Anna V. Maltseva, Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1322-6255>, e-mail: a.maltseva@spbu.ru

Natalia E. Shilkina, Doctor of Science (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-703X>, e-mail: n.shilkina@spbu.ru

Вклад авторов

Гуриева С.Д. — идеи и план исследования; работа с источниками по теме исследования.

Ляпина Т.Е. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных.

Юмкина Е.А. — аннотирование, теоретический анализ, оформление рукописи, визуализация результатов исследования.

Мальцева А.В. — подготовка репозитория, оформление сопроводительных документов.

Шилкина Н.Е. — работа с текстом статьи, вычитка, редактура, корректура.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Authors contribution

Svetlana D. Gurieva – ideas; planning of the research.

Tatiana E. Liapina – application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis.

Ekaterina A. Yumkina – annotation, theoretical analysis, design of the manuscript; visualization of research results.

Anna V. Maltseva – preparation of the repository, preparation of accompanying documents.

Natalia E. Shilkina – work with the text of the article, editing, proofreading.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета (протокол № 02-283 от 18.09.2024 г.). Письменное информированное согласие на участие в этом исследовании было предоставлено респондентами.

Ethics Statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Saint Petersburg State University (Protocol No. 02-283 dated September 18, 2024). Written informed consent to participate in this study was provided by respondents.

Поступила в редакцию 29.07.2025

Поступила после рецензирования 02.11.2025

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.07.29

Revised 2025.11.02

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Научная статья | Original paper

Типологии форм просоциального поведения и возможность их применения в контексте образовательных практик

О.Р. Михайлова ✉, А.А. Бочавер

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ oxanamikhailova@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. *Просоциальное поведение, определяемое как добровольное поведение в интересах других, рассматривается как ключевой фактор адаптации и выживания в условиях неопределенности, способ совладания с современными социальными вызовами, такими как пандемии, стихийные бедствия и военные конфликты, а также как предмет воспитательной активности в образовательной среде.*

Цель. *В статье описаны три доминирующие в научной литературе типологии просоциального поведения, разработанные Н. Айзенберг и коллегами, Г. Карло и Б. Рэндалл, а также П. Боксером и коллегами. Обсуждаются основания данных типологий, исследования, опирающиеся на каждую типологию, а также практические приложения этих типологий в образовательной среде.*

Основные выводы. *Проведенное теоретическое исследование демонстрирует сложность феномена просоциального поведения и многообразие его проявлений, характеризует проблемы, связанные с его классификацией и измерением, отражает трансформацию взглядов на просоциальное поведение с течением времени, а также фиксирует актуальное направление исследований взаимосвязи просоциального и агрессивного поведения. Акцентируются важность рефлексивной профессиональной позиции, учет сложности мотивов, лежащих за просоциальным поведением, а также различие институционализированных и стихийных форм просоциального поведения при проектировании интервенций для поддержки просоциального поведения среди детей и подростков и формирования позитивной и поддерживающей организационной культуры школы.*

Ключевые слова: *просоциальное поведение, типологии просоциального поведения, образовательная среда, образовательные практики, воспитание, дети и подростки*

Финансирование. *Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00416-П «Развитие самостоятельности детей и подростков в образовании», https://rscf.ru/project/qd1GNziZfHLZHmZthFUa6VTuxGs4MHYA7MchXckrq5ssEsnrLP0RToCV-_zW6j753vQmyISCBY~/.*

© Михайлова О.Р., Бочавер А.А., 2026

CC BY-NC

Михайлова О.Р., Бочавер А.А. (2026)
Типологии форм просоциального поведения
и возможность их применения в контексте...
Социальная психология и общество,
17(1), 132–145.

Mikhaylova O.R., Bochaver A.A. (2026)
Typologies of prosocial behaviors and the possibility
of their application in the context...
Social Psychology and Society,
17(1), 132–145.

Для цитирования: Михайлова, О.Р., Бочавер, А.А. (2026). Типологии форм просоциального поведения и возможность их применения в контексте образовательных практик. *Социальная психология и общество*, 17(1), 132–145. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170108>

Typologies of prosocial behaviors and the possibility of their application in the context of educational practices

O.R. Mikhaylova ✉, A.A. Bochaver

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

✉ oxanamikhailova@gmail.com

Abstract

Context and relevance. *Prosocial behavior, defined as voluntary behavior in the interests of others, is considered as a key factor of adaptation and survival in conditions of uncertainty, a way of coping with modern social challenges, such as pandemics, natural disasters and military conflicts, as well as a subject of educational activity in the educational environment.*

Objective. *The article describes three dominant typologies of prosocial behavior in the scientific literature, developed by N. Eisenberg and colleagues, G. Carlo and B. Randall, and P. Boxer and colleagues. The foundations of these typologies, research that draws on each typology, and practical applications of these typologies in educational settings are discussed.*

Conclusions. *The theoretical study demonstrates the diversity and complexity of the phenomenon of prosocial behavior, the problems associated with its classification and measurement, the transformation of views on prosocial behavior over time, and the current direction of research on the relationship between prosocial and aggressive behavior. The importance of a reflective professional stance, consideration of the complexity of motives behind prosocial behavior, and distinguishing between institutionalized and spontaneous forms of prosocial behavior in designing interventions to support prosocial behavior among children and adolescents and building a positive and supportive school organizational culture are emphasized.*

Keywords: *prosocial behavior, typologies of prosocial behavior, educational environment, educational practices, education, children and adolescents*

Funding. This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation under the project No. 22-18-00416-II “Development of autonomy of children and adolescents in education”, https://rscf.ru/project/qd1GNziZfHLZHmZtthFUA6VTuxGs4MHYA7MchXckrq5ssEsnrLP0RToCV-_zW6j753vQmyISCBY-/.

For citation: Mikhaylova, O.R., Bochaver, A.A. (2026). Typologies of prosocial behaviors and the possibility of their application in the context of educational practices. *Social Psychology and Society*, 17(1), 132–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170108>

Введение

В условиях социальных шоков и высокой изменчивости на первый план выходят

вопросы совладания людей с происходящими событиями — не только индивидуальная адаптация, но и сохранение важных

связей в сообществе. В этой связи в последние годы наблюдается усиление внимания исследователей к теме просоциального поведения (Cirimele et al., 2024; Nowakowska, 2024). Различные формы помощи и заботы о других, в том числе волонтерство, финансовые пожертвования, донорство, становятся особенно важными в периоды различных социальных вызовов (Nowakowska, 2023, 2024; Uchida et al., 2014). Однако, несмотря на повсеместность помощи, которую одни люди оказывают другим, просоциальное поведение представляет собой широкий спектр поведенческих форм.

В дискуссии об адаптационном смысле альтруизма продолжают появляться новые участники и аргументы (Кропоткин, 2024; де Вааль, 2020). Современные вызовы усиливают актуальность взаимопомощи в различных сообществах. Просоциальное поведение в классических работах Н. Айзенберг и ее коллег определяется как добровольное поведение, направленное на принесение пользы другим (Eisenberg, 1990; Eisenberg et al., 1991, 1995, 1999). Исследования показывают, что просоциальное поведение связано с более низкими показателями агрессивности, повышением социальных навыков и благополучием личности (De Guzman et al., 2013; Son, Padilla-Walker, 2019).

Одной из важнейших сред, в которых возможно развитие просоциального по-

ведения, является образование. Системы отношений, которые формируются в школе, могут включать разные формы взаимопомощи, интегрированные в процессы игры, обучения, досуга. Актуальность вопроса развития просоциального поведения в контексте образования подчеркивается интеграцией задач воспитания в образовательный процесс, зафиксированной в Федеральных государственных стандартах образования¹: ФГОС третьего поколения делают особый акцент на единстве обучения и воспитания. Разработанная для каждого уровня образования федеральная рабочая программа воспитания² реализуется в единстве учебной и воспитательной деятельности образовательной организации и в том числе включает воспитание честности, доброты, милосердия, справедливости, дружелюбия и взаимопомощи, уважения к старшим, к памяти предков, а также экологическое воспитание, способствующее формированию экологической культуры, ответственного, бережного отношения к природе, окружающей среде. С 2023 года во всех российских школах внедрена должность советника директора по воспитанию, в задачи которого входит организация мероприятий, решающих воспитательные задачи, в том числе развитие волонтерских проектов с участием школьников³.

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027?ysclid=m6ncej6kwk418406491> (дата обращения: 16.02.2025).

² Федеральная рабочая программа воспитания. URL: <https://институтвоспитания.рф/upload/medialibrary/ddc/sr3zcu3teyyu74meajjj1vzn171157v9.pdf?ysclid=m6nci77skq909218127> (дата обращения: 16.02.2025).

³ Волонтерские проекты. URL: https://mcvp.ru/city_events/gorodskie-proekty/volonterskie-proekty (дата обращения: 16.02.2025).

Просоциальное поведение преимущественно изучается в его отдельных формах (волонтерство, донорство и др.) (Dunfield, 2014; Bulygina, 2024; Nowakowska, 2023, 2024; Binfet, Passmore, 2019; Гришунина, Пятакова, 2014; Сахарова и др., 2024). Однако редко ставится вопрос о классификации разновидностей просоциального поведения, отсутствует конвенциональное представление о том, что эмпирически представляет из себя просоциальное поведение и какие формы оно может принимать. Соответственно, возникают сложности с сопоставлением результатов отдельных исследований. Цель данной статьи – рассмотреть доминирующие в научном поле типологии просоциального поведения и обсудить их потенциал для использования в образовательном контексте. Новизна работы определяется редким обращением к деконструкции типологий просоциального поведения и попыткой посмотреть на просоциальное поведение во всем его разнообразии.

Типологии просоциального поведения

Рассмотрим три наиболее цитируемые типологии, которые мы обнаружили, опираясь на данные наукометрической базы Lens⁴, которая аналогична по своему контенту базе Google Scholar, но предлагает больше возможностей для анализа результатов поиска. Постараемся проиллюстрировать обсуждаемые типологии примерами из школьного контекста.

1. Типология Н. Айзенберг и коллег (1999)

В предложенной в 1999 году типологии просоциального поведения выделяются три формы: помощь (helping), совместное использование/передача ресурсов (sharing) и утешение (comforting) (Eisenberg et al., 1999). Авторы отмечают, что не считают непосредственно просоциальным поведением такое, которое осуществляется в рамках игрового сюжета.

(1) *Помощь* — это удовлетворение инструментальной потребности другого, благодаря помощи можно продолжить или завершить целевую деятельность. Например, помощь может состоять в том, что школьник может помочь другу выучить стихотворение, помочь учителю вытереть доску, помочь ребенку маленького роста снять с высокой вешалки куртку и др.

(2) *Совместное использование/передача ресурсов* отвечает материальной потребности другого и предполагает, что человек отдает или позволяет другому временно использовать свой предмет или другой ресурс. Потребности могут носить разнообразный характер, и данная форма просоциального поведения позволяет их удовлетворить. Например, школьник может поделиться учебником с соседом по парте, который забыл свой; поделиться знанием о том, как решать текстовые задачи про скорость; поделиться бутербродом во время перемены и пр.

(3) *Утешение, успокоение* представляет собой удовлетворение эмоциональной потребности другого человека, облегчение его эмоционального состояния (печали,

⁴ Lens. URL: <https://www.lens.org/> (дата обращения: 16.02.2025).

обиды, гнева, тревоги и пр.). Например, ребенок может помочь расстроенному из-за оценки другу почувствовать себя лучше, говоря ему поддерживающие слова, обняв, рассказав о своем похожем опыте, угостив карамелькой и др.

Данная типология является одной из первых, основанием классификации в ней выступает потребность другого человека, на которую направлено просоциальное поведение. В образовательной практике типология Н. Айзенберг может применяться для проектирования дифференцированных педагогических воздействий: учителя могут целенаправленно создавать ситуации для развития помощи (парная работа с разноуровневыми учениками), совместного использования ресурсов (групповые проекты с общими материалами) и утешения (обсуждение эмоциональных ситуаций в классе). Данная типология позволяет педагогам диагностировать, какие формы просоциального поведения недостаточно развиты у конкретного ребенка, и выстраивать индивидуальную траекторию воспитательной работы.

Интересно, что во многих последующих публикациях присутствует скрытая отсылка к типологии, но сама она непосредственно не используется. Очень небольшое количество работ посвящено прицельно концептуальной работе с понятием просоциального поведения и его типами (Dunfield, 2014), а также изучению того, как соотносятся между собой агрессивное и просоциальное поведение (McGinley, Carlo, 2007).

В исследованиях, которые обращаются к данной типологии, прежде всего заметно расширение контекста просоциального поведения в лонгитюдном и

межстрановом измерениях (Eisenberg et al., 2014; Gibhardt et al., 2024; Van Der Graaff et al., 2018). В частности, это связано с тем, что исследователи (Cirimele et al., 2024) признают, что измерение просоциального поведения невозможно вне культурного и временного контекстов. Исследования показывают гендерные и возрастные различия в развитии просоциального поведения. Применительно к типу просоциального поведения было выяснено, что инструментальная помощь является предпосылкой для развития утешающего поведения среди детей от 2 до 4 лет (Gibhardt et al., 2024).

На основе типологии Н. Айзенберг и коллег создаются и прикладные разработки, например, разрабатываются интервенции, направленные на поддержку просоциального поведения через взаимодействие с природой (Ernst et al., 2024), игру (Purba et al., 2024), осознанность (mindfulness) (Cheang et al., 2019), сострадание (compassion-based) (Kirby et al., 2017). Интервенции носят инклюзивный характер и сфокусированы в том числе на детях со специфическими уязвимостями (Lane, Ledford, 2016). Кроме того, разрабатываются шкалы для оценки проявлений эмпатии (Funk et al., 2008; Pechorro et al., 2017) и просоциального поведения (Carro et al., 2005; Carlo, Randall, 2002; Richaud et al., 2012).

2. Типология Г. Карло и Б. Рэндалл (2002)

В 2002 году Г. Карло и Б. Рэндалл опубликовали новую типологию, в которой на основе анализа предыдущих теоретических и эмпирических работ выделили шесть типов просоциального поведения: альтруизм, уступчивое (compliant),

эмоциональное, публичное, анонимное и экстренное просоциальное поведение (Carlo, Randall, 2002).

(1) *Альтруизм* вслед за Н. Айзенберг определяется здесь как внутренне мотивированное, добровольное поведение, ориентированное на принесение пользы другим людям без ожидания вознаграждения. Например, школьник может вмешаться в ситуацию травли и защитить школьника, который оказался жертвой преследования, даже если это может привести к негативным последствиям для самого защитника. Такое поведение может быть мотивировано сочувствием (эмпатией) и чувством ответственности за благополучие других.

(2) *Уступчивое просоциальное поведение* — это помощь другим в ответ на вербальный или невербальный запрос. Подобное реактивное поведение встречается, по словам авторов, чаще, чем спонтанная помощь. Большая часть исследований уступчивого поведения сосредоточена на детях, а не на подростках. Примеры уступчивого поведения — помощь в ответ на просьбу, протягивание руки, если другой споткнулся и пр.

(3) *Эмоциональное просоциальное поведение* — это реакция на эмоционально заряженные ситуации (например, одноклассник рядом расстроился, рассердился, испугался), оно представляет собой утешение и другие проявления эмпатии и, по всей видимости, аналогично утешению (comforting) из предыдущей типологии.

(4) *Публичное просоциальное поведение* осуществляется в присутствии аудитории и по крайней мере отчасти определяется желанием субъекта получить одобрение от других, почувствовать признание собственной значимости или по-

лучить другие формы вознаграждения. Например, ребенок делится игрушками с другим ребенком, когда за их игрой наблюдают родители; школьник помогает решить трудную задачу однокласснику под присмотром учителя; однако это поведение прекращается (и может превращаться, например, в агрессивное) при исчезновении внимания взрослых.

(5) *Анонимное просоциальное поведение* ориентировано на интересы другого в условиях отсутствия информации о том, кто именно становится реципиентом ресурсов или помощи. Например, в школе это может быть присоединение ребенка к волонтерским проектам по сбору помощи для детских домов, пожилых людей, приютов для животных без установления непосредственного контакта между школьниками и благополучателями.

(6) *Экстренное просоциальное поведение* — это реактивное поведение в ответ на критическую ситуацию: например, вызов врача и оказание первой помощи при дорожно-транспортном происшествии и другие ситуации, связанные со спасением и помощью кому-то, оказавшемуся в опасности (травма, пожар, утопление, угроза террористического акта и др.).

В данной типологии скрытым основанием для различия разновидностей являются факторы, запускающие просоциальное поведение, и она более дифференцирована, чем предыдущая типология. Применение типологии Г. Карло и Б. Рэндалл в образовательных практиках может предполагать создание разнообразных ситуаций: от организации экстренной помощи (тренировки по эвакуации, первая помощь) до анонимного волонтерства (благотворительные акции без публичного признания). Важно, чтобы школа

обеспечивала баланс между публичным признанием достижений учащихся и возможностями для бескорыстной помощи, что способствует формированию подлинно альтруистической мотивации.

Авторы, цитирующие данную типологию, разработали значительное число опросников для измерения просоциального поведения (Cheng et al., 2024; Luengo Kanacri et al., 2021; Nielson et al., 2017; Zhan et al., 2023). Также по меньшей мере в одной работе авторы обсуждают трудности концептуализации и оценки просоциального поведения (Mallah, 2019).

Исследования показывают, что в число факторов, повышающих проявления просоциального поведения, входят уровень эмпатии (Pang et al., 2022), благополучие (Yuliawati, 2024), надежные отношения с родителями (Wong et al., 2021) и сверстниками (Shi et al., 2020). Просоциальное поведение само по себе служит фактором защиты от употребления детьми и подростками алкоголя (Davis et al., 2024) и совершения ими правонарушений (Schmidt et al., 2023), а также является эффективным копингом для жертв агрессии со стороны сверстников (Griese et al., 2016).

Небольшой массив работ касается роли образования: в них обсуждается, как на системном уровне школа или вуз могут создавать среду для развития просоциального поведения (Alfirević et al., 2023; Costa Martins et al., 2022; Nejati, Shafaei, 2018).

3. Типология П. Боксера, М. Тисак и С. Гольдштейн (2004)

В статье 2004 года П. Боксер, М. Тисак и С. Гольдштейн рассматривают просоциальное поведение в сопоставлении с агрессивным поведением и предлагают

по аналогии различать внутри просоциального проактивное (целенаправленное, не связанное с эмоциями) и реактивное (следующее в ответ на определенную ситуацию) поведение (Boxer et al., 2004).

(1) *Реактивное просоциальное поведение* служит ответом на эмоционально окрашенную ситуацию, например, ребенок помогает другому ребенку, если его вежливо и дружелюбно просят о помощи.

(2) *Проактивное просоциальное поведение* — манипулятивно и ориентировано на собственные цели субъекта. Такое поведение обусловлено ожиданием вознаграждения и принципиально отличается от традиционных представлений о добровольном и бескорыстном помогающем поведении (альтруизме). Например, ребенок помогает взрослым и старается казаться «хорошим», чтобы получить больше контроля над взрослыми, добиться предпочтений, например, по сравнению с братьями/сестрами.

Третий тип поведения — *альтруизм* — добровольные действия, направленные на удовлетворение потребностей других людей и не нацеленные на получение выгоды (например, ребенок помогает другому без просьбы со стороны, исходя из идеи, что помочь в данной ситуации правильно) — был также включен в опрос. Однако авторов интересовало в первую очередь различие реактивного и проактивного просоциального поведения, а альтруистическое поведение они скорее были склонны подвергать сомнению с точки зрения его мотивации.

Интересно, что феномен проактивного просоциального поведения авторы рассматривают как аналог проактивной косвенной агрессии (распускания слухов и сплетен) с точки зрения манипулятив-

ности и эгоцентризма субъекта. Проактивное просоциальное поведение показало высокую положительную корреляцию 0,38 ($p < 0,01$) с агрессией (Boxer et al., 2004). В образовательной практике типология П. Боксера и коллег может использоваться для анализа мотивации внешне схожих проявлений помощи и для предупреждения манипулятивной «проактивной» просоциальности. Педагоги могут целенаправленно создавать ситуации, в которых поощряется не только факт помощи, но и ее мотивы (обсуждение, рефлексия, групповой анализ моральных дилемм), помогая учащимся отличать действия ради выгоды или признания от подлинно заботливого поведения и снижая риск закрепления «просоциальности» как стратегии получения предпочтений.

Данная работа, включающая самый амбивалентный взгляд на просоциальное поведение из обнаруженных, находится среди высокоцитируемых. В шлейфе следующих за этой статьей публикаций рассматривается связь агрессивного и просоциального поведения (Arbel et al., 2022), а также просоциальное поведение как фактор защиты от девиантного поведения (Carlo et al., 2014).

Интересно, что в исследовании П. Боксера и др. (Boxer et al., 2004) все типы просоциального поведения обсуждались на материале пяти поведенческих форм (помощь, оказание услуги, распределение ресурсов, отдача во временное пользование, комплименты) и интерпретировались по-разному в зависимости от лежащего за ним мотива и контекста. Судя по всему, это верно и для других обсуждаемых типологий: разновидность просоциального поведения определяется не формой поведения, а тем, что его

мотивирует. Вопрос о побуждениях, лежащих за просоциальным поведением, отнюдь не нов. В целом исследования указывают на то, что мотивы просоциального поведения могут носить как альтруистический, так и эгоистический характер; существует большое число моделей, в которых по-разному рассматриваются механизмы его проявления (Логвинова, 2021).

Заключение

Таким образом, мы видим, что три доминирующие в международном научном контексте типологии просоциального поведения в целом отвечают на один общий вопрос: что именно запускает у субъекта просоциальное поведение? При этом налицо трансформация взгляда на сущность просоциального поведения и характер его мотивации. В первой типологии (Eisenberg et al., 1999) оно понимается как ориентированное на различные потребности другого человека с готовностью выстраивать субъект-субъектные отношения. Во второй (Carlo, Randall, 2002) оно дифференцируется по ценностям и потребностям его субъекта, которые могут быть более или менее эгоцентричны или альтруистичны. В третьей (Boxer et al., 2004) оно рассматривается как полностью обусловленное разного рода вознаграждениями, причем инициируется обсуждение проактивного просоциального поведения как циничного, эгоистического и близкого к агрессии, что серьезно усложняет взгляд на просоциальность.

Перспективы дальнейших исследований включают эмпирическую проверку продуктивности применения различных типологий просоциального поведения для разработки интервенций в россий-

ском образовательном контексте. Важным направлением является изучение культурной специфики просоциальных практик, разработка русскоязычных инструментов для оценки различных форм просоциального поведения, а также лонгитюдное исследование развития просоциальности в различных образовательных средах. Особый интерес представляет изучение взаимосвязи между стихийными и институционализированными формами просоциального поведения в школьной среде и их влияния на академические достижения и социально-эмоциональное развитие учащихся.

Решения задачи интеграции просоциального поведения в воспитательные мероприятия в образовательных организациях, как правило, акцентируют институционализированные и наблюдаемые формы (например, волонтерство), оставляя за рамками стихийные проявления просоциальности между учащимися (такие как дружеская взаимопомощь). Проведенный анализ показывает многообразие мотивов, лежащих за просоциальным поведением, которые располагаются между альтруистическим

и эгоцентрическим полюсами. Мы полагаем, что усложнение взгляда на просоциальное поведение, выстраивание рефлексивной профессиональной позиции в отношении его вариативности и побуждающих к нему мотивов, а также внимание к стихийным проявлениям просоциальности имеет большое значение для образовательной практики. Рассмотренные типологии позволяют педагогам: а) проектировать разнообразные воспитательные ситуации, охватывающие весь спектр просоциальных проявлений; б) дифференцированно подходить к поддержке различных форм помощи и заботы; в) понимать сложность мотивации за внешне просоциальными действиями и избегать поверхностных оценок поведения учащихся. Это важно для эффективности интервенций, которые проектируются, чтобы решать воспитательные задачи, для педагогической поддержки желаемого поведения школьников в повседневной жизни класса, а также для развития позитивной и поддерживающей организационной культуры школы, которая создает пространство для развития подлинной заботы о других.

Список источников / References

1. Булыгина, М.В. (2024). Развитие просоциального поведения у детей и подростков в контексте детско-родительских и сиблинговых отношений (обзор современных зарубежных исследований). *Современная зарубежная психология*, 13(3), 123–132. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130312>
Bulygina, M.V. (2024). Development of prosocial behavior in children and adolescents in the context of parent–child and sibling relationships (a review of recent foreign studies). *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya*, 13(3), 123–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130312>
2. Гришунина, Е.В., Пятакова, Е.Н. (2014). Особенности личности волонтеров. *Вопросы Психологии*, 5, 71–78.
Grishunina, E.V., Pyatakova, E.N. (2014). Features of the personality of volunteers. *Voprosy Psikhologii*, 5, 71–78. (In Russ.).

3. Де Вааль, Ф.Д. (2020). Последнее объятие Мама: Чему нас учат эмоции животных. М.: Альпина нон-фикшн.
De Waal, F.B.M. (2020). *Мама's last hug: Animal emotions and what they teach us about ourselves*. Moscow: Alpina Non-fiction. (In Russ.).
4. Кропоткин, П.А. (2024). *Взаимная помощь: Почему мы эволюционируем, помогая друг другу*. М.: Альпина Паблшер.
Kropotkin, P.A. (2024). *Mutual aid: Why we evolve by helping each other*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
5. Логвинова, М. (2021). Просоциальное поведение: Социально-психологический анализ. *Ученые Записки. Электронный Научный Журнал Курского Государственного Университета*, 1(57), 264–270.
Logvinova, M. (2021). Prosocial behavior: Socio-psychological analysis. *Uchenye Zapiski. Elektronnyy Nauchnyy Zhurnal Kurskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1(57), 264–270. (In Russ.).
6. Сахарова, Т.Н., Беловол, Е.В., Уманская, Е.Г., Цветкова, Н.А., Фонина, В.В. (2024). Психологические предпосылки просоциальной активности современной молодежи. *Интеграция образования*, 28(4), 533–548. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.117.028.202404.533-548>
Sakharova, T.N., Belovol, E.V., Umanskaya, E.G., Tsvetkova, N.A., Fonina, V.V. (2024). Psychological prerequisites for prosocial activity among modern youth. *Integration of Education*, 28(4), 533–548. (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.117.028.202404.533-548>
7. Alfirević, N., Arslanagić-Kalajdžić, M., Lep, Ž. (2023). The role of higher education and civic involvement in converting young adults' social responsibility to prosocial behavior. *Scientific Reports*, 13(1), 2559. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-29562-4>
8. Arbel, R., Maciejewski, D.F., Ben-Yehuda, M., Shnaider, S., Benari, B., Benita, M. (2022). Prosocial Behavior and Aggression in the Daily School Lives of Early Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 51(8), 1636–1652. <https://doi.org/10.1007/s10964-022-01616-2>
9. Binfet, J.-T., Passmore, H.-A. (2019). The Who, What, and Where of School Kindness: Exploring Students' Perspectives. *Canadian Journal of School Psychology*, 34(1), 22–37. <https://doi.org/10.1177/0829573517732202>
10. Boxer, P., Tisak, M.S., Goldstein, S.E. (2004). Is It Bad to Be Good? An Exploration of Aggressive and Prosocial Behavior Subtypes in Adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 33(2), 91–100. <https://doi.org/10.1023/B:JOYO.0000013421.02015.ef>
11. Caprara, G.V., Steca, P., Zelli, A., Capanna, C. (2005). A New Scale for Measuring Adults' Prosocialness. *European Journal of Psychological Assessment*, 21(2), 77–89. <https://doi.org/10.1027/1015-5759.21.2.77>
12. Carlo, G., Mestre, M.V., McGinley, M.M., Tur Porcar, A., Samper, P., Opal, D. (2014). The protective role of prosocial behaviors on antisocial behaviors: The mediating effects of deviant peer affiliation. *Journal of Adolescence*, 37(4), 359–366. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2014.02.009>
13. Carlo, G., Randall, B.A. (2002). The Development of a Measure of Prosocial Behaviors for Late Adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 31(1), 31–44. <https://doi.org/10.1023/A:1014033032440>
14. Cheang, R., Gillions, A., Sparkes, E. (2019). Do Mindfulness-Based Interventions Increase Empathy and Compassion in Children and Adolescents: A Systematic Review. *Journal of Child and Family Studies*, 28(7), 1765–1779. <https://doi.org/10.1007/s10826-019-01413-9>

15. Cheng, Y., Delvecchio, E., Liang, Z., Mazzeschi, C. (2024). The prosocial behaviors toward different targets scale – brief version: Validation in a sample of Italian emerging adults. *Current Psychology*, 43(35), 28231–28240. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06430-6>
16. Cirimele, F., Pastorelli, C., Remondi, C., Zuffiano, A., Thartori, E., Gerbino, M., Lansford, J.E. (2024). The development of prosocial behavior from late childhood to adolescence: A longitudinal and multicultural study. *Frontiers in Developmental Psychology*, 2, 1472589. <https://doi.org/10.3389/fdpys.2024.1472589>
17. Costa Martins, M., Santos, C., Fernandes, M., Ver ssimo, M. (2022). Attachment and the Development of Prosocial Behavior in Children and Adolescents: A Systematic Review. *Children*, 9(6), 874–874. <https://doi.org/10.3390/children9060874>
18. Davis, A.N., Zamboanga, B.L., Newins, A.R., Lui, P., Ham, L.S., Grigsby, T.J., Kim, S.Y. (2024). Conformity Drinking Motives, College Alcohol Beliefs, and Drinking Behaviors Among College Students: Examining the Protective Role of Prosocial Behaviors. *Journal of Adult Development*. <https://doi.org/10.1007/s10804-024-09489-4>
19. De Guzman, M.R.T., Brown, J.R., Anh Do, K. (2013). Prosocial Behaviors. In K.D. Keith (Ed.), *The Encyclopedia of Cross-Cultural Psychology* (1st ed., pp. 1044–1046). Wiley. <https://doi.org/10.1002/9781118339893.wbeccp436>
20. Dunfield, K.A. (2014). A construct divided: Prosocial behavior as helping, sharing, and comforting subtypes. *Frontiers in Psychology*, 5. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00958>
21. Eisenberg, N. (1990). Prosocial development in early and mid-adolescence. In *From childhood to adolescence: A transitional period?* (pp. 240–268). Sage Publications, Inc.
22. Eisenberg, N., Carlo, G., Murphy, B., Van Court, P. (1995). Prosocial Development in Late Adolescence: A Longitudinal Study. *Child Development*, 66(4), 1179. <https://doi.org/10.2307/1131806>
23. Eisenberg, N., Guthrie, I.K., Murphy, B.C., Shepard, S.A., Cumberland, A., Carlo, G. (1999). Consistency and Development of Prosocial Dispositions: A Longitudinal Study. *Child Development*, 70(6), 1360–1372. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00100>
24. Eisenberg, N., Hofer, C., Sulik, M.J., Liew, J. (2014). The development of prosocial moral reasoning and a prosocial orientation in young adulthood: Concurrent and longitudinal correlates. *Developmental Psychology*, 50(1), 58–70. <https://doi.org/10.1037/a0032990>
25. Eisenberg, N., Miller, P.A., Shell, R., McNalley, S., Shea, C. (1991). Prosocial development in adolescence: A longitudinal study. *Developmental Psychology*, 27(5), 849–857. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.27.5.849>
26. Ernst, J., Underwood, C., Wojciehowski, M., Nayquonabe, T. (2024). Empathy Capacity-Building through a Community of Practice Approach: Exploring Perceived Impacts and Implications. *Journal of Zoological and Botanical Gardens*, 5(3), 395–415. <https://doi.org/10.3390/jzbg5030027>
27. Funk, J., Fox, C., Chan, M., Curtiss, K. (2008). The development of the Children’s Empathic Attitudes Questionnaire using classical and Rasch analyses. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(3), 187–196. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.02.005>
28. Gibhardt, S., Aitken, J., Low, R., Henderson, A.M.E. (2024). Task demands matter in shaping how preschoolers express instrumental helping, comforting, and sharing: A longitudinal analysis. *Journal of Experimental Child Psychology*, 243, 105929. <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2024.105929>
29. Griese, E.R., Buhs, E.S., Lester, H.F. (2016). Peer victimization and prosocial behavior trajectories: Exploring sources of resilience for victims. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 44, 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2016.01.009>

30. Kirby, J.N., Tellegen, C.L., Steindl, S.R. (2017). A Meta-Analysis of Compassion-Based Interventions: Current State of Knowledge and Future Directions. *Behavior Therapy*, 48(6), 778–792. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2017.06.003>
31. Lane, J.D., Ledford, J.R. (2016). A Review of Interventions Designed to Increase Sharing Behaviors in Children with Social Delays or Deficits. *Journal of Behavioral Education*, 25(1), 69–94. <https://doi.org/10.1007/s10864-015-9235-y>
32. Luengo Kanacri, B.P., Eisenberg, N., Tramontano, C., Zuffiano, A., Caprara, M.G., Regner, E., Zhu, L., Pastorelli, C., Caprara, G.V. (2021). Measuring Prosocial Behaviors: Psychometric Properties and Cross-National Validation of the Prosociality Scale in Five Countries. *Frontiers in Psychology*, 12, 693174. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.693174>
33. Mallah, S.E. (2019). Conceptualization and Measurement of Adolescent Prosocial Behavior: Looking Back and Moving Forward. *Journal of Research on Adolescence: The Official Journal of the Society for Research on Adolescence*, 30(S1), 15–38. <https://doi.org/10.1111/jora.12476>
34. McGinley, M., Carlo, G. (2007). Two Sides of the Same Coin? The Relations between Prosocial and Physically Aggressive Behaviors. *Journal of Youth and Adolescence*, 36(3), 337–349. <https://doi.org/10.1007/s10964-006-9095-9>
35. Nejati, M., Shafaei, A. (2018). Leading by example: The influence of ethical supervision on students' prosocial behavior. *Higher Education*, 75(1), 75–89. <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0130-4>
36. Nielson, M.G., Padilla Walker, L., Holmes, E.K. (2017). How do men and women help? Validation of a multidimensional measure of prosocial behavior. *Journal of Adolescence*, 56(1), 91–106. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.02.006>
37. Nowakowska, I. (2023). Age, frequency of volunteering, and Present-Hedonistic time perspective predict donating items to people in need, but not money to combat COVID-19 during lock-down. *Current Psychology*, 42(20), 17329–17339. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-01993-0>
38. Nowakowska, I. (2024). Altruists will be Altruists, but What About Individualists? The Role of Future Time Perspective and Social Value Orientation in Volunteers' Declarations to Continue Engagement in Three Time Horizons. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 35(3), 503–514. <https://doi.org/10.1007/s11266-023-00613-8>
39. Pang, Y., Song, C., Ma, C. (2022). Effect of Different Types of Empathy on Prosocial Behavior: Gratitude as Mediator. *Frontiers in Psychology*, 13, 768827. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.768827>
40. Pechorro, P., Kahn, R.E., Abrunhosa Gon alves, R., Ray, J.V. (2017). Psychometric properties of Basic Empathy Scale among female juvenile delinquents and school youths. *International Journal of Law and Psychiatry*, 55, 29–36. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2017.10.008>
41. Purba, F.M., Djuwita, E., Wiswanti, I.U. (2024). The role of imaginative play and inhibitory control towards prosocial behavior in preschool children: *Jurnal Ilmu Keluarga Dan Konsumen*, 17(2), Article 2. <https://doi.org/10.24156/jikk.2024.17.2.158>
42. Richaud, M.C., Mesurado, B., Cortada, A.K. (2012). Analysis of Dimensions of Prosocial Behavior in an Argentinean Sample of Children. *Psychological Reports*, 111(3), 687–696. <https://doi.org/10.2466/10.11.17.PR0.111.6.687-696>
43. Schmidt, A.T., Duron, J., Bergquist, B.K., Bammel, A.C., Maloney, K.A., Williams-Butler, A., Hanten, G.R. (2023). Prosocial attributes relate to lower recidivism in justice-involved youth: Preliminary evidence using a novel measure of prosocial functioning. *Journal of Public Mental Health*, 22(4), 202–215. <https://doi.org/10.1108/JPMH-02-2023-0012>

Михайлова О.Р., Бочавер А.А. (2026)
Типологии форм просоциального поведения
и возможность их применения в контексте...
Социальная психология и общество,
17(1), 132–145.

Mikhaylova O.R., Bochaver A.A. (2026)
Typologies of prosocial behaviors and the possibility
of their application in the context...
Social Psychology and Society,
17(1), 132–145.

44. Shi, X., Wang, B., He, T., Wu, L., Zhang, J. (2020). Secure attachments predict prosocial behaviors: A moderated mediation study. *PsyCh Journal*, 9(5), 597–608. <https://doi.org/10.1002/pchj.348>
45. Son, D., Padilla-Walker, L.M. (2019). Happy Helpers: A Multidimensional and Mixed-Method Approach to Prosocial Behavior and Its Effects on Friendship Quality, Mental Health, and Well-Being During Adolescence. *Journal of Happiness Studies*, 21(5), 1705–1723. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00154-2>
46. Uchida, Y., Takahashi, Y., Kawahara, K. (2014). Changes in Hedonic and Eudaimonic Well-Being After a Severe Nationwide Disaster: The Case of the Great East Japan Earthquake. *Journal of Happiness Studies*, 15(1), 207–221. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9463-6>
47. Van Der Graaff, J., Carlo, G., Crocetti, E., Koot, H.M., Branje, S. (2018). Prosocial Behavior in Adolescence: Gender Differences in Development and Links with Empathy. *Journal of Youth and Adolescence*, 47(5), 1086–1099. <https://doi.org/10.1007/s10964-017-0786-1>
48. Wong, T.K.Y., Konishi, C., Kong, X. (2021). Parenting and prosocial behaviors: A meta-analysis. *Social Development*, 30(2), 343–373. <https://doi.org/10.1111/sode.12481>
49. Yuliawati, L. (2024). Unveiling the veil: Exploring how wellbeing motivations shape anonymous and public prosocial behavior in Indonesia. *BMC Psychology*, 12(1), 299. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01799-2>
50. Zhan, Q., Wang, S., Li, C., Li, M., Liu, D., Peng, W., Song, F., Shi, T., Li, Y. (2023). Revision and validation of the prosocialness scale for adults (PSA) among chinese college students. *BMC Psychology*, 11(1), 124. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01124-3>

Информация об авторах

Оксана Рудольфовна Михайлова, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, доцент Кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>, e-mail: oxanamikhailova@gmail.com

Александра Алексеевна Бочавер, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru

Information about the authors

Oxana R. Mikhaylova, Candidate of Science (Sociology), Research Associate, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>, e-mail: oxanamikhailova@gmail.com

Alexandra A. Bochaver, Doctor of Science (Psychology), Senior Researcher, Director of the Center for Research on Modern Childhood, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru

Вклад авторов

Михайлова О.Р. — концептуализация, работа с наукометрическими базами, подготовка текста публикации.

Михайлова О.Р., Бочавер А.А. (2026)
Типологии форм просоциального поведения
и возможность их применения в контексте...
Социальная психология и общество,
17(1), 132–145.

Mikhaylova O.R., Bochaver A.A. (2026)
Typologies of prosocial behaviors and the possibility
of their application in the context...
Social Psychology and Society,
17(1), 132–145.

Бочавер А.А. — концептуализация, подготовка текста публикации.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Oxana R. Mikhaylova — conceptualization, work with scientometric databases, preparation of the text of the publication.

Alexandra A. Bochaver — conceptualization, preparation of the publication text.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 02.10.2025

Поступила после рецензирования 07.12.2025

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.10.02.

Revised 2025.12.07

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ METHODOLOGICAL TOOLS

Научная статья | Original paper

Адаптация методики диагностики развития карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность»

Н.В. Волкова¹ ✉, А.К. Бордунос², В.А. Чикер²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ nv.volkova@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья посвящена адаптации шкалы «Карьерная вовлеченность» (Career Engagement Scale) для российского контекста. Теоретической основой исследования послужила концепция соответствия личности и профессии (person-vocation fit), представляющая один из уровней соответствия личности и среды, в которой человек осуществляет свою деятельность (person-environment fit).

Цель. Адаптировать шкалу «Карьерная вовлеченность» для российской репрезентации.

Гипотеза. Проверялась гипотеза о наибольшей пригодности однофакторного подхода для шкалы «Карьерная вовлеченность» в российской репрезентации.

Методы и материалы. Методология включала эксплораторный и конфирматорный факторный анализ на двух выборках: студентах вузов и колледжей ($n = 481$) и сотрудниках организаций ($n = 1000$).

Результаты. Результаты выявили трехфакторную структуру шкалы («Планирование карьеры», «Карьерный нетворкинг», «Карьерное саморазвитие»), подтвердившуюся на обеих выборках, что согласуется с данными предварительных исследований, но отличается от предложенного авторами А. Хирши, Ф.А. Фройнд и А. Херрманн (A. Hirschi, P.A. Freund, A. Herrmann) оригинального опросника однофакторного подхода. Адаптированная шкала из 10 утверждений продемонстрировала высокую надежность и валидность, подтвержденную корреляциями с позитивным аффектом, жизнестойкостью, самооценкой и доверием.

Выводы. Методический арсенал практических психологов дополнен надежным и валидным инструментом психодиагностики. Адаптированный опросник может стать основой для разработки программ развития персонала, направленных на усиление проактивности сотрудников, и способствовать интеграции кросс-культурного и поколенческого подхода в исследования карьерных стратегий.

Ключевые слова: проактивное карьерное поведение, карьерная вовлеченность, соответствие личности и профессии, планирование карьеры, карьерный нетворкинг, карьерное саморазвитие

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24–28–00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

Дополнительные данные. Наборы данных можно запросить у автора (Н.В. Волкова).

Для цитирования: Волкова, Н.В., Бордунос, А.К., Чикер, В.А. (2026). Адаптация методики диагностики развития карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность». *Социальная психология и общество*, 17(1), 146–165. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170109>

Adaptation of the questionnaire for career development: “Career engagement scale”

N.V. Volkova¹ ✉, A.K. Bordunos², V.A. Chiker²

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ nv.volkova@hse.ru

Abstract

Context and relevance. *The article is devoted to the adaptation of the Career Engagement Scale for the Russian context. The theoretical basis of the study is the concept of person-vocation fit, which represents one of the levels of person-environment fit.*

Objective. *To adapt the Career Engagement scale for Russian representation.*

Hypothesis. *The hypothesis of the best fit of the single-factor approach for the Career Engagement scale of the Russian representation was tested.*

Methods and materials. *The methodology included exploratory and confirmatory factor analysis on two samples: university and college students (n = 481) and employees of organisations (n = 1000).*

Results. *The results revealed a three-factor scale structure (“Career planning”, “Career networking”, “Career self-development”), confirmed in both samples. The obtained scale structure is consistent with the data of preliminary studies but differs from the one-factor approach proposed by the authors of the original questionnaire (A. Hirschi, P.A. Freund, A. Herrmann). The adapted 10-item scale demonstrated high reliability and validity, supported by correlations with positive affect, resilience, self-esteem, and trust.*

Conclusions. *A reliable and valid psychodiagnostics tool has been added to the methodological arsenal of practical psychologists. The adapted questionnaire can become a basis for the design of personnel development programmes aimed at strengthening the proactivity of employees and contribute to the integration of cross-cultural and generational approaches in the research of career strategies.*

Keywords: *proactive career behavior, career engagement, person-vocation fit, career planning, career networking, career self-development*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24–28-00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

Supplemental data. Datasets can be requested from the author (N.V. Volkova).

For citation: Volkova, N.V., Bordunos, A.K., Chiker, V.A. (2026). Adaptation of the questionnaire for career development: "Career engagement scale". *Social Psychology and Society*, 17(1), 146–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170109>

Введение

В условиях динамично изменяющейся среды компании охотнее передают сотрудникам ответственность за управление собственной карьерой, поощряя различные формы проактивного поведения, особенно обращая внимание на карьерную вовлеченность (Бордунос, Кошелева, 2023). Большую важность проактивное карьерное поведение приобретает при видоизменении форматов рабочего процесса, связанных с цифровизацией и перестройкой условий труда, поскольку самостоятельность сотрудников (и профессиональная, и межличностная) при удаленной работе серьезно возрастает.

Карьерная вовлеченность как форма проявления проактивного поведения предполагает целенаправленные намерения или действия, иницилируемые индивидуумом для управления собственной карьерой, включая развитие навыков, изучение карьерных возможностей, нетворкинг, карьерное целеполагание и др. (Hirschi и др., 2014). В результате проактивного карьерного поведения для студентов упрощается выход на рынок труда (Doğanülkü, 2024), а у сотрудников увеличивается производительность (Daswati и др., 2022).

Карьерная вовлеченность чаще всего объясняется концепцией соответствия личности и профессии (person-vocation fit), представляющей один из уровней соответствия личности и среды, в которой

человек осуществляет свою деятельность (person-environment fit) (Edwards, 2008; Kristof, 1996). В рамках этой концепции, с одной стороны, учитываются особенности личности, поскольку в соответствии с теорией профессионального развития (a theory of vocational development) (Super, 1953) люди выбирают профессию, основываясь на их представлениях о себе. С другой стороны, принимается во внимание организационный контекст, так как степень, в которой профессия человека отвечает его целям, ценностям и личностным качествам, является показателем эффективности и удовлетворенности работой (Nye и др., 2012), а также приверженности карьере (Xiao и др., 2014). При этом соответствие может быть измерено как на объективном уровне анализа, например, через развитие навыков и дополнительное обучение, так и на субъективном, посредством оценки самооотношения (самооценки). Однако в зависимости от степени индивидуализма или коллективизма, характерного для конкретной культуры, а также технологического развития страны эти эффекты различны (Gloesenberg и др., 2019), что подчеркивает важность разработки психологических инструментов по оценке карьерной вовлеченности, адаптированных для определенных культурных и национальных контекстов.

Анализ публикаций о карьерной вовлеченности, которые индексируются в базе

данных Scopus ($k = 95$)¹, позволяет отметить устойчивый интерес исследователей к этой теме (рис. 1). Наиболее продуктивный автор в этом направлении А. Хирши (A. Hirschi), который был отмечен в восьми публикациях, в то время как другие исследователи представлены двумя или одной статьей. Рост количества цитирований демонстрирует повышение влияния такого рода исследований (рис. 2).

В 2014 году А. Хирши с соавторами (Hirschi и др., 2014) была предложена шкала для измерения общего уровня проявления сотрудниками проактивного карьерного поведения под названием «Карьерная вовлеченность» (Career Engagement Scale; CES). CES состоит из девяти утверждений, использует

5-балльную шкалу Лайкерта с диапазоном от 1 (категорически не согласен) до 5 (полностью согласен). Изначально опросник был составлен на немецком языке, и валидация шкалы проходила в Германии, но на данный момент CES активно применяется в различных странах (табл. 1).

Цель настоящего исследования — адаптировать шкалу «Карьерная вовлеченность» для российской репрезентации.

Вопрос операционализации понятия «проактивное карьерное поведение», с которым тесно взаимосвязана карьерная вовлеченность, все еще остается дискуссионным, поскольку для его измерения в литературе используют три подхода. *Первый подход* рассматривает различные формы проактивного поведения для развития ка-

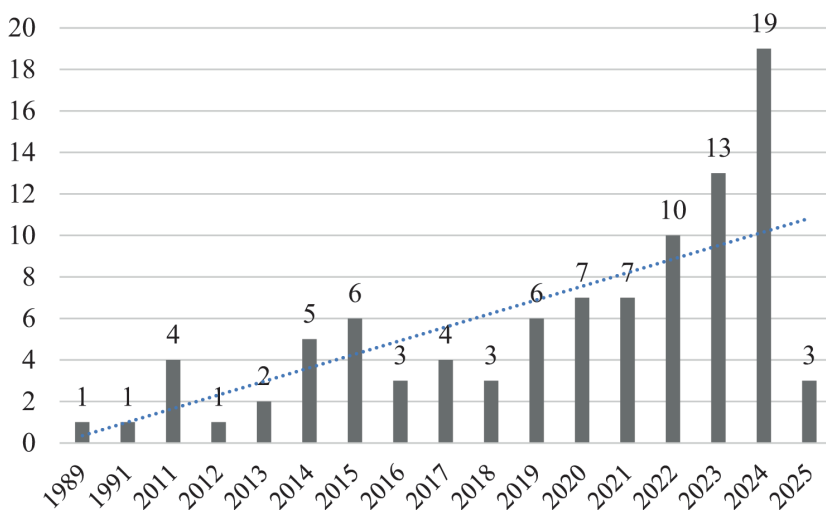

Рис. 1. Количество публикаций по годам на 22.02.2025

Fig. 1. Number of publications by year on 22.02.2025

¹ Следующий запрос к базе данных был выполнен 22.02.2025 для поиска в названии, аннотации и ключевых словах: (TITLE-ABS-KEY(«career engagement»)). В результате было получено 118 публикаций за период с 1989 по 2025 год. В анализ были включены статьи в журналах на английском языке ($k = 95$).

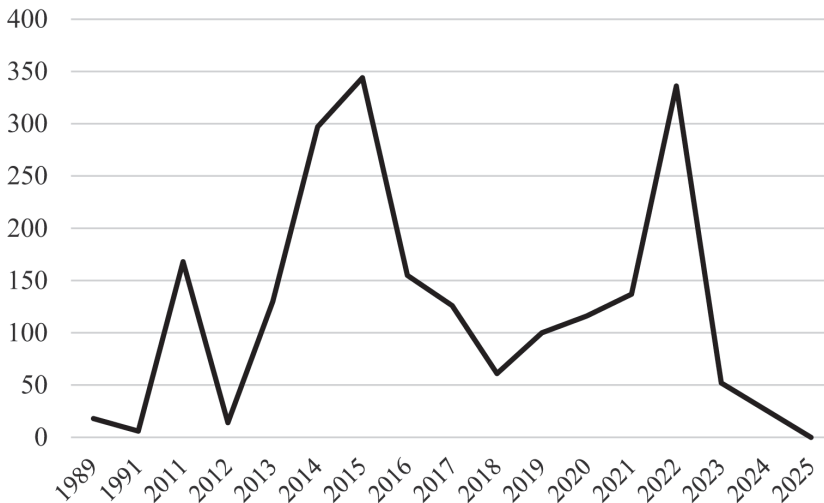

Рис. 2. Количество цитирований по годам
Fig. 2. Number of citations by year

рьеры как независимые переменные, предполагая, что сотрудники могут с разным приоритетом относиться к доступным альтернативам, выбирая одни и отказываясь от других. Например, фокус может быть сделан на создании сети внутренних и/или внешних контактов, полезных для карьеры (Wolff, Spurk, 2020). В данном случае термин «проактивное карьерное поведение» используется как зонтичное понятие для объединения возможных вариантов проактивного карьерного поведения, каждый из которых измеряется с использованием разных шкал (рис. 3А). *Второй подход* объединяет подобные проявления проактивности в рамках одной многофакторной шкалы (De Vos и др., 2009) (рис. 3Б). *Третий подход* предполагает однофакторную структуру из-за высоких корреляций между переменными (Hirschi и др., 2014) (рис. 3В).

Важно отметить, что анализ результатов адаптации CES для разных стран, который представлен в табл. 1, показы-

вает наличие всех трех описанных выше подходов. Наибольшее распространение в литературе получил первоначальный однофакторный подход (Hirschi и др., 2014), но также декларируется использование отдельных переменных (Melović и др., 2022) или многофакторного подхода (Daswati и др., 2022). В соответствии с теоретическим и эмпирическим анализом феномена в нашем исследовании мы принимаем следующее название шкалы — «Карьерная вовлеченность» (КВ).

Предварительный анализ последних литературных источников позволил нам сформулировать гипотезу и задачи исследования. Нами проверяется гипотеза о наибольшей пригодности однофакторного подхода для шкалы «Карьерная вовлеченность» российской репрезентации.

Сформулированы следующие задачи:

— провести научный обзор результатов эмпирической проверки шкалы КВ, проведенной в других странах;

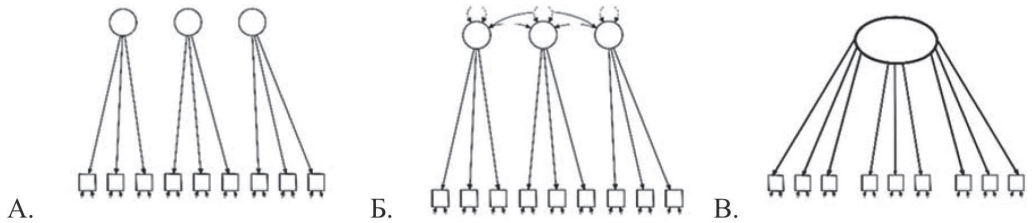

Рис. 3. Варианты операционализации понятия: А. независимые переменные, Б. многофакторный подход, В. однофакторный подход
Fig. 3. Options for operationalising the concept: A. independent variables, Б. multifactor approach, В. single-factor approach

- описать процесс адаптации и валидации шкалы КВ на российской выборке;
- провести проверку ее надежности на репрезентативной отечественной выборке;
- рассмотреть диагностические возможности шкалы с целью комплексного

изучения феномена карьерной вовлеченности и проактивного карьерного поведения.

Материалы и методы

Исследование состояло из трех этапов. В апреле 2024 года была проведена

Таблица 1 / Table 1

Эмпирическая проверка шкалы «Карьерная вовлеченность»² Empirical validation of the Career Engagement scale

Источник / Source	Контекст исследования / Context of the study	Выводы / Conclusions
Hirschi, A., Freund, P.A., Herrmann, A. (2014)	Германия, студенты ($n = 2854$), выпускники без стажа ($n = 141$) и со стажем — сотрудники компаний ($n = 561$). Один фактор, 9 пунктов.	Карьерная вовлеченность положительно связана с профессиональной идентичностью и самооффективностью среди студентов, а также с удовлетворенностью работой и карьерой среди сотрудников. Вовлеченность в карьеру во время обучения предсказывает субъективное ощущение карьерного успеха в процессе перехода к профессиональной деятельности.

² Следующий запрос к базе данных Scopus был выполнен 22.02.2025 для поиска в названии, аннотации и ключевых словах: (TITLE-ABS-KEY(«career engagement») AND TITLE-ABS-KEY(«career engagement scale»)). В результате было получено 10 публикаций за период с 2014 по 2024 год. В анализ были включены статьи в журналах на английском языке ($k = 8$). / The following Scopus database query was performed on 22.02.2025 to search the title, abstract and keywords: (TITLE-ABS-KEY('career engagement') AND TITLE-ABS-KEY('career engagement scale')). This resulted in 10 publications from 2014 to 2024. Only journal articles in English language journals were included in the analysis ($k = 8$).

Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. (2026)
 Адаптация методики диагностики развития
 карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность»
 Социальная психология и общество,
 17(1), 146–165.

Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A. (2026)
 Adaptation of the questionnaire for career
 development: "Career engagement scale"
 Social Psychology and Society,
 17(1), 146–165.

Источник / Source	Контекст исследования / Context of the study	Выводы / Conclusions
Nilforooshan, P., Salimi, S. (2016)	Иран, студенты ($N = 201$). Один фактор, 9 пунктов.	Установлена положительная связь между таким предиктором карьерной вовлеченности, как активность личности, и отрицательная — с нейротизмом, которые опосредованы карьерной адаптивностью: в первом случае медиация частичная, во втором полная.
Daswati, D., Wirawan, H., Hattab, S., Salam, R., Iskandar, A.S. (2022)	Индонезия, сотрудники компаний ($N = 265$). Три фактора шкалы КВ: 1) планирование карьеры, 2) исследование карьерных возможностей, 3) саморазвитие в карьере.	Карьерная вовлеченность является медиатором в отношениях между психологическим капиталом и производительностью персонала в государственных организациях.
Melović, B., Šekularac-Ivošević, S., Muslu, A., Bäcković, T., Dabić, M. (2022)	Черногория и Турция, студенты ($N = 308$). Шкала КВ была разделена на две отдельные переменные: отношение к планированию карьеры (5 пунктов) и проактивное поведение (4 пункта).	Отношение к планированию карьеры является предиктором проактивного поведения. На отношение к планированию карьеры влияют страна и год обучения.
Doğanülkü, H.A., Korkmaz, O. (2023)	Турция, студенты ($N = 457$). Один фактор, 9 пунктов.	Проактивность личности является предиктором карьерной вовлеченности. В качестве медиатора выступает самооффективность.
Ozdemir, N.K., Buyukcolpan, H. (2024)	Турция, студенты ($N = 460$). Один фактор, 9 пунктов.	Предикторы карьерной вовлеченности: навыки социально-эмоционального обучения, самооффективность принятия карьерных решений, ожидание карьерных результатов.
Doğanülkü, H.A. (2024)	Турция, студенты ($N = 519$). Один фактор, 9 пунктов.	Положительная связь между целями в жизни и карьерной вовлеченностью модулирует нетерпимость к неопределенности, медиатором выступает видение будущего.
Yam, F.C., Korkmaz, O. (2024)	Турция, студенты ($N = 528$). Один фактор, 9 пунктов.	Установлена связь между карьерной вовлеченностью с психологическим благополучием и ожиданиями профессиональных результатов, а также обратная связь с карьерным разочарованием. Карьерная вовлеченность выступает в роли модератора, снижая негативное воздействие карьерного разочарования на психологическое благополучие.

процедура перевода и адаптации шкалы, а также выполнен пилотный сбор данных для уточнения понимания включенных в нее утверждений. На втором этапе в период с мая по июнь 2024 года опросник был апробирован с участием студентов, получающих среднее профессиональное образование или обучающихся в высших учебных заведениях. На третьем этапе данные были собраны с сентября по октябрь 2024 года при помощи специализированной организации с выплатой вознаграждения участникам.

Этап 1. Процедура перевода шкалы

Адаптация шкалы «Карьерная вовлеченность» к русскоязычной аудитории осуществлялась методом прямого и обратного перевода (Brislin, 1970). Три эксперта в области менеджмента и психологии независимо друг от друга выполнили прямой перевод утверждений опросника на русский язык. Затем в ходе экспертной оценки определили наиболее подходящую версию вопросов, которые были переведены независимым экспертом-билингвом на английский язык. Результаты обратного перевода были сопоставимы по значению с оригинальными утверждениями. В ходе экспертной оценки было решено расширить количество вопросов относительно накопления социального капитала для профессионального саморазвития, поскольку мобилизация социальных связей зачастую играет решающую роль при трудоустройстве.

Опросник проходил пилотную апробацию при участии 10 носителей русского языка, которые обучались по программам менеджмента в магистратуре и бакалавриате. После получения обратной связи от участников пилотного исследования в

шкалу внесли вопрос о профессиональном саморазвитии — «В какой степени за последние 6 месяцев Вы развивали знания и навыки в выполнении задач, имеющих решающее значение для Вашей будущей трудовой жизни?», поскольку утверждение «В какой степени за последние 6 месяцев Вы добровольно принимали участие в дополнительном образовании, тренинге или других мероприятиях, важных для карьеры?» у некоторых респондентов требовало уточнения. Таким образом, финальная версия шкалы для исследований состояла из 12 вопросов.

Этап 2. Исследование 1

Преыдушие исследования показали, что методика CES активно используется за рубежом для студентов (Do an lk, Korkmaz, 2023; Nilforooshan, Salimi, 2016), особенно в период таких важных жизненных ситуаций, как выход на рынок труда (Doğanülkü, 2024; Ozdemir, Buyukcolpan, 2024). В нашем анонимном онлайн-опросе приняли участие 481 обучающийся средне-профессиональных учебных заведений (44,7%) и университетов (55,3%) г. Санкт-Петербурга. Средний возраст респондентов — 18,5 ($SD = 1,41$) лет. В выборке преобладали женщины, доля которых составила 61,3% (295 человек), а количество мужчин — 38,7% (186 человек). Перед заполнением опросника респондентам была дана инструкция, представленная в Приложении.

Этап 3. Исследование 2

Вторым направлением исследований карьерной вовлеченности стали сотрудники всех возрастов (Arguani и др., 2021). Был проведен анонимный онлайн-опрос, в котором приняли уча-

стие 1000 трудоспособных респондентов, проживающих в городах-миллионниках. Выборка была сформирована по квотам на основе статистики о численности населения России в 2023 году для обеспечения пропорционального количества четырех когорт работающих поколений (беби-бумеры (1944–1963), поколение X (1964–1983), миллениалы (1984–1999), цифровое поколение, рожденное после 2000 года). Средний возраст респондентов составил 41,9 год ($SD = 11,6$) и варьировался от 17 до 88 лет. В этой выборке 48,9% – женщины и 51,1% – мужчины. Инструкция перед заполнением опросника была аналогичной первому исследованию.

Социально-демографические характеристики выборок представлены в табл. 2.

Инструменты

Оригинальная версия шкалы «Карьерная вовлеченность» включала 9 утверждений, ориентированных на оценку проактивного поведения человека в развитии карьеры (Hirschi и др., 2014). В ходе адаптации и апробации опросника в оригинальную версию нами были добавлены три утверждения относительно накопления социального капитала и профессионального саморазвития.

Для проверки конвергентной валидности шкалы в исследования были включены следующие опросники, показатели внутренней согласованности которых и количество утверждений представлены в табл. 3.

1. Шкала самооценки Розенберга использовалась для измерения чувства

Таблица 2 / Table 2

Социально-демографические характеристики респондентов Socio-demographic characteristics of respondents

Характеристики / Variables	Исследование 1 / Study 1 (n = 481)	Исследование 2 / Study 2 (n = 1000)	Итого / Total (N = 1481)
Средний возраст / Mean age (<i>SD</i>)	18,5 (1,41)	41,9 (11,6)	34,3 (14,5)
Пол / Gender			
Женский / Women	295 (61,3%)	489 (48,9%)	784 (52,9%)
Мужской / Men	186 (38,7%)	511 (51,1%)	697 (47,1%)
Образование / Education			
Бакалавриат / Bachelor's degree	248 (51,6%)	232 (23,2%)	480 (32,4%)
Магистратура / Master's degree	14 (2,9%)	139 (13,9%)	153 (10,3%)
Специалитет / Specialist degree	4 (0,8%)	354 (35,4%)	358 (24,2%)
СПО / Secondary vocational education	215 (44,7%)	226 (22,6%)	441 (29,8%)
Неполное высшее / Incomplete higher education	0 (0%)	15 (1,5%)	15 (1,0%)
Неполное среднее / Incomplete secondary education	0 (0%)	12 (1,2%)	12 (0,8%)
Ученая степень / Academic degree	0 (0%)	22 (2,2%)	22 (1,5%)

собственной значимости и самоуважения человека (Rosenberg, 1965). В исследование было включено пять пунктов с положительной формулировкой, адаптированных А.А. Золотаревой (2020) для населения России.

2. *Краткая шкала жизнестойкости* использовалась для измерения индивидуальной способности восстанавливаться после различных жизненных трудностей или стрессовых ситуаций (Smith и др., 2008). Утверждения были взяты из предыдущих научных работ, проведенных на русском языке (Ojo, Volkova, 2023).

3. *Шкала «Позитивного аффекта и негативного аффекта» (ШПАНА)*, разработанная Уотсоном с соавторами (Watson и др., 1988) и адаптированная для российского общества Е.Н. Осиным (2012), использовалась для оценки уровня аффективных состояний участников за последние две-три недели. В исследование включили субшкалу позитивных эмоций из 10 утверждений, связанных с социальной вовлеченностью, общей

удовлетворенностью и возникновением приятных переживаний.

4. *Шкала доверия* из методики «Компоненты социального капитала организации» (Почебут и др., 2022) использовалась для оценки уровня доверительных отношений в организации и команде.

Выбор шкал обусловлен результатами исследований, подтвердивших наличие положительной связи между вовлеченностью в проактивное управление карьерой и психологическим благополучием (Yam, Korkmaz, 2024), позитивным аффектом (Hirschi и др., 2013; Hirschi, Freund, 2014), жизнестойкостью (Jiang и др., 2021), самоотношением (Archer, Yates, 2017; Coetzee, Schreuder, 2018) и социальным капиталом (Sou и др., 2022). Поскольку социальный капитал как качество социальных связей включает в себя различные компоненты (например, доверие, приверженность, репутация организации) (Почебут и др., 2022), в этом исследовании мы сосредоточились на доверии как основе установления и поддержания взаимоотношений (Волкова, 2023).

Таблица 3 / Table 3

Внутренняя согласованность опросников
Internal consistency of the questionnaires

Опросники / Questionnaires	Количество утверждений / Number of items	Исследование 1 / Study 1 (n = 481)			Исследование 2 / Study 2 (n = 1000)		
		α	CR	AVE	α	CR	AVE
Самооценка / Self-esteem	5	0,93	0,93	0,74	0,86	0,86	0,57
Жизнестойкость / Resilience	3	0,76	0,77	0,53	0,86	0,86	0,68
Позитивный аффект / Positive affect	10	0,93	0,93	0,56	0,93	0,93	0,56
Доверие / Trust	4	0,87	0,87	0,63	0,85	0,86	0,6

Примечание: α — коэффициент Кронбаха, AVE — среднее значение извлеченной дисперсии, CR — композитная надежность.

Note: α — Cronbach's Alpha, AVE — average variance extracted, CR — composite reliability.

Статистический анализ данных проводился с помощью соответствующих библиотек языка программирования R.

Результаты

Все анкеты были проверены на корректность заполнения. Нормальность распределения оценивалась на основании значений асимметрии, которые по модулю не превышают 2, и эксцесса, значения которого не выше 3.

Факторная структура

Предварительный анализ факторной структуры опросника был выполнен на всей выборке ($N = 1481$) посредством эксплораторного факторного анализа (ЭФА) методом максимального правдоподобия с промакс (promax)-вращением в пакете psych языка программирования R. Было выделено три фактора, однако один вопрос имел факторную нагрузку менее 0,4 («<...> собирали информацию о работодателях, возможностях профессионального развития или рынке труда в желаемой области»). Другой вопрос («<...> искренне думали о личных ценностях, интересах, способностях и областях развития») был зафиксирован с факторными нагрузками 0,45 и 0,39 в двух выделенных факторах. Соответственно, было принято решение удалить эти утверждения из последующего анализа. В результате осталось десять вопросов, которые распределились между тремя факторами с объяснительной долей дисперсии 67% (критерий выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина — $KMO = 0,93$, критерий сферичности Бартлетта составил 12560,49 при $df = 45$, $p < 0,001$).

Трехфакторная структура опросника, выделенная в результате ЭФА, была

проанализирована посредством конфирматорного факторного анализа (КФА) в пакете lavaan языка программирования R. Полученная модель показала приемлемое соответствие данным ($\chi^2(28) = 82,2$; $CFI = 0,996$; $RMSE = 0,036$ (90% CI от 0,027 до 0,045), $SRMR = 0,012$) (Cheung и др., 2024). Дополнительно были получены аналогичные модели для исследования 1 ($\chi^2(28) = 61,6$; $CFI = 0,996$; $RMSEA = 0,05$ (90% CI от 0,033 до 0,067), $SRMR = 0,025$) и исследования 2 ($\chi^2(28) = 89,8$; $CFI = 0,993$; $RMSEA = 0,047$ (90% CI от 0,036 до 0,058), $SRMR = 0,014$), которые также продемонстрировали соответствие допустимым показателям. Стандартизированные факторные нагрузки утверждений субшкал представлены в табл. 4.

На следующем шаге для общей выборки были рассчитаны корреляции и показатели внутренней согласованности субшкал опросника (табл. 5). Для обеспечения конвергентной валидности элементы должны иметь статистически значимую стандартизованную факторную нагрузку 0,5 или выше, а латентный конструкт должен обеспечивать не менее 50% дисперсии связанных с ним показателей, то есть среднее значение извлеченной дисперсии (AVE) для каждого конструкта должно составлять не менее 0,5 (Cheung и др., 2024). Для оценки дискриминантной валидности использовался критерий Форнелла и Ларкера (Fornell, Larcker, 1981), в котором AVE, извлеченные для конструктов, должны превышать общую дисперсию или квадратичную корреляцию между ними. Все вышеупомянутые критерии надежности, конвергентной и дискриминантной валидности были выполнены для наших исследовательских переменных.

Таблица 4 / Table 4

Стандартизированные факторные нагрузки утверждений опросника
Standardised factor loadings of the questionnaire items

Факторы / Factors	Утверждения / Items	Общая выборка / Total sample (N = 1481)	Исследование 1 / Study 1 (n = 481)	Исследование 2 / Study 2 (n = 1000)
Планирование карьеры / Career planning	1	0,809	0,800	0,819
	2	0,919	0,914	0,922
	3	0,912	0,886	0,924
	4	0,864	0,820	0,883
Карьерный нетворкинг / Career networking	5	0,899	0,889	0,906
	6	0,871	0,856	0,876
	7	0,829	0,861	0,816
Карьерное саморазвитие / Career self-development	8	0,872	0,837	0,889
	9	0,868	0,825	0,885
	10	0,733	0,654	0,769

Примечание: номера утверждений соответствуют содержанию, представленному в Приложении.

Note: the item numbers correspond to the content provided in Annex.

Таблица 5 / Table 5

Описательные статистики и корреляции между факторами (N = 1481)
Descriptive statistics and correlations between factors (N = 1481)

Факторы / Factors	Средние значения / Means	SD	AVE	1	2	3
1. Планирование карьеры / Career planning	3,447	1,026	0,770	(0,930)		
2. Карьерный нетворкинг / Career networking	3,261	1,280	0,752	0,778***	(0,901)	
3. Карьерное саморазвитие / Career self-development	3,441	1,079	0,684	0,811***	0,821***	(0,866)

Примечания: AVE — среднее значение извлеченной дисперсии; *** — $p < 0,001$. По диагонали представлен коэффициент Альфа-Кронбаха.

Note: AVE — average variance extracted; *** — $p < 0,001$. The Cronbach's alpha coefficient is presented along the diagonal.

Валидность опросника

Помимо изучения факторной структуры и показателей AVE конвергентная валидность опросника оценивалась на основании корреляций с конструктами, которые показали значимую взаимосвязь с карьерной вовлеченностью в предыдущих исследованиях.

В табл. 6 представлены зеркальные матрицы корреляций двух исследований. Важно отметить, что как у студентов (исследование 1), так и сотрудников разных возрастов из исследования 2 корреляции с выделенными компонентами карьерной вовлеченности (планирование карьеры, карьерный нетворкинг и карьерное саморазвитие) и самооценкой, жизнестойкостью, доверием и позитивным аффектом положительные и значимые. Соответственно, данные корреляционного анализа для двух иссле-

дований подтверждают конвергентную валидность опросника.

В практическом плане полученные результаты демонстрируют, что взаимосвязь самооценки и компонентов карьерной вовлеченности у студентов выше ($r = 0,37-0,48, p < 0,001$) по сравнению со смешанной выборкой ($r = 0,23-0,27, p < 0,001$), что подчеркивает важность вовлечения молодежи в различные виды проактивного карьерного поведения.

Обсуждение результатов

Факторная структура

В результате ЭФА было выделено три фактора, которые посредством КФА показали хорошее соответствие данным как на всей выборке, так и для двух исследований в отдельности. Эти результаты соотносятся с данными, полученными при исследовании сотрудников компаний

Таблица 6 / Table 6

Результаты корреляционного анализа
 Results of correlation analysis

Шкалы / Scales	1	2	3	4	5	6	7
1. Планирование карьеры / Career planning		0,66***	0,74***	0,53***	0,48***	0,31***	0,28***
2. Карьерный нетворкинг / Career networking	0,75***		0,72***	0,48***	0,37***	0,27***	0,3***
3. Карьерное саморазвитие / Career self-development	0,75***	0,75***		0,55***	0,47***	0,33***	0,32***
4. Позитивный аффект / Positive affect	0,4***	0,37***	0,37***		0,6***	0,46***	0,46***
5. Самооценка / Self-esteem	0,27***	0,23***	0,25***	0,41***		0,38***	0,38***
6. Доверие / Trust	0,27***	0,23***	0,31***	0,33***	0,27***		0,36***
7. Жизнестойкость / Resilience	0,25***	0,26***	0,25***	0,36***	0,33***	0,22***	

Примечание: Коэффициенты корреляции исследования 1 ($n = 481$) размещены над диагональю, а исследования 2 ($n = 1000$) — под диагональю; *** — $p < 0,001$.

Note: The correlation coefficients of study 1 ($n = 481$) are placed above the diagonal and study 2 ($n = 1000$) are placed below the diagonal; *** — $p < 0,001$.

в Индонезии с использованием шкалы «Карьерная вовлеченность» (Daswati и др., 2022). Таким образом, подтвердилась наибольшая пригодность модели, представленной на рис. 3Б, что позволяет отклонить гипотезу об однофакторном подходе для адаптированной шкалы.

В первый фактор вошли четыре утверждения, характеризующие намерения и действия человека по развитию собственной карьеры, другими словами, они отражают планирование собственной карьеры, и фактор может быть обозначен как «Планирование карьеры». Второй фактор содержит три утверждения, которые помогают оценить уровень накопления социальных контактов для расширения карьерных возможностей, мы назвали его «Карьерный нетворкинг». В последнюю группу вошли три вопроса по оценке профессионального саморазвития навыков и компетенций, соответственно, название фактора — «Карьерное саморазвитие». Таким образом, валидированный нами опросник на основе шкалы «Карьерная вовлеченность» (Hirschi и др., 2014) содержит 10 утверждений, которые представляют три субшкалы, необходимые для оценки такого проактивного карьерного поведения, как планирование карьеры, накопление социальных связей, полезные для карьеры, в совокупности с совершенствованием навыков и компетенций. Полный текст утверждений и инструкция по заполнению представлены в Приложении.

Валидность

В ходе обзора литературы было установлено, что методика «Карьерная вовлеченность» имеет высокую положительную взаимосвязь с субъективным благополучием, которое в предыду-

щих исследованиях было измерено посредством уровня позитивных эмоций (Hirschi и др., 2013; Hirschi, Freund, 2014), и жизнестойкостью (Jiang и др., 2021). Соответственно, было выдвинуто теоретическое предположение об аналогичной взаимосвязи между полученными тремя субшкалами, позитивным аффектом и жизнестойкостью. Кроме того, карьерная вовлеченность связана с социальным капиталом (Sou и др., 2022), который в нашем исследовании измерялся посредством оценки уровня доверия к организации и команде (Почебут и др., 2022). В анализ была включена самооценка, поскольку эта психологическая установка имеет связь с проактивным управлением собственной карьерой (Coetzee, Schreuder, 2018). Коэффициенты корреляции показали значимые положительные значения как на двух исследованиях в отдельности, так и на всей выборке, что подтверждает валидность опросника. Таким образом, опираясь на анализ психометрических свойств, можно сделать вывод, что представленный нами опросник пригоден для русскоязычной выборки как с точки зрения формальных психометрических характеристик, так и с точки зрения его психологической направленности и содержания.

Заключение

1. *Психометрическая адаптация.* Адаптированная версия шкалы «Карьерная вовлеченность» для русскоязычной выборки подтвердила свою надежность и валидность. Трехфакторная структура («Планирование карьеры», «Карьерный нетворкинг», «Карьерное саморазвитие») демонстрирует лучшее соответствие данным по сравнению с

исходной однофакторной моделью, что подчеркивает необходимость учета культурной специфики при операционализации проактивного карьерного поведения.

2. *Теоретическая значимость.* Результаты ставят под сомнение универсальность однофакторного подхода к измерению карьерной вовлеченности. Выявленная структура согласуется с концепцией соответствия личности и профессии, акцентируя взаимосвязь индивидуальных действий (планирование, нетворкинг, саморазвитие) и организационного контекста. Это расширяет понимание проактивности как многокомпонентного феномена, зависящего от культурных норм и технологической среды.

3. *Практическая значимость.* Шкала позволяет дифференцированно оценивать компоненты проактивного поведения, что полезно для HR-менеджеров и карьерных консультантов. Например, низкие показатели по субшкале «Карьерный нетворкинг» могут указывать на необходимость развития коммуникативных программ, а по субшкале «Карьерное планирование» — на проведение индивидуальных встреч для постановки целей.

4. Адаптированный опросник может стать основой для разработки программ

развития персонала, направленных на усиление проактивности сотрудников, и способствовать интеграции кросс-культурного и поколенческого подхода в исследования карьерных стратегий. Соответственно, методический арсенал практических психологов дополнен еще одним надежным и валидным инструментом психодиагностики.

Ограничения. Исследование ограничено выборкой из двух групп (обучающиеся и сотрудники) из крупных городов России. В будущем целесообразно проверить шкалу на других выборках, включая менее населенные локации. Также важно изучить долгосрочные эффекты проактивного поведения на карьерный успех в российском контексте, учитывая динамику рынка труда.

Limitations. The study is limited to a sample of two groups (students and employees) from major Russian cities. In the future, it is advisable to test the scale on other samples, including less populated locations. It is also important to study the long-term effects of proactive behavior on career success in the Russian context, taking into account the dynamics of the labor market.

Список источников / References

1. Бордунос, А.К., Кошелева, С.В. (2023). Проактивное карьерное поведение в менеджменте: Систематический обзор литературы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*, 22(4), 447–475. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2023.401>
2. Bordunos, A.A., Kosheleva, S.V. (2023). Proactive career behavior in management: A systematic literature review. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 22(4), 447–475. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2023.401>
3. Волкова, Н.В. (2023). Модель изучения организационного социального капитала поколений. *Организационная психология*, 13(3), 201–226. <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-3-201-226>

Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. (2026)
Адаптация методики диагностики развития
карьеры: шкала «Карьерная вовлеченность»
Социальная психология и общество,
17(1), 146–165.

Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A. (2026)
Adaptation of the questionnaire for career
development: "Career engagement scale"
Social Psychology and Society,
17(1), 146–165.

- Volkova, N.V. (2023). The framework for studying organizational social capital of generations. *Organizational Psychology*, 13(3), 201–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2023-13-3-201-226>
3. Золотарева, А.А. (2020). Валидность и надежность русскоязычной версии шкалы самооценки М. Розенберга. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 2, 52–57. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>
Zolotareva, A.A. (2020). Validity and Reliability of the Russian Version of the Rosenberg Self-Esteem Scale. *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, 2, 52–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.2.52-57>
 4. Осин, Е.Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: Разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.
Osin, E.N. (2012). Measuring Positive and Negative Affect: Development of a Russian-language Analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 9(4), 91–110. (In Russ.).
 5. Почебут, Л.Г., Чикер, В.А., Кузнецова, И.В., Гуриева, С.Д., Безносков, Д.С., Волкова, Н.В., Яничева, Т.Г. (2022). Психологическая диагностика социального капитала организации. *Социальная психология и общество*, 13(3), 62–79. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130305>
Pochebut, L.G., Chiker, V.A., Kuznetsova, I.V., Gurieva, S.D., Beznosov, D.S., Volkova, N.V., Yanicheva, T.G. (2022). Psychological Diagnostics of Organizational Social Capital. *Social Psychology and Society*, 13(3), 62–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130305>
 6. Archer, S., Yates, J. (2017). Understanding potential career changers' experience of career confidence following a positive psychology based coaching programme. *Coaching: An International Journal of Theory, Research and Practice*, 10(2), 157–175. <https://doi.org/10.1080/17521882.2017.1292535>
 7. Aryani, F., Wirawan, H., Saman, A., Samad, S., Jufri, M. (2021). From high school to workplace: Investigating the effects of soft skills on career engagement through the role of psychological capital in different age groups. *Education and Training*, 63(9), 1326–1345. <https://doi.org/10.1108/ET-03-2021-0087>
 8. Brislin, R.W. (1970). Back-Translation for Cross-Cultural Research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1(3), 185–216. <https://doi.org/10.1177/135910457000100301>
 9. Cheung, G.W., Cooper-Thomas, H.D., Lau, R.S., Wang, L.C. (2024). Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations. *Asia Pacific Journal of Management*, 41(2), 745–783. <https://doi.org/10.1007/s10490-023-09871-y>
 10. Coetzee, M., Schreuder, D. (2018). Proactive career self-management: Exploring links among psychosocial career attributes and adaptability resources. *South African Journal of Psychology*, 48(2), 206–218. <https://doi.org/10.1177/0081246317719646>
 11. Daswati, D., Wirawan, H., Hattab, S., Salam, R., Iskandar, A.S. (2022). The effect of psychological capital on performance through the role of career engagement: Evidence from Indonesian public organizations. *Cogent Social Sciences*, 8(1), 2012971. <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.2012971>
 12. De Vos, A., De Clippeleer, I., Dewilde, T. (2009). Proactive career behaviours and career success during the early career. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 82(4), 761–777. <https://doi.org/10.1348/096317909X471013>

13. Doğanülkü, H.A. (2024). Life goals and proactive career behaviors: The mediating role of visions about the future and the moderating role of intolerance of uncertainty. *Current Psychology*, 43(1), 72–84. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03236-2>
14. Doğanülkü, H.A., Korkmaz, O. (2023). The role of proactive personality and general self-efficacy in proactive career behavior: A mediation model. *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. <https://doi.org/10.1007/s10775-023-09597-9>
15. Edwards, J.R. (2008). Person–Environment Fit in Organizations: An Assessment of Theoretical Progress. *Academy of Management Annals*, 2(1), 167–230. <https://doi.org/10.5465/19416520802211503>
16. Fornell, C., Larcker, D.F. (1981). Evaluating Structural Equation Models with Unobservable Variables and Measurement Error. *Journal of Marketing Research*, 18(1), 39. <https://doi.org/10.2307/3151312>
17. Glosenber, A., Tracey, T.J.G., Behrend, T.S., Blustein, D.L., Foster, L.L. (2019). Person-vocation fit across the world of work: Evaluating the generalizability of the circular model of vocational interests and social cognitive career theory across 74 countries. *Journal of Vocational Behavior*, 112, 92–108. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2019.01.002>
18. Hirschi, A., Freund, P.A. (2014). Career Engagement: Investigating Intraindividual Predictors of Weekly Fluctuations in Proactive Career Behaviors. *The Career Development Quarterly*, 62(1), 5–20. <https://doi.org/10.1002/j.2161-0045.2014.00066.x>
19. Hirschi, A., Freund, P.A., Herrmann, A. (2014). The Career Engagement Scale: Development and Validation of a Measure of Proactive Career Behaviors. *Journal of Career Assessment*, 22(4), 575–594. <https://doi.org/10.1177/1069072713514813>
20. Hirschi, A., Lee, B., Porfeli, E.J., Vondracek, F.W. (2013). Proactive motivation and engagement in career behaviors: Investigating direct, mediated, and moderated effects. *Journal of Vocational Behavior*, 83(1), 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.02.003>
21. Jiang, Z., Jiang, Y., Nielsen, I. (2021). Thriving and career outcomes: The roles of achievement orientation and resilience. *Human Resource Management Journal*, 31(1), 143–164. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12287>
22. Kristof, A.L. (1996). Person-organization fit: An integrative review of its conceptualizations, measurement, and implications. *Personnel Psychology*, 49(1), 1–49. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.1996.tb01790.x>
23. Melović, B., Šekularac-Ivošević, S., Muslu, A., Backović, T., Dabić, M. (2022). Proactive Career Planning in the Maritime Industry: Enhancing Millennials' Workplace Enthusiasm in Montenegro and Turkey. *Naše more*, 69(1), 40–52. <https://doi.org/10.17818/NM/2022/1.6>
24. Nilforooshan, P., Salimi, S. (2016). Career adaptability as a mediator between personality and career engagement. *Journal of Vocational Behavior*, 94, 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2016.02.010>
25. Nye, C.D., Su, R., Rounds, J., Drasgow, F. (2012). Vocational Interests and Performance: A Quantitative Summary of Over 60 Years of Research. *Perspectives on Psychological Science*, 7(4), 384–403. <https://doi.org/10.1177/1745691612449021>
26. Ojo, K.S., Volkova, N.V. (2023). Modelling Innovation competence profiles: The empowering roles of self-monitoring and resilience. *BMC Psychology*, 11(1), 293. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01340-x>
27. Ozdemir, N.K., Buyukcolpan, H. (2024). Testing a social cognitive model of career self management with Turkish undergraduate students. *The Career Development Quarterly*, 72(3), 203–214. <https://doi.org/10.1002/cdq.12352>

28. Rosenberg, M. (1965). *Society and the Adolescent Self-Image*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400876136>
29. Smith, B.W., Dalen, J., Wiggins, K., Tooley, E., Christopher, P., Bernard, J. (2008). The brief resilience scale: Assessing the ability to bounce back. *International Journal of Behavioral Medicine*, 15(3), 194–200. <https://doi.org/10.1080/10705500802222972>
30. Sou, E.K.L., Yuen, M., Chen, G. (2022). Career adaptability as a mediator between social capital and career engagement. *The Career Development Quarterly*, 70(1), 2–15. <https://doi.org/10.1002/cdq.12289>
31. Super, D.E. (1953). A theory of vocational development. *American Psychologist*, 8(5), 185–190. <https://doi.org/10.1037/h0056046>
32. Watson, D., Clark, L.A., Tellegen, A. (1988). Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(6), 1063–1070. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.6.1063>
33. Wolff, H.-G., Spurk, D. (2020). Developing and Validating a Short Networking Behavior Scale (SNBS) From Wolff and Moser's (2006) Measure. *Journal of Career Assessment*, 28(2), 277–302. <https://doi.org/10.1177/1069072719844924>
34. Xiao, W., Zhou, L., Wu, Q., Zhang, Y., Miao, D., Zhang, J., Peng, J. (2014). Effects of person-vocation fit and core self-evaluation on career commitment of medical university students: The mediator roles of anxiety and career satisfaction. *International Journal of Mental Health Systems*, 8(1), 8. <https://doi.org/10.1186/1752-4458-8-8>
35. Yam, F.C., Korkmaz, O. (2024). Linking career decision regret to psychological well-being: Serial mediation of vocational outcome expectations and proactive career behaviors. *Current Psychology*, 43(41), 32274–32287. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06656-4>

Приложение / Appendix

Шкала «Карьерная вовлеченность» Career Engagement Scale

Уважаемый участник исследования!

Дайте, пожалуйста, оценку того, в какой степени за последние 6 месяцев Вы были вовлечены в профессиональное развитие, используя следующую шкалу:

1 – почти ни в какой; 2 – в очень малой степени; 3 – в некоторой степени; 4 – в достаточной степени; 5 – в значительной степени.

Инструкция: В какой степени за последние 6 месяцев Вы ...

№	Утверждения	1	2	3	4	5
1.	Намеревались спроектировать свое профессиональное будущее					
2.	Предпринимали шаги для достижения карьерных целей					
3.	Заботились о развитии Вашей карьеры					
4.	Разработали планы и цели для будущей карьеры					
5.	Знакомились с людьми, которые могут повлиять на Вашу карьеру					
6.	Устанавливали связи с людьми в тех областях, где Вы хотели бы работать					
7.	Устанавливали или поддерживали контакты с людьми, которые могут помочь Вам в профессии					

№	Утверждения	1	2	3	4	5
8.	Развивали знания и навыки в выполнении задач, имеющих решающее значение для Вашей будущей трудовой жизни					
9.	Получали опыт в различных областях, чтобы усилить Ваши знания и навыки					
10.	Добровольно принимали участие в дополнительном образовании, тренинге или других мероприятиях, важных для карьеры					

Благодарим за участие в исследовании!

Обработка и интерпретация результатов.

Опросник состоит из трех субшкал, по каждой из которых необходимо рассчитать средние значения.

Субшкала	Номер утверждения	Интервалы средних значений		
		Ниже среднего	Среднее	Выше среднего
Планирование карьеры	1 – 4	1 – 2,3	2,4 – 3,6	3,7 и выше
Карьерный нетворкинг	5 – 7			
Карьерное саморазвитие	8 – 10			

Информация об авторах

Наталья Владимировна Волкова, кандидат психологических наук, доцент департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Александра Константиновна Бордунос, ассистент кафедры организационного поведения и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Вера Александровна Чикер, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Information about the authors

Natalia V. Volkova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Management, HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>, e-mail: nv.volkova@hse.ru

Aleksandra K. Bordunos, Lecturer of the Department of Organizational Behavior and Personnel Management, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>, e-mail: a.bordunos@gsom.spbu.ru

Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. (2026)
Адаптация методики диагностики развития
карьер: шкала «Карьерная вовлеченность»
Социальная психология и общество,
17(1), 146–165.

Volkova N.V., Bordunos A.K., Chiker V.A. (2026)
Adaptation of the questionnaire for career
development: “Career engagement scale”
Social Psychology and Society,
17(1), 146–165.

Vera A. Chiker, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7444-6898>, e-mail: vhiker@yandex.ru

Вклад авторов

Волкова Н.В. — сбор и анализ данных; применение статистических и математических методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Бордунос А.К. — аннотирование, обзор литературы; визуализация результатов исследования.

Чикер В.А. — идеи исследования; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Natalia V. Volkova — data collection and analysis; application of statistical and mathematical methods for data analysis; manuscript writing and formatting.

Aleksandra K. Bordunos — annotation, literature review; visualization of research results.

Vera A. Chiker — ideas of the study; planning of the research; research supervision.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено комиссией по внутриуниверситетским опросам и этической оценке эмпирических исследовательских проектов ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (заключение от 22.04.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the committee on intra-university surveys and ethical evaluation of empirical research projects at HSE University (report no, 2024/04/22).

Поступила в редакцию 16.03.2025

Received 2025.03.16

Поступила после рецензирования 26.04.2025

Revised 2025.04.26

Принята к публикации 19.03.2026

Accepted 2026.03.19

Опубликована 30.03.2026

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Индекс актуальности темы профессионального выгорания

М.А. Завертяева ✉, Ю.Н. Найденова, А.Д. Киреечева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермь, Российская Федерация

✉ moskolkova@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Профессиональное выгорание является значимой социально-экономической проблемой, поэтому существует потребность в его регулярном мониторинге. Традиционно применяемые для измерения выгорания опросники трудозатратны и нерегулярны, что не позволяет использовать их для мониторинга проблемы на макроуровне. По аналогии с индексами на основе медиа в смежных областях настоящая работа рассматривает интенсивность упоминаний выгорания как индикатор общественной релевантности проблемы.

Цель. Разработать и апробировать индекс актуальности темы выгорания по российским СМИ (средствам массовой информации) и оценить его применимость для общественного мониторинга и межрегиональных сопоставлений.

Методы и материалы. Источником данных является аналитическая система «Медиадиалогия», которая охватывает около 105 тысяч СМИ. Выборка охватывает период 2015–2025 гг. и представляет собой массив из более 30 тысяч публикаций. Для проверки устойчивости построены альтернативные индексы: на основе топ-СМИ и в разрезе новостей по психологии. Проведены региональный анализ (нормирование на численность населения) и тематическое моделирование заголовков с использованием BERTopic. Внешняя валидация осуществлена через сравнение с динамикой запросов в Google Trends.

Результаты. В рассматриваемом периоде индекс стабильно рос и к 2025 году превысил стартовый уровень более чем в 100 раз. Выявлены пики индекса в июле 2019 г., апреле и декабре 2021 г., сентябре-ноябре 2024 г. Внешняя валидация выявила высокую согласованность с пользовательским интересом и альтернативными конструкциями индекса. Определены регионы-лидеры по интенсивности упоминания выгорания и тематические кластеры публикаций.

Выводы. Индекс применим для оперативного общественного мониторинга и межрегиональных сопоставлений, основан на прозрачной и масштабируемой методологии. В работе предложено описание возможностей дальнейшего использования индекса исследователями, практиками и государственными структурами.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, медиаиндекс, СМИ, мониторинг общественного интереса, тематическое моделирование, региональный анализ, психологическое благополучие, теория установления повестки дня

Завертяева М.А., Найденова Ю.Н.,
Киреечева А.Д. (2026)
Индекс актуальности темы профессионального...
Социальная психология и общество,
17(1), 166–182.

Zavertiaeva M.A., Naidenova I.N.,
Kireecheva A.D. (2026)
The relevance index of the professional burnout topic
Social Psychology and Society,
17(1), 166–182.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-18-01037, <https://rscf.ru/project/25-18-01037/>.

Для цитирования: Завертяева, М.А., Найденова, Ю.Н., Киреечева, А.Д. (2026). Индекс актуальности темы профессионального выгорания. *Социальная психология и общество*, 17(1), 166–182. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170110>

The relevance index of the professional burnout topic

M.A. Zavertiaeva ✉, I.N. Naidenova, A.D. Kireecheva
HSE University, Perm, Russian Federation
✉ moskolkova@hse.ru

Abstract

Context and relevance. Occupational burnout is a significant socio-economic problem that requires regular monitoring. The questionnaires traditionally used for the measurement of burnout are labour-intensive and irregular, making them unsuitable for macro-level monitoring. By analogy with media-based indices in other fields, this study treats the intensity of burnout mentions as an indicator of the its public salience, with the aim of contributing to a more comprehensive understanding of the phenomenon.

Objective. The objective is to develop and test a media-based index of burnout salience in Russian news, and to assess its applicability for social monitoring and interregional comparisons.

Methods and materials. Data were obtained from the Medialogia analytics system, which covers approximately 105000 media outlets. The sample spans 2015–2025 and comprises over 30000 publications. To test the robustness of the index, alternative indices are constructed: one based on top outlets and one restricted to psychology-related news. Additionally, we conduct a regional analysis (normalised by population) and perform topic modelling of headlines using BERTopic.

Results. During the study period, the index increased steadily, going beyond its initial level by more than 100 times by 2025. Peaks were observed in July 2019, April and December 2021, and September–November 2024. External validation shows strong agreement with user interest and alternative index specifications. We identified leading regions based on the intensity of mentions and thematic clusters of coverage.

Conclusions. The index is suitable for rapid social monitoring and interregional comparisons, and is based on a transparent, scalable methodology. This paper outlines potential avenues for further use by researchers, practitioners and public authorities.

Keywords: professional burnout, media index, mass media, monitoring of public interest, thematic modeling, regional analysis, psychological well-being, agenda-setting theory

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-18-01037, <https://rscf.ru/project/25-18-01037/>.

For citation: Zavertiaeva, M.A., Naidenova, I.N., Kireecheva, A.D. (2026). The relevance index of the professional burnout topic. *Social Psychology and Society*, 17(1), 166–182. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170110>

Введение

Профессиональное выгорание представляет собой значимую социально-экономическую проблему, оказывающую негативное влияние на производительность труда, психическое здоровье населения и экономическую стабильность. В условиях российской действительности, характеризующейся высокой трудовой нагрузкой, экономической нестабильностью и социальным стрессом, вероятность выгорания существенно возрастает, и мониторинг уровня выгорания приобретает особую значимость. При этом выгорание среди трудоспособного населения приводит к существенным потерям для работодателей и экономики в целом (Martinez et al., 2025).

Традиционные способы измерения выгорания в основном представляют стандартизированные опросники (Maslach, Jackson, 1981), применяемые для оценки индивидуальных и групповых состояний. Однако их сбор трудозатратен, проводится нерегулярно и на несопоставимых выборках, кроме того, самоотчетные опросы подвержены целому ряду искажений. Инструментов, которые были бы способны напрямую измерить распространенность выгорания на уровне региона, страны или группы стран, не существует. Это создает пробел между измерениями выгорания на микроуровне и изучением выгорания на макроуровне, который может быть закрыт разработкой индикаторов, аппроксимирующих распространенность выгорания на основе открытых источников, например, на основе средств массовой информации (СМИ).

Опираясь на теорию установления медийной повестки (agenda-setting

theory) (McCombs, Shaw, 1972), мы рассматриваем интенсивность упоминаний выгорания в новостях как индикатор общественной релевантности проблемы. Возможность применения подобного подхода подтверждается опытом разработки и использования индексов на основе медиа в смежных областях (общественное здоровье, экономика, политические науки, социология), где индикаторы на базе текстов СМИ демонстрируют тесную связь с альтернативными источниками данных и позволяют оперативно выявлять тренды (Baker et al., 2016; Hopkins, King, 2010). Таким образом, цель работы может быть сформулирована следующим образом: разработать и апробировать индекс актуальности темы профессионального выгорания на основе российских СМИ.

В качестве источника данных для индекса использована аналитическая система «Медialogия», охватывающая около 105000 СМИ (газеты, журналы, интернет-ресурсы, ТВ). Анализ проводится за период 2015–2025 гг. По заголовкам, содержащим слово «выгорание», сформирован массив из 39963 публикаций, на основе которых в дальнейшем рассчитывается базовый индекс. Для проверки устойчивости разработаны две альтернативы: (а) индекс на основе топ-СМИ; (б) индекс на основе новостей по психологии. Индекс также дополнительно анализируется в разрезе регионов Российской Федерации и на основе тематического моделирования заголовков (с использованием инструмента BERTopic).

Результаты анализа построенного индекса показали, что в рассматриваемом периоде актуальность темы профессионального выгорания в СМИ устойчиво

растет: к 2025 году индекс превышает начальный уровень более чем в 100 раз. Выделены периоды пиковых значений (июль 2019, апрель и декабрь 2021, сентябрь–ноябрь 2024 гг.). Определены регионы с наибольшей и наименьшей интенсивностью упоминаний. Индекс демонстрирует высокую согласованность с интересом пользователей интернета: коэффициенты корреляции с Google Trends по теме «эмоциональное выгорание» и альтернативными индексами выше 0,8. Тематическое моделирование с использованием BERTopic позволило выявить устойчивые тематические группы и описать структуру публикаций.

Работа вносит вклад в литературу по нескольким направлениям. Во-первых, предложена прозрачная и воспроизводимая методика расчета индекса выгорания на основе СМИ, пригодная для регулярного мониторинга состояния российского общества и потенциально полезная для исследователей, компаний и государственных органов. Во-вторых, проведена валидация инструмента с использованием индикатора поведения пользователей сети Интернет и альтернативных конструкций индекса. В-третьих, индекс применим на региональном уровне, что позволяет соотносить состояние общества с его характеристиками и разрабатывать таргетированные программы поддержки. При этом стоит учитывать ограничения индекса: он отражает не распространенность выгорания, а динамику внимания СМИ к теме.

Статья имеет следующую структуру. В обзоре литературы описаны исследования о феномене выгорания, его измерении и использовании медиа как зеркала общественного настроения, а

также существующие медиаиндексы. Далее представлены данные, методология построения индекса, а также его анализ. Затем изложены основные результаты, в том числе выделенные тематические группы. В заключении подведены итоги и обозначены перспективы дальнейшего использования индекса и ограничения инструмента. В приложениях представлены альтернативные варианты расчета индекса на основе топ-СМИ и новостей по психологии; анализ в региональном разрезе и сопоставление индекса с Google Trends.

Обзор литературы

Феномен профессионального выгорания и его измерение

Синдром профессионального выгорания активно исследуется в последние десятилетия. В литературе часто используется определение 11-й версии МКБ, трактующее выгорание как результат хронического стресса на рабочем месте. Также предложено единое согласованное определение: выгорание — это истощение, вызванное длительным воздействием рабочих проблем (Canu et al., 2021).

Традиционно выгорание измеряется через самоотчетные опросы, среди которых наиболее распространен опросник Маслач (МБИ) (Maslach, Jackson, 1981), оценивающий эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию достижений. В России используются адаптированные версии МБИ (Водопьянова, Старченкова, 2008) и локальные методики, например, опросник Бойко (Бойко, 1996). Растет интерес к цифровым методам оценки на основе поведенческих данных и текстов в соцсетях (Kurpicz-Briki et al., 2024; Wu et al.,

2021). Однако существующие методики критикуются за отсутствие универсальности, искажения самоотчетов и трудности сопоставления результатов из-за различий в операционализациях (Dam, 2021; Demerouti, Adaloudis, 2024). Кроме того, они в основном применимы на микроуровне и редко позволяют оценивать ситуацию в масштабах региона или страны. Доступные макроанализы основаны либо на трудоемких репрезентативных опросах (Vňuková et al., 2023), либо на отдельных вопросах крупных исследований (EWCS), изначально не предназначенных для диагностики выгорания (Schaufeli, 2018).

Это стимулирует поиск альтернативных прокси, основанных на общественном интересе: частоте поисковых запросов в Google (Aguilera et al., 2021), обсуждаемости темы в соцсетях (Ježková Petrů et al., 2023; Wu et al., 2021). Другим перспективным, но недостаточно изученным источником информации являются СМИ.

Медиа могут отражать общественное настроение, фиксируя степень внимания и тревожности по различным темам. Согласно теории повестки дня (agenda-setting theory), темы, часто освещаемые в новостях, воспринимаются как значимые (McCombs, Shaw, 1972). СМИ одновременно формируют и отражают общественное мнение (Wlezien, Soroka, 2024), что делает их валидным источником для мониторинга актуальности выгорания. Хотя методики измерения выгорания на основе СМИ пока не разработаны, значительный опыт построения медиаиндексов по экономическим, политическим и социальным темам создает методологическую основу для их адаптации к теме профессионального выгорания.

Индексы на основе СМИ

Индексы на основе анализа контента СМИ широко применяются в социальных и экономических исследованиях. В экономике они используются для измерения неопределенности (Baker, Bloom, Davis, 2016), прогнозирования рыночных колебаний и инвестиционной активности. Многочисленные исследования подтвердили связь индекса неопределенности экономической политики Бейкера, Блума и Дэвиса с инвестиционной активностью компаний разных стран, включая Россию (Bloom, Bond, Van Reenen, 2007; Gulen, Ion, 2016), что демонстрирует их применимость для анализа экономических процессов. В политических науках медиаиндексы используются для оценки стабильности и общественных настроений (Leetaru, Schrodtt, 2013), в социологии — для анализа социального благополучия (Hopkins, King, 2010), в общественном здоровье — для отслеживания распространения заболеваний (Adelman, Verbrugge, 2000), в корпоративном секторе — для оценки репутации и рисков (Deerhouse, 2000; Zhang, 2016). Их ключевыми преимуществами являются выявление скрытых трендов в режиме реального времени и масштабируемость для различных географических и временных периодов.

Также исследования показывают высокую согласованность медиаиндексов с показателями по другим источникам данных: например, индекс неопределенности экономической политики, изначально включавший помимо публикаций в новостях также положения налогового кодекса, срок действия которых истекает, и разногласия среди экономических прогнозов, показал высокую корреляцию между

ними, что позволило ограничиться только новостями (Baker, Bloom, Davis, 2016). Аналогично динамика освещения болезней коррелирует с трендами смертности (Adelman, Verbrugge, 2000), демонстрируя высокую точность медиаиндексов как аппроксимации реальных процессов.

Методология разработки индекса

Источники данных

По аналогии с существующими индексами на основе СМИ мы рассматриваем интенсивность упоминания профессионального выгорания в СМИ как индикатор того, насколько эта проблема значима для общества в данный период. Разработка индекса выгорания на основе текстов СМИ обоснована теорией установления повестки дня, а также применимостью аналогичных индексов и позволяет заполнить дефицит макроуровневых показателей выгорания.

В качестве источника данных мы используем систему аналитики социальных сетей и СМИ «Медиалогия»¹, которая охватывает широкий спектр источников. База «Медиалогии» включает в себя газеты, журналы, новостные порталы и сайты, что дает доступ к использованию в сумме 105000 СМИ. Обширный охват выбранного источника данных обеспечивает точность измерения индекса и минимальную чувствительность к смещению в данных, появлению или исключению отдельных источников.

Для сбора новостей по теме «выгорания» с помощью «Медиалогии» были отобраны новости, содержавшие в заго-

ловке упоминания слова «выгорание». В результате была получена база данных, содержащая 39963 новости по данной теме в период с апреля 2015 года по апрель 2025 года. Данные содержат заголовок новости, дату ее публикации, название СМИ, город, в котором зарегистрировано СМИ, показатель заметности новости и ее URL. Однако важно отметить, что слово «выгорание» может употребляться в другом контексте, например, «выгорание экранов», «выгорание волос», «выгорание сельскохозяйственных угодий» и так далее. Чтобы исключить попадание в базу нерелевантных новостей, была произведена сначала фильтрация данных в системе «Медиалогии», а затем дополнительно ручная очистка данных, в результате чего было удалено 2271 наблюдение. Итоговая база данных с новостями по теме «эмоциональное выгорание» включает в себя 37692 наблюдения.

Так как отбор источников данных является критически важным этапом разработки методологии, далее представлен краткий анализ основных источников (рис. 1). Наиболее часто тема эмоционального выгорания поднимается на психологическом форуме b17, где пользователи публикуют посты и статьи по темам психологии и психотерапии. Специфика данного СМИ объясняет такое большое количество публикаций по теме «выгорание» по сравнению с другими источниками. На втором месте находится сайт Seldon.News, который является агрегатором новостей, что также объясняет его лидирующую позицию.

¹ *Медиалогия*. Мониторинг и аналитика СМИ. URL: <https://www.mlq.ru/products/pr/> (дата обращения: 05.05.2025).

В топ-10 также вошли и другие форумы, на которых пользователи могут самостоятельно оставлять статьи, а также крупные федеральные СМИ. Стоит отметить, что наибольшее количество новостей по теме выгорания опубликовано в источниках, относящихся к региону г. Москва (20605), так как в столице также зарегистрированы федеральные СМИ. Поэтому дополнительно представлен топ СМИ для регионов, исключая г. Москва (см. Приложение А, рис. А1), что позволяет увидеть важные региональные источники публикаций по теме выгорания.

Расчет индекса

Для прозрачности и сопоставимости индекса выгорания на основе текстов СМИ показатель рассчитывается как доля количества новостей с упоминанием темы эмоционального выгорания в заголовках СМИ в текущем месяце от общего количества опубликованных новостей в текущем периоде. Такая норми-

ровка позволяет учитывать рост количества СМИ и публикаций, что особенно важно при рассмотрении длительных периодов времени. Так как доля новостей по теме «эмоциональное выгорание» достаточно мала и близка к нулю, то для упрощения интерпретации индекса расчетное значение умножалось на 1000. Таким образом, итоговая формула расчета индекса актуальности выгорания в СМИ выглядит следующим образом:

$$Burnout_index_t = \frac{Burnout_news_t}{Total_news_t} * 1000, \text{ где:}$$

$Burnout_index_t$ — индекс актуальности выгорания в СМИ за период t ;

$Burnout_news_t$ — количество новостей по теме «эмоциональное выгорание», опубликованных в СМИ за период t ;

$Total_news_t$ — количество всех новостей, опубликованных в СМИ за период t .

Для расчета знаменателя индекса выгорания в СМИ по каждому месяцу было получено общее количество новостей, со-

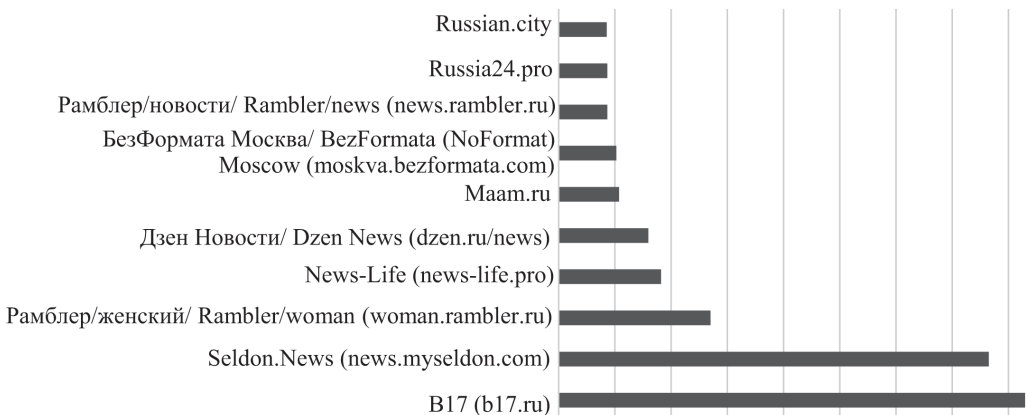

Рис. 1. ТОП-10 СМИ, наиболее часто публикующих новости по теме «эмоциональное выгорание»

Fig. 1. Top-10 media outlets most frequently publishing news on the topic of emotional burnout

держатся в системе «Медиалогия». В данном случае заголовки не выгружались из системы, в базу данных попало лишь количество новостей и месяц их публикации.

Тематический анализ

Вопрос эмоционального выгорания в литературе и СМИ рассматривается с разных позиций — причины возникновения, последствия для психического здоровья, методы профилактики или роль работодателей. Для более глубокого анализа актуальных вопросов, связанных с выгоранием, может быть применено тематическое моделирование. Такой подход способствует более глубокому пониманию общественного дискурса и выявлению тенденций в освещении темы эмоционального выгорания.

Для тематического моделирования был использован алгоритм BERTopic (Grootendorst, 2022). Он представляет собой современный инструмент тематического моделирования, разработанный специально для обработки естественного языка и основанный на комбинации методов машинного обучения и глубокого анализа текста. Основное преимущество BERTopic заключается в способности автоматически определять значимые группы терминов внутри большого набора текстов с учетом контекста. Этот подход позволяет выявить структуру содержания новостных заголовков, обнаруживая взаимосвязанные термины и семантические связи между ними.

Одной из ключевых особенностей BERTopic является возможность использования не только отдельных слов (униграмм), но также пар последовательных слов (биграмм). Биграммы позволяют лучше понимать контексты и смыслы,

поскольку часто два соседних слова формируют целостную идею («эмоциональное выгорание», «психологическое здоровье»), которую нельзя передать одним словом. Использование биграмм делает полученные темы более содержательными и понятными для интерпретации человеком. Например, фраза «методы профилактики» становится отдельной темой благодаря наличию связанного сочетания двух слов, что повышает точность и глубину тематической структуры. Последним шагом была проведена лемматизация для приведения слов к начальной форме и дальнейшего представления результатов визуального анализа.

Результаты

Индекс выгорания

Рассчитанный на собранных данных индекс выгорания за период с апреля 2015 по апрель 2025 года представлен на рис. 2. Индекс иллюстрирует динамику интереса общества и СМИ к проблеме выгорания, показывая устойчивый рост внимания к ней за эти годы.

График динамики индекса актуальности выгорания в СМИ не только демонстрирует явный тренд, но и показывает, что индекс с начала рассматриваемого периода к 2025 году увеличился более чем в 100 раз. Это свидетельствует об увеличении общественного интереса к теме «эмоциональное выгорание», что может объясняться несколькими причинами. Во-первых, так как основной причиной эмоционального выгорания является истощение из-за работы (Kaschka, Korczak, Broich, 2011), то рост индекса может свидетельствовать об увеличении стрессовых факторов на рабочем месте, таких как переработки, токсичная рабочая среда,

давление и информационная перегрузка, что ведет к увеличению количества «выгораний» и росту актуальности данной темы. Во-вторых, резкий рост индекса может указывать на увеличение количества не только внешних факторов, ведущих к выгоранию сотрудника, но и внутренних, таких как ухудшение баланса между работой и личной жизнью, переработки и сверхурочная работа (Коммерсантъ, 2023²). Наконец, увеличение индекса отражает более широкое общественное осознание и обсуждение проблемы, что может быть вызвано растущим вниманием к психическому здоровью.

Подробнее стоит остановиться на пиках индекса — в июле 2019 года, апреле и декабре 2021 года, а также в сентябре, октябре и ноябре 2024 года. В то время как в

другие годы в летние месяцы наблюдается снижение индекса интереса к проблеме выгорания в СМИ, в июле 2019 года данный показатель заметно вырос. Примечательно, что в этот период не было глобальных кризисов, катастроф или других событий, которые могли спровоцировать такой резкий скачок индекса. Вероятно, данный скачок объясняется ростом количества новостей по теме «способы борьбы с выгоранием», так как большинство статей, затрагивающих данную тему, посвящены отпуску, а июль — традиционно популярный месяц для отпусков. Следующий скачок наблюдается в апреле 2021 года, затем — в декабре этого же года. Оба этих периода связаны с пандемией COVID-19, в апреле 2021 года наступил год, как большинство россиян перешли

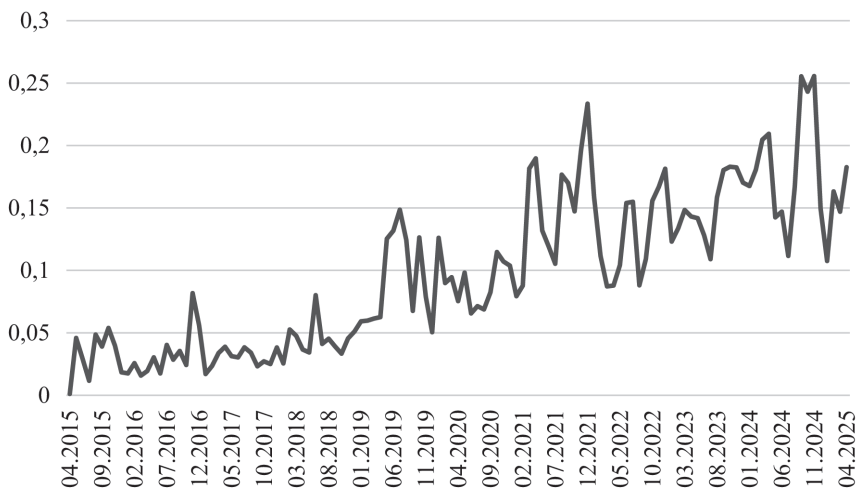

Рис. 2. Динамика индекса актуальности выгорания в СМИ, 04.2015–04.2025
Fig. 2. Dynamics of the relevance index of burnout in the media, 04.2015–04.2025

² *Коммерсантъ*. Более 13 млн работающих россиян переживают профессиональное выгорание. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6239611> (дата обращения: 28.04.2025).

на дистанционный формат работы. Пандемия усилила социальную изоляцию и неопределенность, что могло усиливать выгорание. В 2021 году также наблюдался тренд «Великого увольнения», когда многие сотрудники уходили с работы из-за выгорания и переосмысления своих карьерных приоритетов (Forbes, 2021³). Таким образом, последствия пандемии COVID-19 отразились на индексе не сразу, а спустя год. Особенно синдром выгорания, как показывает анализ новостных источников, затронул врачей и медиков, которые подвергались переработкам на протяжении 2020–2021 годов. Количество новостей, связанных с выгоранием медицинского персонала, занимает значительную долю среди общего количества новостей по выгоранию в 2021 году. Рост индекса выгорания в конце 2024 года согласуется с ростом индекса потребности россиян в психологической помощи (ВЦИОМ, 2025⁴). По мнению экспертов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2024 году население возвращается к более «нормальному» состоянию после пережитых кризисов, адаптируясь к новым реали-

ям, что позволяет им переключиться на свое ментальное здоровье. По этой причине увеличивается количество контента, посвященного проблеме выгорания. Для проверки устойчивости построены альтернативные индексы: на основе топ-СМИ⁵ (см. Приложение А, рис. А2) и в разрезе новостей по психологии⁶ (см. Приложение А, рис. А3).

Отдельно было рассчитано нормированное на численность населения количество новостей по теме «выгорание» по регионам. Анализ демонстрирует гетерогенность регионов России по количеству публикаций по данной теме и по темпам роста этих публикаций (см. Приложение А, рис. А4). Также для оценки внешней валидности индекса выгорания на основе СМИ и проверки соответствия медийной повестки общественному запросу динамика индекса сравнивалась с данными Google Trends. Результаты показывают, что индекс на основе СМИ имеет схожую динамику, что и запросы пользователей (см. Приложение А, рис. А5), их уровень корреляции составляет 0,84; при этом индекс позволяет проводить более детальный анализ.

³ Forbes. Великое увольнение и тотальное выгорание: главные карьерные тренды 2021 года. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/449695-velikoe-uvol-nenie-i-total-noe-vygoranie-glavnye-kar-ernye-trendy-2021-goda> (дата обращения: 30.04.2025).

⁴ ВЦИОМ. Индекс потребности россиян в психологической поддержке. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 30.04.2025).

⁵ Включает топ-10 наиболее часто цитируемых газет, журналов, ТВ-каналов и интернет-ресурсов согласно рейтингу ресурса «Медиагология»: Мониторинг и аналитика СМИ. URL: <https://www.mlg.ru/products/pr/> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶ Итоговый список ключевых слов для определения темы «психология»: психология, психолог, психологический, психиатр, психотерапевт, стресс, личность, эмоции, мотивация, эмоциональный, саморазвитие, отношения, тревожность, депрессия, психотерапия, нейропсихология, когнитивистика, социальный, бессознательное, чувства, коммуникация, самопознание, поведение, конфликты, чувства, стрессоустойчивость, самосознание, самооценка, идентичность, счастье, психическое здоровье.

Тематический анализ

В результате применения модели BERTopic было получено 15 тем, в которые удалось объединить имеющиеся заголовки. Однако при визуальном анализе было обнаружено, что некоторые темы имеют схожий смысл. Например, тема «Мнения психологов», где были выделены такие биграммы, как «психолог считает», «психолог объяснил» и др., и тема «Мнения психотерапевтов», включающая в себя следующие биграммы: «психотерапевт объяснил», «психотерапевт рассказал», имеют схожий смысл, и их можно объединить в одну общую тему «Мнения экспертов». Исходя из результатов проведенного анализа, было принято решение произвести ручное объединение тем для более корректной интерпретации результатов тематического моделирования.

Таким образом, выделенные моделью 15 тем были объединены в 6 тем, исходя из их смыслового значения, а также анализа новостных заголовков⁷, отнесенных к той или иной теме. Список итоговых тем представлен ниже, а словосочетания, чаще все-

го встречающиеся в каждой из них, представлены в Приложении А, рис. А6.

1. Феномен эмоционального выгорания, личная диагностика и помощь;
2. Профессиональное выгорание в организациях;
3. Профилактика и защитные стратегии;
4. Мнение экспертов: диагностика и лечение;
5. Выгорание как социальный и медицинский феномен.

Выделенные темы показывают, что медиа не просто освещают тему выгорания, а стараются предупредить население о возможных симптомах и признаках данного заболевания. Особый акцент делается на личной диагностике, помогающей людям своевременно распознать признаки истощения и обратиться за необходимой поддержкой.

Кроме того, значительное внимание уделено организационным факторам: публикации фиксируют рост числа случаев профессионального выгорания среди сотрудников крупных корпораций и государственных учреждений, обращая внимание

⁷ Примеры новостных заголовков для каждой темы: Феномен эмоционального выгорания, личная диагностика и помощь («Максимальное погружение и критика от босса: как справиться с выгоранием на работе», «Эмоциональное выгорание: история работы с клиентом», «Эмоциональное выгорание. Подробный гайд и пошаговый план самопомощи»), Профессиональное выгорание в организациях («Тренинги по профилактике профессионального выгорания прошли почти 3 тыс. подмосковных педиатров», «Названы неочевидные причины профессионального выгорания», «Сотрудники ГБУ РК ЦСЗН Усть-Вымского района приняли участие в занятии по профилактике синдрома профессионального выгорания»), Профилактика и защитные стратегии («Как защитить себя от выгорания на работе: полезные советы», «5 способов позаботиться о своих сотрудниках и защитить коллектив от выгорания»), «У женатых мужчин нашли защиту от выгорания на работе»), Мнение экспертов: диагностика и лечение («Психотерапевт объяснил, как вылечить эмоциональное выгорание отпуском», «Врачи объяснили, как распознать эмоциональное выгорание», «Психолог: Справиться с эмоциональным выгоранием помогут близкие и массаж»), Выгорание как социальный и медицинский феномен («Официально: синдром выгорания признан заболеванием», «Власти Бельгии официально признали "выгорание" на работе заболеванием», «Синдром выгорания: чума XXI века»).

работодателей на ответственность за здоровье персонала. Важной частью освещения становятся также профилактика и восстановительные мероприятия, призванные снизить риски заболевания и восстановить работоспособность сотрудников.

Выделенные темы «мнения экспертов» и «выгорание как социальный и медицинский феномен» показывают серьезность синдрома выгорания, так как внимание к проблеме со стороны врачей и психологов актуализирует ее в глазах читателей. Однако стоит отметить, что не все публикации СМИ соответствуют действительности. Так, например, многие новостные заголовки, отнесенные к теме «выгорание как социальный и медицинский феномен», описывают выгорание как серьезное заболевание. В действительности, согласно данным Всемирной организации здравоохранения⁸, выгорание является синдромом, а не заболеванием. Это подчеркивает то, что хоть результаты тематического моделирования новостных заголовков являются репрезентативными и описывают ключевые аспекты выгорания, освещаемые в медиа, опубликованные новости не всегда опираются на достоверные источники и являются релевантными.

Таким образом, тематическое моделирование иллюстрирует, что СМИ стремятся привлечь внимание читателей к проблеме эмоционального выгорания и способствовать снижению распространенности заболевания среди населения.

Аналогично индексу выгорания в СМИ, для подтем, выделенных на основе новостных заголовков, были построены графики, иллюстрирующие динамику изменения популярности каждой из подтем (см. Приложение А, рис. А7). Построенные графики показывают, что наиболее популярными темами на протяжении всего рассматриваемого периода были темы «Феномен эмоционального выгорания, личная диагностика и помощь», а также «Профессиональное выгорание в организациях». Однако доля новостей, посвященных феномену эмоционального выгорания, оставалась практически неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, за исключением 2019 года, когда наблюдался резкий спад популярности данной темы в СМИ. В то же время доля новостей, посвященных профессиональному выгоранию в организациях, уменьшалась с 2015 года, что иллюстрирует постепенное снижение актуальности профессионального выгорания. Вероятно, это связано с тем, что с течением времени под термином «эмоциональное выгорание» стали понимать в том числе и «профессиональное выгорание», что повлекло за собой увеличение общего количества новостей по первой теме и снижение по второй.

Доли новостей, посвященных темам «Профилактика и защитные стратегии» и «Мнение экспертов: диагностика и лечение», демонстрируют незначительный рост с начала рассматриваемого периода. Более интересная ситуация проиллю-

⁸ *World Health Organization*. Burn-out an "occupational phenomenon": International Classification of Diseases. URL: <https://www.who.int/news/item/28-05-2019-burn-out-an-occupational-phenomenon-international-classification-of-diseases> (дата обращения: 11.05.2025).

стрирована на последнем графике, отражающем динамику новостей по выгоранию как социальному и медицинскому феномену. В 2016 году доля таких новостей была максимальной и достигала около 7%, что можно связать с ростом количества научных публикаций и исследований по теме «эмоциональное выгорание», а также с признанием в 2016 году некоторыми странами, например, Бельгией, выгорания как заболевания, связанного с трудовой деятельностью. В дальнейшем наблюдалась тенденция снижения доли новостей по данной теме.

Заключение

В настоящем исследовании предложена и апробирована методология индекса эмоционального выгорания на основе анализа текстов СМИ для России, представляющего собой инструмент для косвенного, но масштабируемого мониторинга этой значимой социально-экономической проблемы на макроуровне. Основная оригинальность работы заключается в адаптации методологии расчета медиainдексов, хорошо зарекомендовавших себя в экономике и политических науках, для решения задачи измерения выгорания как части психологического благополучия населения. Предложенный индекс демонстрирует высокую чувствительность к изменениям общественного дискурса, высокую корреляцию с показателем интереса пользователей Google — данными Google Trends, а также устойчивость результатов при расчете альтернативными способами. Это свидетельствует о его валидности и надежности.

Разработанный индекс открывает широкие возможности для применения в научной плоскости. Для экономистов и

социологов он представляет уникальный агрегированный показатель, позволяющий исследовать взаимосвязи между медийным освещением выгорания и экономическими показателями (производительность, абсентеизм, текучесть кадров, дисбалансы спроса и предложения на рынке труда) в региональном и временном разрезе. Более глубокий анализ тем публикаций позволит выявить факторы выгорания согласно новостной повестке и сопоставить их с факторами, определенными на основе опросных данных. Исследователи медиа могут тестировать теорию установления повестки дня, в частности, рассмотреть распространение темы выгорания от топ-СМИ к региональным. Экономисты и психолингвисты также могут использовать предложенную методологию для межстрановых сравнений выгорания, в том числе изучения культурных и лингвистических различий в восприятии данного феномена. Кроме того, дальнейшая работа по использованию индекса может включать в себя его сопоставление с частотой больничных, продолжительностью рабочей недели, коэффициентами занятости населения, обращениями в государственные психологические службы и службы доверия, опросами Росстата о качестве рабочей среды. Это позволит провести дополнительную внешнюю валидацию разработанного инструмента, а также оценить его применимость для мониторинга социально-психологического состояния населения.

Помимо научной ценности, индекс также может иметь практическое применение со стороны компаний и государственных органов. Органы государственного управления и институты социальной политики могут использовать его в качестве системы раннего пред-

упреждения для выявления территорий с повышенной уязвимостью и адресной корректировки программ поддержки психического здоровья. HR-департаменты крупных компаний получают дополнительный инструмент для бенчмаркинга, а также прогнозирования оттока кадров. Аналитики ESG/нефинансовой отчетности могут рассматривать индекс как отраслевой индикатор риска, связанного с S-компонентой. Компании, работающие в сфере страхования, могут использовать индекс для корректировки моделей частоты/тяжести заявок и улучшения разработки тарифной политики. Для системы здравоохранения индекс может служить основой для прогнозирования нагрузки на психологические службы, а для аналитических центров позволит отслеживать динамику общественного интереса к проблеме профессионального выгорания и выявлять ключевые факторы, влияющие на его распространенность.

Важно отметить, что применение выбранной методологии продемонстрировало устойчивый рост интереса к проблеме эмоционального выгорания. Хотя это связано и с популяризацией данной темы, что важно для ее осознания и решения, а также развитием вопросов профилактики и борьбы с выгоранием, это также отражает рост актуальности данной проблемы для населения России. Таким образом, ее мониторинг является крайне актуальным. Также мы отмечаем высокую дифференциацию регионов России по степени актуальности выгорания, что показывает важность инструмента для региональных органов власти.

Несмотря на перспективность, применение индекса имеет ряд ограничений. Во-первых, он измеряет не уровень выго-

рания напрямую, а интенсивность его обсуждения в медиaprостранстве, что может быть подвержено эффекту повестки дня и искажено в результате медийных кампаний или новостных пиков, не связанных с реальной распространенностью синдрома. Во-вторых, хотя использованная база данных «Медиалогии» является обширной, региональный анализ может быть чувствителен к диспропорции в развитии медиаинфраструктуры между центральными и периферийными регионами. В-третьих, сохраняется риск смысловой неоднозначности термина «выгорание», который, несмотря на предпринятые меры по очистке данных, может в отдельных случаях употребляться некорректно. В-четвертых, в связи с ограниченностью доступа к ресурсу «Медиалогия» региональные данные не нормировались на количество новостей в регионе, что делает ограниченным сопоставление данных между регионами и в динамике на длительном горизонте.

Таким образом, предложенный индекс выгорания следует интерпретировать как индикатор общественной и медийной релевантности проблемы, который целесообразно использовать в комбинации с другими данными, например, официальной статистикой или выборочными опросами, для формирования более полной и точной картины. Перспективы дальнейшего развития методики включают в себя детализацию индекса по отраслям экономики и профессиональным группам. Это позволит корпорациям и HR-департаментам оценивать психологический климат в различных отраслях экономики и профессиональных сферах, разрабатывать превентивные меры и оптимизировать системы управления персоналом.

Список источников / References

1. Бойко, В.В. (1996). *Диагностика уровня эмоционального выгорания*. URL: http://new.academy.edu.by/files/documents/VRVUO/Boiko-Ilin_Diagnostika.pdf (дата обращения: 30.01.2026).
2. Водопьянова, Н., Старченкова, Е. (2008). *Синдром выгорания*. СПб.
3. Adelman, R.C., Verbrugge, L.M. (2000). Death Makes News: The Social Impact of Disease on Newspaper Coverage. *Journal of Health and Social Behavior*, 41(3), 347–367. <https://doi.org/10.2307/2676325>
4. Aguilera, A.M., Fortuna, F., Escabias, M., Battista, T.D. (2021). Assessing Social Interest in Burnout Using Google Trends Data. *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*, 156(2), 587–599.
5. Baker, S.R., Bloom, N., Davis, S.J. (2016). Measuring Economic Policy Uncertainty. *The Quarterly Journal of Economics*, 131(4), 1593–1636. <https://doi.org/10.1093/qje/qjw024>
6. Bloom, N., Bond, S., Van Reenen, J. (2007). Uncertainty and investment dynamics. *The Review of Economic Studies*, 74(2), 391–415. <https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2007.00426.x>
7. Canu, I.G., Marca, S.C., Dell’Oro, F., Bal zs, ., Bergamaschi, E., Besse, C., Bianchi, R., Bislimovska, J., Bjelajac, A.K., Bugge, M. (2021). Harmonized definition of occupational burnout: A systematic review, semantic analysis, and Delphi consensus in 29 countries. *Scandinavian Journal of Work, Environment & Health*, 47(2), 95. <https://doi.org/10.5271/sjweh.3935>
8. Dam, A. van. (2021). A clinical perspective on burnout: Diagnosis, classification, and treatment of clinical burnout. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. <https://doi.org/10.1080/1359432X.2021.1948400>
9. Deephouse, D.L. (2000). Media Reputation as a Strategic Resource: An Integration of Mass Communication and Resource-Based Theories. *Journal of Management*. <https://doi.org/10.1177/014920630002600602>
10. Demerouti, E., Adaloudis, N. (2024). Addressing Burnout in Organisations: A Literature Review. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.4718143>
11. Grootendorst, M. (2022). BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.05794>
12. Gulen, H., Ion, M. (2016). Policy Uncertainty and Corporate Investment. *Review of Financial Studies*, 29(3), 523–564. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhv050>
13. Hopkins, D.J., King, G. (2010). American Journal of Political Science | MPSA Journal | Wiley Online Library. *American Journal of Political Science*, 54(1), 229–247. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00428.x>
14. Ježková Petrů, G., Zychová, K., Drahotová, K., Kuralová, K., Kvasničková Stanislavská, L., Pilař, L. (2023). Identifying the communication of burnout syndrome on the Twitter platform from the individual, organizational, and environmental perspective. *Frontiers in Psychology*, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1236491>
15. Kaschka, W.P., Korczak, D., Broich, K. (2011). Burnout: A Fashionable Diagnosis. *Deutsches Arzteblatt International*, 108(46), 781–787. <https://doi.org/10.3238/arztbl.2011.0781>
16. Kurpicz-Briki, M., Merhbene, G., Puttick, A., Souissi, S.B., Bieri, J., Müller, T.J., Golz, C. (2024). Using Natural Language Processing to find Indication for Burnout with Text Classification: From Online Data to Real-World Data. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.14357>
17. Leetaru, K., Schrodt, P.A. (2013). *GDELTA: Global Data on Events, Location and Tone*. ISA Annual Convention. <https://doi.org/10.1.1.686.6605>

18. Martinez, M.F., O'Shea, K.J., Kern, M.C., Chin, K.L., Dinh, J.V., Bartsch, S.M., Weatherwax, C., Velmurugan, K., Heneghan, J.L., Moran, T.H., Scannell, S.A., John, D.C., Shah, T.D., Petrucelli, S.A., White, C., Dibbs, A.M., Lee, B.Y. (2025). The Health and Economic Burden of Employee Burnout to U.S. Employers. *American Journal of Preventive Medicine*, 68(4), 645–655. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2025.01.011>
19. Maslach, C., Jackson, S.E. (1981). The measurement of experienced burnout. *Journal of Organizational Behavior*, 2(2), 99–113. <https://doi.org/10.1002/job.4030020205>
20. McCombs, M.E., Shaw, D.L. (1972). The agenda-setting function of mass-media. *Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
21. Merhbene, G., Nath, S., Puttick, A.R., Kurpicz-Briki, M. (2022). BurnoutEnsemble: Augmented Intelligence to Detect Indications for Burnout in Clinical Psychology. *Frontiers in Big Data*, 5. <https://doi.org/10.3389/fdata.2022.863100>
22. Schaufeli, W. (2018). *Burnout in Europe: Relations with national economy, governance, and culture* (Research Unit Occupational & Organizational Psychology and Professional Learning). KU Leuven. URL: <https://www.wilmarschaufeli.nl/publications/Schaufeli/500.pdf> (viewed: 30.01.2026).
23. Vňuková, M.S., Sebalo, I., Brečka, T., Anders, M., Ptáček, R. (2023). Burnout syndrome in the Czech Republic: The decreasing trend over the years. *Frontiers in Public Health*, 11. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1099528>
24. Wlezien, C., Soroka, S. (2024). Media Reflect! Policy, the Public, and the News. *American Political Science Review*, 118(3), 1563–1569. <https://doi.org/10.1017/S0003055423000874>
25. Wu, J., Ma, J., Wang, Y., Wang, J. (2021). Understanding and Predicting the Burst of Burnout via Social Media. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. <https://doi.org/10.1145/3434174>
26. Zhang, X. (2016). Estimating the Weights of Media Tonalities in the Measurement of Media Coverage of Corporations. *Communication Research*, 45(7). <https://doi.org/10.1177/0093650215626977>

Приложение / Appendix

Приложение А. Графики с дополнительным анализом индекса выгорания. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170110>

Appendix A. Diagrams with additional analysis of burnout index. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170110>

Информация об авторах

Марина Александровна Завертяева, кандидат экономических наук, PhD, профессор департамента экономики и финансов, старший научный сотрудник, Международная лаборатория экономики нематериальных активов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9866-9137>, e-mail: moskolkova@hse.ru

Юлия Николаевна Найденова, кандидат экономических наук, доцент департамента экономики и финансов, заместитель заведующего лабораторией, Международная лаборатория экономики нематериальных активов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-1331>, e-mail: yunaydenova@hse.ru

Анастасия Дмитриевна Киреечева, стажер-исследователь, Международная лаборатория экономики нематериальных активов, Национальный исследовательский университет «Высшая

Завертяева М.А., Найденова Ю.Н.,
Киреечева А.Д. (2026)
Индекс актуальности темы профессионального...
Социальная психология и общество,
17(1), 166–182.

Zavertiaeva M.A., Naidenova I.N.,
Kireecheva A.D. (2026)
The relevance index of the professional burnout topic
Social Psychology and Society,
17(1), 166–182.

школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Пермь, Российская Федерация, ORCID:
<https://orcid.org/0009-0005-7373-8406>, e-mail: adkireecheva@hse.ru

Information about the authors

Marina A. Zavertiaeva, Candidate of Science (Economics), PhD, Professor of the Department of Economics and Finance, Senior Research Fellow, International Laboratory of Intangible-driven Economy, HSE University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9866-9137>, e-mail: moskolkova@hse.ru

Iuliia N. Naidenova, Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Deputy Head of International Laboratory of Intangible-driven Economy, HSE University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5838-1331>, e-mail: yunaydenova@hse.ru

Anastasiia D. Kireecheva, Research Assistant, International Laboratory of Intangible-driven Economy, HSE University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-7373-8406>, e-mail: adkireecheva@hse.ru

Вклад авторов

Завертяева М.А. — идеи исследования; методология индекса; составление обзора литературы; написание введения и заключения; контроль за проведением исследования.

Найденова Ю.Н. — идеи исследования; методология индекса; составление обзора литературы; написание введения и заключения; контроль за проведением исследования.

Киреечева А.Д. — сбор данных; расчет индексов; описание методологии и результатов исследования; форматирование текста.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Marina A. Zavertiaeva — research ideas; index methodology, literature review preparation, writing introduction and conclusion, monitoring research implementation.

Iuliia N. Naidenova — research ideas; index methodology, literature review preparation, writing introduction and conclusion, monitoring research implementation.

Anastasiia D. Kireecheva — data collection; calculation of indices; drafting the methodology and results sections; manuscript formatting.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.09.2025

Поступила после рецензирования 21.11.2025

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.09.09

Revised 2025.11.21

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ DISCUSSIONS AND DISPUTATIONS

Научная статья | Original paper

Как корабль назовут...

В.А. Петровский ✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ petrowskiy@mail.ru

Резюме

Обсуждается статья Г.В. Акопова «Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летию юбилею Б.Д. Парыгина)», опубликованная в № 2 за 2025 г. журнала «Социальная психология и общество».

Ключевые слова: история психологии, категории социальной психологии, личность

Для цитирования: Петровский, В.А. (2026). Как корабль назовут... *Социальная психология и общество*, 17(1), 183–186. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170111>

As you name the ship...

V.A. Petrowskiy ✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ petrowskiy@mail.ru

Abstract

The article discusses the paper by G.V. Akopov “Stages of categorical design of social psychology in Russia (on the 95th anniversary of B.D. Parygin)”, published in issue 2 (2025) of the journal “Social Psychology and Society”.

Keywords: history of psychology, categories of social psychology, personality

For citation: Petrowskiy, V.A. (2026). As you name the ship... *Social Psychology and Society*, 17(1), 183–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170111>

Рецензируемая статья¹ Г.В. Акопова (к 95-летнему юбилею Б.Д. Парыгина) посвящена ключевым категориям социальной психологии на современном этапе ее развития. В фокусе внимания автора иерархическое строение категориального аппарата, соотношение условно стабильных и динамических характеристик его образующих, а также дифференциация различных авторских оформлений системы социально-психологических знаний. Проанализированы категориальные основания социально-психологических знаний в научных и учебных изданиях на этапе, по словам автора, «возрождения» (1960-е) и обновления (1990-е) российской психологической мысли. Предмет авторского интереса — разработки Б.Д. Парыгина, его первые и последующие разработки.

Небезосновательно предлагаемое автором понимание генеза социальной психологии как особой дисциплины в связи с бинарностью (двойственностью) термина, обозначающего это новое направление в науке. Г.В. Акопов не провозглашает этого, но, очевидно, подразумевает: «Как корабль назовут, так он и поплывет». Категориальный подход позволяет бросить якорь этому кораблю в условиях, как говорит автор, «текучей современности, ... чреватый массовыми проявлениями дезадаптации личности» (Акопов, 2025). Заметим, в скобках, что И.С. Кон, назвав одну из своих взрывных книг «Социология личности» (Кон, 1967), не отважился утверждать, что речь при этом идет о

новом направлении в науке (хотя были, на наш взгляд, все основания для этого). В отличие от него, Г.В. Акопов усматривает в комбинации двух слов — «психологическое» и «социологическое» — свидетельство рождения новой области психологических исследований. Интересный и креативный подход!

Различно то, что автор статьи обобщенно именует «дискурсивными знаками» («термины», «понятия», «категории»), в работе специфицируются базовые категории, вовлеченные в решение фундаментальных теоретических проблем. Оригинальна сама авторская их трактовка, определяемая мерой «нагруженности» этих категорий (одной или нескольких) той или иной концепцией; «поликатегориальные системы» дифференцируются автором по уровню единства или целостности; строение авторской категориальной системы предстает как своего рода функция от ряда «переменных» (назовем их так!): это — степень взаимосвязанности, взаимообусловленности и иерархичности избранных категорий.

Г.В. Акопов солидаризируется с предлагаемыми методологами (в частности, А.В. Брушлинским) различием и соотношением категорий «социальное», «общественное» и «индивидуальное», что отвечает гегелевской логике «всеобщего», «особенного» и «единичного» в контексте категорий социальной психологии и обеспечивает возможность содержательно объединить всю систему социально-психологического знания «под

¹ Статья Г.В. Акопова была предложена В.А. Петровскому для рецензирования. Рецензия по сути дела не содержала замечаний, а представляла собой такой интересный анализ затронутых в статье проблем, что редакция журнала «Социальная психология и общество» — по договоренности с автором рецензии — сочла целесообразным ее опубликовать.

маркой» *социальной психологии личности* (в терминах Е.П. Белинской и О.А. Тихомандрицкой, 2001).

Плывем. Куда ж нам плыть?

Г.В. Акопов, хотя и не оговаривая этого особым образом, по сути, уточняет собственную «бикатегориальную» трактовку социальной психологии, выводя первоначальную трактовку личности (в качестве индивида, его инстинкта или стремлений, желаний и т.д.) за пределы, как мы бы сказали сегодня, «психологии индивидуальности» в пространство связей с другими людьми и присутствия в других людях («единство интра-, интер- и метаиндивидуального бытия индивида как личности»).

С этой точки зрения «личность» может рассматриваться как категория, связывающая индивидуально-центрические и социально-центрические понятия. Думается, этот объединяющий смысл категории «личность» имело бы смысл подчеркнуть в тексте статьи. Впрочем, этот подход — теория персонализации (Петровский А.В., Петровский В.А., 1982),

так же как и социально-психологическая теория деятельностного опосредования (Петровский А.В., 1979), представленные целым рядом психологических понятий (не упоминаемых в данном случае автором статьи), совсем не были близки Борису Дмитриевичу Парыгину, так что *не* упоминание этих работ не может быть поставлено в упрек автору статьи о Юбилее (ведь тот шел своим путем!).

Глубокая и весьма актуальная работа Г.В. Акопова представляет несомненный интерес. Современная психология в целом и социальная психология в частности нуждаются в *идеях*. Подобные работы внушают надежду, что рано или поздно мы получим ответ на вопрос Г. Уэллса «Когда спящий проснется?» (Уэллс, 2018). Такие работы пробуждают дремлющее сознание психологов, порой забывающих, что они «в чем-то» *теоретики*.

А ведь иначе — плывем, и не поймешь — куда. Есть маяк, ориентирующий движение корабля. Это — ЛИЧНОСТЬ...

Правильно ли я понимаю Вашу мысль, глубокоуважаемый автор блестящей статьи?

Список источников / References

1. Акопов, Г.В. (2025). Этапы категориального оформления социальной психологии в России (к 95-летию юбилею Б.Д. Парыгина). *Социальная психология и общество*, 16(2), 177–194. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211>
2. Акопов, Г.В. (2025). Stages of categorical design of social psychology in Russia (on the 95th anniversary of B.D. Parygin). *Social Psychology and Society*, 16(2), 177–194. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160211>
3. Белинская, Е.П., Тихомандрицкая, О.А. (2001). Социальная психология личности. Учебное пособие для вузов. Издательство: Аспект Пресс.
Belinskaya, E.P., Tichomandritskaya, O.A. (2001). *Social psychology of personality*. Textbook for universities. Publ.: Aspect Press. (In Russ.).
3. Кон, И.С. (1967). *Социология личности*. М.: Издательство политической литературы.
Kon, I.S. (1967). *Sociology of personality*. Moscow: Publishing house of political literature. (In Russ.).

4. Петровский, А.В., Петровский, В.А. (1982). Индивид и его потребность быть личностью. *Вопросы философии*, 3, 44–53.
Petrowskiy, A.V., Petrowskiy, V.A. (1982). Petrowskiy Individual and his need to be a person. *Questions of philosophy*, 3, 44–53. (In Russ.).
5. Петровский, А.В. (Ред.). (1979). *Психологическая теория коллектива*. М.: Педагогика.
Petrowskiy, A.V. (Ed.). *The psychological theory of the collective*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
6. Уэллс, Г. (2018). *Когда Спящий проснется*. Издательство ЭКСМО.
Wells, H.G. (2018). *When the Sleeper Wakes*. Publ.: EKSMO. (In Russ.).

Информация об авторах

Вадим Артурович Петровский, доктор психологических наук, профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»); член-корреспондент Российской академии образования, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Information about the authors

Vadim A. Petrowskiy, Doctor of Science (Psychology), Professor, Personality Psychology Chair, Ordinary Professor, National Research University Higher School of Economics; Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: petrowskiy@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 06.03.2026

Received 2026.03.06

Поступила после рецензирования 09.03.2026

Revised 2026.03.09

Принята к публикации 19.03.2026

Accepted 2026.03.19

Опубликована 30.03.2026

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Об удвоении термина: жизнеспособность и/или резилентность?

Н.Н. Толстых¹ ✉, А.В. Махнач²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

² Институт психологии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Резюме

Дискутируется проблема употребления в отечественном психологическом дискурсе близких, но не тождественных понятий «жизнеспособность» и «резилентность». Анализируются две сложившиеся традиции использования этих конструктов, приводятся аргументы в пользу предпочтения термина «жизнеспособность», соответствующего как современным тенденциям трактовки содержания термина «resilience» в зарубежных исследованиях, так и традициям отечественной философской и психологической научной мысли. Обсуждаются методологические и методические вопросы инструментария в обсуждаемой области.

Ключевые слова: резилентность, жизнеспособность, диагностика резилентности, диагностика жизнеспособности

Для цитирования: Толстых, Н.Н., Махнач, А.В. (2026). Об удвоении термина: жизнеспособность и/или резилентность? *Социальная психология и общество*, 17(1), 187–198. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170112>

On the doubling of the term: Zhiznesposobnost and / or Resilience

N.N. Tolstykh¹ ✉, A.V. Makhnach²

¹ Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ tolstyhnn@mgppu.ru

Abstract

This article discusses the use of closely related but distinct concepts in Russian psychological discourse. These concepts have entered the scientific vocabulary as Russian translations of “resilience” – “zhiznesposobnost” or as a tracing from English, “resilientnost”. Two established traditions of using these constructs are analyzed, and arguments are presented in favor of the term “zhiznesposobnost” as consistent with both current trends in interpreting the term “resilience” in international research and the traditions of Russian philosophical and

psychological thoughts. Methodological and methodical issues related to the questionnaires used in this area are discussed.

Keywords: *resilience, zhiznesposobnost, resilience diagnostics, zhiznesposobnost diagnostics*

For citation: Tolstykh, N.N., Makhnach, A.V. (2026). On the doubling of the term: Zhiznesposobnost and / or Resilience. *Social Psychology and Society*, 17(1), 187–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170112>

Поводом для написания этих заметок послужила статья О.А. Ульяниной, О.Л. Юрчук, Л.А. Александровой, Е.А. Никифоровой, К.А. Файзуллиной «Семья как ресурс совладания с трудной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий», опубликованная в № 4 журнала «Социальная психология и общество» за 2025 год (Ульянина и др., 2025).

В поступившей в журнал рукописи этой статьи авторами использовались два термина: жизнеспособность и резилентность, которые, судя по контексту, имеют одно и то же значение. Для краткости процитируем фрагменты резюме этой статьи: «Цель. Прояснить роль жизнеспособности семьи и индивидуальной резилентности родителей... *Гипотеза.* Жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей, способствующими успешному совладанию с трудными жизненными ситуациями... *Вывод.* ... жизнеспособность семьи и индивидуальная резилентность родителей являются психологическими ресурсами детей дошкольного и младшего школьного возраста» (Ульянина и др., 2025, с. 127). При этом в переводе на английский язык аннотации и ключевых слов для характеристики и отдельных людей (родителей), и групп (семей) дается один и тот же термин «*resilience*» (соответственно: *individual resilience, family resilience*).

Со стороны редакции, включая и мнение главного редактора, поступило предложение либо оставить один русский термин, либо определить в статье значение каждого из двух использованных. Авторы остановились на втором предложении. В итоге термин «жизнеспособность» оставили для характеристики семьи, а термин «резилентность» — для индивидуальной характеристики родителей детей, пострадавших в результате боевых действий.

Как же аргументируют авторы это удвоение терминов? Какие (как можно было бы предположить, разные) значения вкладывают в содержание этих терминов? Обратимся к тексту статьи: «Индивидуальная резилентность понимается как способность быстрого восстановления после травмы, трагической ситуации, негативных воздействий или угроз. Вслед за Д.А. Леонтьевым (Леонтьев, 2025), — пишут авторы, — в статье использован термин-калька с английского “*resilience*”, так как однозначного перевода этого термина на русский язык нет: в литературе, посвященной данной проблематике, встречаются разные варианты перевода: от жизнестойкости до жизнеспособности. В отличие от индивидуальной резилентности, за термином “*family resilience*” закрепился устойчивый перевод — “жизнеспособность семьи”» (Ульянина и др., 2025, с. 132). Мы видим, таким образом, что авторы не дают какого-то отличного

по содержанию от определения термина резилентность, когда пишут о жизнеспособности семьи. Из сказанного следует, что причиной его использования является просто некая традиция, о которой пишет Д.А. Леонтьев в статье, к которой отсылают авторы.

Для уточнения следует все же сказать, что перевод английского *resilience* как жизнестойкости встречается крайне редко. Это можно объяснить тем, что образованные авторы отличают термин «жизнестойкость» (*hardiness*) от термина «жизнеспособность» (*resilience*) во многом благодаря тому же Д.А. Леонтьеву, который ранее ввел в научный оборот термин «жизнестойкость» (англ. *hardiness*). И этот термин действительно «прижился» в русскоязычном сегменте. Зато нет недостатка в терминах-кальках с английского *resilience*. Как только его не пишут кириллицей! И резилентность, и резильентность, и резилие(я)нтность, и резильянс. Эти термины-кальки в больших количествах встречаются как в психологических, так и в педагогических русскоязычных текстах, причем в одном и том же значении. Д.А. Леонтьев в упомянутой выше статье предлагает ввести в оборот именно слово «резилентность», чтобы уйти от множественности переводов соответствующего английского слова, которое, как он пишет, переводят как упругость, стойкость, устойчивость, жизнеспособность, жизнестойкость. Обоснование такого предпочтения не кажется нам убедительным.

Если говорить о традиции или традициях, то следует, видимо, начать с традиции использования термина *resilience* в англоязычной литературе, откуда он и был заимствован отечественными пси-

хологами. Впервые термин *resilience* использовала М. Сквилл в 1942 г., анализируя работу сотрудников социальных служб, вывозивших детей из английских городов в деревни, чтобы спасти от бомбежек фашистской авиации (Scoville, 1942). Позже Дж. Вэйлант в 1993 г. предложил образное сравнение *resilience* у людей со «свежими веточками на живом основном корне. Когда их сгибают, такие ветки изгибаются, но не ломаются, а выпрямляются обратно и **продолжают расти**» (Vaillant, 1993, с. 285). В этой цитате нами выделены курсивом слова, важные, с нашей точки зрения, для дальнейшего разговора.

С тех пор в англоязычной литературе не заканчиваются дискуссии о значении термина *resilience*. Синхронно нашей статье, нацеленной на полемику в связи с обозначенной в заголовке проблемой, в *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* (Taylor & Francis) в 2025 г. вышел тематический номер, посвященный методологическим инновациям, этапам развития концепта *resilience* и его современным прочтениям. Наиболее популярные концепты *resilience* в психологии приравнивают его к способности: 1) противостоять негативному влиянию стрессовых факторов, 2) «восстанавливаться» после стресса и/или 3) развиваться благодаря воздействию стрессовых факторов (Hill et al., 2025). Авторы рассматривают эти три концепта *resilience*, утверждая, что они отражают разное содержание этого понятия. Исторически общую динамику активного научного использования на протяжении почти полувека *resilience* можно описать так: от понимания термина *resilience* как **черты** характера к его трактовке как динами-

ческой способности человека не только к восстановлению, но и **последующему развитию** — вспомним о продолжающих расти веточках Дж. Вейланта. И это принципиальное изменение в концептуализации понятия по сравнению с первоначальной его трактовкой как черты характера способно продвинуть область исследований вперед и добавить новые, ценные результаты (Hill et al., 2025). Для многих российских психологов эта принципиальная трансформация понятия **от черты к процессу**, произошедшая в начале XXI века, осталась незамеченной.

В отечественной психологии к сегодняшнему дню сложились две традиции перевода и, соответственно, трактовки содержания термина *resilience*, и вовсе не в логике использовать перевод «резилентность» для оценки характера/личности отдельного человека, а перевод «жизнеспособность» — для оценки семьи или других социальных групп (школы, организации и т.п.).

Перевод *resilience* как жизнеспособности в отечественной психологической литературе был предложен в начале 2000-х гг. (Makhnach, Laktionova, 2005; Махнач, 2006). Выбор этого русского слова произошел во многом благодаря работам российских философов, историков, физиологов (Б.Г. Ананьев, А.С. Ахиезер, А.А. Богданов, И.П. Павлов, О.С. Разумовский, Н.Ф. Реймерс, М.Ю. Хазов, И.И. Шмальгаузен и др.), которые подчеркивали **развитие** как необходимую характеристику жизни человека, либо употребляя сам термин «жизнеспособность» в близком современному его пониманию, как это сделал, например, Б.Г. Ананьев, либо анализируя соответствующую феноменологию с использова-

нием других слов (Махнач, 2012). Именно следуя работам российских ученых, А.В. Махначем и была предложена не калька с английского «резилиенс» (или какие-либо иные варианты написания этого слова), а наполненное жизненным смыслом понятие «жизнеспособность» как способность человека жить.

На конференции «Методологические и контекстуальные вызовы в изучении *resilience* детей» (Methodological and contextual challenges researching childhood resilience), Университет Далхузи, Галифакс, Канада (13–16.03.2003) в докладе А.В. Махнача «Проблемы изучения жизнеспособности в России» был предложен для термина *resilience* перевод «жизнеспособность». Позже он стал использоваться во многих отечественных психологических исследованиях как наиболее точно концептуализирующий тот подход к изучению феноменологии этого понятия, который сложился в западной психологии к началу XXI века. В этой традиции за термином «жизнеспособность» закрепилось следующее содержание: «Способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способности к жизни во всех ее проявлениях, базирующейся на воле к жизни» (Махнач, 2012, с. 92). Если на начальном этапе становления этой традиции жизнеспособность анализировалась применительно к индивиду, то позднее были проведены исследования жизнеспособности семьи и других социальных групп. Теоретические, эмпирические и прикладные исследования понятия и феномена жизнеспособности отразились

во внушительном количестве исследований. С 2014 по 2025 гг. в РИНЦ отражена 481 публикация по проблемам жизнеспособности человека, семьи, организации и т.п. Упомянем некоторые из них (Васильева, 2021; Кузьмина, 2025; Махнач, Толстых, 2018; Ступак, Капустина, 2025; Плющева, 2023). Проблемам жизнеспособности посвящены ряд защищенных в последние годы докторских диссертаций (Котовская, 2023; Лактионова, 2025; Нестерова, 2011; Паатова, 2018; Рыльская, 2014 и др.).

Другая сложившаяся в отечественной психологии традиция базируется на переводе-кальке — «резилентность» в разных вариантах написания (резильентность, резилиентность, резилиантность, резильянс, резильенс, резилиенс, резилианс и т.п.). Понятие «резилентность» становится популярным и даже модным, что и отражается в большом количестве исследований с ключевыми словами — версиями слова «резилентность». По базе РИНЦ в сопоставимый период с 2014 по 2025 гг. их насчитывается около 250.

Начиная с 2010-х гг. этот неопределяемый и как бы само собой разумеющийся термин широко распространился в педагогических науках с различными коннотациями: резилентность социальная, школьная, академическая, учительская, образовательная, психологическая, ментальная, личностная (личная), эмоциональная, культурная, экономическая, территориальная, институциональная, региональная, оперативная. С резилентностью соотнесены множество предметов исследования: технологии, методики (уровни, этапы, условия) развития, предикторы, факторы формирования, компоненты, показатели, поведение, ано-

малии, измерение/оценка, индекс(ы), повышение, модели, персонификация, функции, профилактический потенциал, предпосылки, экосистемы, результаты, социальная работа, бизнес, школьная администрация и даже резилиенс-гимнастика (диагностика, диета, менеджмент). Специально подчеркнем, что в рамках этой традиции речь первоначально шла о разного рода социальных и экономических системах, социальных группах и организациях (школы, системы государственного управления, города, территории), а не об отдельных индивидах. Сказанное прямо противоречит тому, что мы читаем в статье О.А. Ульяниной с соавт.: «В отличие от индивидуальной резилентности, — пишут они со ссылкой на упомянутую статью Д.А. Леонтьева, — за термином “*family resilience*” закрепился устойчивый перевод — “жизнеспособность семьи”» (Ульянина и др., 2025, с. 132). В своей работе Д.А. Леонтьев прямо не пишет, что следует использовать термин «резилентность» для характеристики отдельного человека, хотя из контекста статьи, посвященной проблемам копинга/совладания, посттравматического роста и т.п., ясно, что термин соотносим им именно с индивидом, а не семьей или иной социальной группой.

Но дело в данном случае даже не в том, с чем соотносить термин «резилентность», а в том, как Д.А. Леонтьев его трактует. «Понятие резилентности, — пишет он, — по сути феноменологическое, оно обозначает скорее наблюдаемый результат, чем теоретически постулируемые процессы и механизмы, поэтому оно хорошо подходит на роль обобщающего понятия, охватывающего разные аспекты и уровни *сохранения* и

восстановления целостности. При этом если столь же обобщенное понятие овладения делает упор на процессах, разворачивающихся в соответствующей ситуации, то понятие резилентности подчеркивает **результат**, не уделяя большого внимания способам его достижения» (Леонтьев, 2025, с. 9). Мы выделили курсивом слова из цитаты, чтобы подчеркнуть приверженность автора к устаревшему взгляду на *resilience* как на фиксацию возвращения индивида к исходному состоянию. Как было отмечено выше, к началу нового века научный мир пришел к иному пониманию *resilience* — как термину, определяющему процессы и динамику не просто через восстановление после некоего травмирующего воздействия, но путем дальнейшего развития индивида/субъекта/личности. И в этом контексте, с нашей точки зрения, более точным является термин «жизнеспособность».

Обратимся здесь же к этимологии слов «*resilience*» и «жизнеспособность». Семантически *resilience* (от лат. *re* — назад, *salire* — прыгать/скакать) означает «отскакивать назад», что акцентирует в значении термина *resilience* **реактивность**, тогда как «жизнеспособность» подчеркивает **проактивность** и развитие человека, внося в содержание понятия динамичность и изменчивость (Махнач, 2012). Заметим, кстати, принципиальное различие в двухкоренных терминах «жизнестойкость» и «жизнеспособность», которые нередко путают. Обратим внимание на вторые корневые семьи этих слов: они в первом случае указывают на «стоять», а во втором — на «жить», что не одно и то же. Как известно, первоначально термин *resilience*

использовался для характеристики неживых объектов, в частности металлических конструкций, способных выдерживать нагрузки, оставаясь неизменными. Но для живого организма жизнеспособность — способность жить — означает постоянный рост, изменение, развитие.

В конце концов, выбор традиции — использовать термин «жизнеспособность» или любую из калек с английского «*resilience*» — дело каждого исследователя. Неточность понимания содержания и, соответственно, применения понятия «резилентность» может, однако, приводить к неожиданным следствиям. Например, один из авторов объясняет «резилентность» через понятие «жизнеспособность», что еще больше усложняет понимание сути как первого, так и второго понятия: «*Резилентность* отражает *жизнеспособность* субъекта в условиях возникающих затруднений, готовность преодолевать препятствия, способность противостоять препятствиям на пути достижения цели» (Райхельгауз, 2020, с. 33).

Проблема, с нашей точки зрения, особенно остро встает в том случае, когда оба эти термина использованы в одной и той же публикации, что и имеет место в статье О.А. Ульяниной с соавт. (2025). Думается, одной из причин этой «встречи» является использование двух методик, одна из которых имеет название «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII) (Гусарова и др., 2024) и применяется для оценки семьи, а вторая — «Краткая шкала резилентности» (Маркова и др., 2022) — для оценки каждого из родителей ребенка, пережившего травматический опыт.

На вопросе использования в исследованиях методик психодиагностики жизнеспособности/резилентности стоит остановиться отдельно. Подавляющее большинство русскоязычных методик представляют собой адаптацию зарубежных опросников. В оригинале все они были направлены на диагностику *resilience* у детей, подростков, взрослых, семей, групп и коллективов. Вместе с тем в процессе перевода и адаптации какие-то из них рассматриваются авторами этих адаптаций направленными на диагностику жизнеспособности, а какие-то — резилентности. При этом никакого объяснения выбора того или иного термина обычно не приводится. Важный момент состоит в том, что оригиналы переводимых методик были взяты из исследований, проведенных в разных теоретических контекстах и на разных временных этапах разработки концепта *resilience*.

Среди тестов, созданных для измерения *resilience* и использующих в названии слова «резилентность» или «устойчивость», валидизацию на российской выборке прошли немногие: «Краткая шкала резилентности» (Brief Resilience Scale, BRS) Б. Смита и его коллег (Маркова и др., 2022), краткий вариант опросника «Шкала оценки резилентности» К. Коннор и Дж. Дэвидсона (10-item Connor–Davidson Resilience Scale) (Nartova-Bochaver et al., 2021). Была также переведена на русский язык «The Ego Resiliency Scale Revised; ER89-R» Дж. Блока и А. Кремена, названная «Шкалой устойчивости личности» (Denovan et al., 2022). Все эти методики в оригинале были созданы во времена, когда *resilience* рассматривалась как черта личности.

Методика «The Academic Resilience Scale; ARS-30» С. Кэссиди была валидизирована дважды, в одном случае получив название «Шкала академической резилентности» (Звягинцев, 2021), в другом — «Шкала академической жизнеспособности» (Постылякова, 2021). Ряд переводных методик содержат в названии слово «жизнеспособность»: «Шкала факторов жизнеспособности» (Куфтяк, 2017), тест «Жизнеспособность детей и молодежи» (Лактионова, Махнач, 2007).

Наконец, в последние годы российскими психологами были разработаны оригинальные авторские методики диагностики жизнеспособности: методика «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017), «Тест жизнеспособности человека» (Рыльская, 2016), методика «Жизнеспособность специалиста экстремальной профессии» (Котовская, 2023), тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2012). Во всех этих методиках термин «жизнеспособность» использован не случайно, а с опорой на современное его понимание как способности жить, развиваться, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Кстати, ничего подобного в традиции использования «резилентности» сделано не было.

Подводя краткий итог, еще раз акцентируем нашу позицию: мы считаем целесообразным на современном этапе научной разработки проблематики жизнеспособности/резилентности использовать первый из этих терминов не только как более теоретически проработанный, но и как идущий в русле мировой тенденции трактовки термина *resilience*. Идею соотносить резилент-

ность с индивидом/субъектом/личностью, а жизнеспособность — с семьей или иными социальными группами полагаем теоретически необоснованной, непродуктивной и даже вредной. Почему бы не договориться о едином русском термине, как это произошло с термином «жизнестойкость»? Никому же в голову не приходит использовать кальку этого понятия с английского — «хардинесность» или «хардинес»: хардинесность личности, проявление хардинеса в семейной жизни!

Считаем также важным подчеркнуть необходимость серьезного подхода к выбору исследовательского инструментария с учетом сказанного выше о содержании терминов «жизнеспособность» и «резилентность». Имеющиеся методики не только по-разному

называются, но и оценивают разное. Если англоязычные оригинальные методики оценки *resilience* как свойства характера/личности были разработаны до 2000-х гг. (а именно такие методики легли в основу адаптации их для русскоязычной выборки со словом «резилентность» в названии), то они и нацелены на диагностику *resilience*/резилентности как черты личности. Те методики, которые были созданы уже в новом веке как зарубежными, так и отечественными исследователями, в особенности специально разработанные для изучения жизнеспособности, направлены на оценку *resilience*/жизнеспособности не как черты личности, а как значительно более широко понимаемого социально-психологического феномена.

Список источников / References

1. Васильева, С.Н. (2021). Методология и структура тренинга развития жизнеспособности студентов. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 1, 40–49. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.40-49>
Vasilyeva, S.N. (2021). Methodology and structure of training for the development of students' resilience. *Bulletin of Omsk University. Series: Psychology*, 1, 40–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2021.1.40-49>
2. Гусарова, Е.С., Одинцова, М.А., Козырева, Н.В., Кузьмина, Е.И. (2024). «Шкала оценки жизнеспособности семьи» (FRAS-RII): новая версия. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 21(1), 8–31. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
Gusarova, E.S., Odintsova, M.A., Kozyreva, N.V., Kuzmina, E.I. (2024). “Family Resilience Assessment Scale” (FRAS-RII): new version. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 21(1), 8–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2024-1-8-31>
3. Звягинцев, Р.С. (2021). Личностные характеристики учащихся резильентных и неблагополучных школ: разные дети или разные школы. *Вопросы образования*, 3, 33–61. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-33-61>
Zvyagintsev, R.S. (2021). Personality characteristics of students in resilient and disadvantaged schools: different children or different schools. *Educational Issues*, 3, 33–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-33-61>
4. Котовская, С.В. (2023). *Жизнеспособность специалиста экстремальной профессии как системное образование*: Дис. ... д-ра психол. наук. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.

- Kotovskaya, S.V. (2023). *Resilience of a specialist in an extreme profession as a systemic formation*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.)._Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. St. Petersburg. (In Russ.).
5. Кузьмина, А.С. (2025). Взаимосвязь жизнеспособности и психологического благополучия у женщин с угрозой прерывания беременности. *Аутизм и нарушения развития*, 23(4), 15–22. <https://doi.org/10.17759/autdd.2025230402>
- Kuzmina, A.S. (2025). The relationship between resilience and psychological well-being in women with the threat of termination of pregnancy. *Autism and Developmental Disorders*, 23(4), 15–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/autdd.2025230402>
6. Куфтяк, Е.В. (2017). Адаптация методики оценки факторов жизнеспособности. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 2(3), 140–154.
- Kuftyak, E.V. (2017). Adaptation of the methodology for assessing resilience factors. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2(3), 140–154. (In Russ.).
7. Лактионова, А.И. (2025). *Жизнеспособность человека в разные возрастные периоды*: Дис. ... д-ра психол. наук. Институт психологии РАН. М.
- Laktionova, A.I. (2025). *Human resilience at different age periods*: Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Institute of Psychology RAS. Moscow. (In Russ.).
8. Лактионова, А.И., Махнач, А.В. (2007). Влияние факторов жизнеспособности на социальную адаптацию подростков. В: Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдина (Ред.), *Ребенок в современном обществе. Сборник научных статей* (с. 184–191). М.: МГППУ.
- Laktionova, A.I., Makhnach, A.V. (2007). The influence of resilience factors on the social adaptation of adolescents. In: L.F. Obukhova, E.G. Yudina (Eds.), *The Child in Modern Society. A Collection of Scientific Articles* (pp. 184–191). Moscow: MSUPE. (In Russ.).
9. Леонтьев, Д.А. (2025). Совладание в контексте саморегуляции. Часть 1. Концептуальные проблемы и вызовы. *Психологический журнал*, 46(1), 5–13. <https://doi.org/10.31857/S02059592250100>
- Leontiev, D.A. (2025). Coping (sovladanie) in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological Journal*, 46(1), 5–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0205959225010014>
10. Маркова, В.И., Александрова, Л.А., Золотарева, А.А. (2022). Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью. *Национальный психологический журнал*, 45(1), 65–75. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
- Markova, V.I., Aleksandrova, L.A., Zolotareva, A.A. (2022). The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children. *National Psychological Journal*, 45(1), 65–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>
11. Махнач, А.В. (2006). Международная конференция по проблемам жизнеспособности детей и подростков. *Психологический журнал*, 27(2), 131–132.
- Makhnach, A.V. (2006). International conference on the problems of children and adolescents resilience. *Psychological Journal*, 27(2), 131–132. (In Russ.).
12. Махнач, А.В. (2012). Жизнеспособность как междисциплинарное понятие. *Психологический журнал*, 33(6), 84–98.

- Makhnach, A.V. (2012). Resilience as an interdisciplinary notion. *Psychological Journal*, 33(6), 84–98. (In Russ.).
13. Махнач, А.В., Толстых, Н.Н. (2018). Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители. *Социальная психология и общество*, 9(2), 127–149. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090209>
Makhnach, A.V., Tolstykh, N.N. (2018). Resilience as a characteristic of a social group of candidates for foster parents. *Social Psychology and Society*, 9(2), 127–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090209>
14. Нестерова, А.А. (2011). *Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы*: Дис. ... д-ра психол. наук. Российский гос. социальный ун-т. М.
Nesterova, A.A. (2011). *Social and psychological concept of youth resilience in the situation of job loss*: Diss. Dr. Sci. (Psychol). Russian State Social University. Moscow. (In Russ.).
15. Паатова, М.Э. (2019). *Концепция формирования социально-личностной жизнеспособности подростков с девиантным поведением в специальных образовательных организациях закрытого типа*: дис. ... д-ра пед. наук. Адыгейский государственный университет. Майкоп.
Paatova, M.E. (2019). *The formation of the concept of social and personal resilience of adolescents with deviant behavior in special educational closed-type organizations*: Diss. Dr. Sci. (Pedagogy). Adyghe State University. Maykop. (In Russ.).
16. Плющева, О.А. (2023). Роль супервизии в повышении профессиональной жизнеспособности. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 8(2), 86–119. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_004
Plyushcheva, O.A. (2023). The role of supervision in improving professional resilience. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, 8(2), 86–119. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2023_27_2_004
17. Постылякова, Ю.В. (2021). Адаптация шкалы академической жизнеспособности (ARS-30) С. Кэссиди на русскоязычной выборке. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 6(2), 74–98. https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004
Postylyakova, Yu.V. (2021). Russian validation of the Academic Resilience Scale (ARS-30) by S. Cassidy. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 6(2), 74–98. (In Russ.). https://doi.org/10.38098/ipran.opwp_2021_19_2_004
18. Райхельгауз, Л.Б. (2020). Дефинитивный анализ понятия «академическая резильентность». *Ярославский педагогический вестник*, 3(114), 32–40. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-3-114-32-40>
Raikhelgauz, L.B. (2020). Definitive analysis of the concept of “Academic Resilience”. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 3(114), 32–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-3-114-32-40>
19. Рыльская, Е.А. (2014). *Психология жизнеспособности человека*: Дис. ... д-ра психол. наук. Ярославский гос. пед. ун-т. Ярославль.
Rylskaya, E.A. (2014). *Psychology of human resilience*: Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Yaroslavl State Pedagogical University. Yaroslavl. (In Russ.).
20. Ступак, Е.В., Капустина, В.А. (2025). Взаимосвязь жизнеспособности семьи с характеристиками супружеских отношений в семьях с детьми. *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology*, 8(1), 20–32. <https://doi.org/10.12731/iJASES266>

- Stupak, E.V., Kapustina, V.A. (2025). The relationship between family resilience and characteristics of marital relations in families with children. *International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology*, 8(1), 20–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.12731/iJASES266>
21. Ульянина, О.А., Юрчук, О.Л., Александрова, Л.А., Никифорова, Е.А., Файзуллина, К.А. (2025). Семья как ресурс совладания с трудной жизненной ситуацией у детей, пострадавших в результате боевых действий. *Социальная психология и общество*, 16(4), 127–147. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>
- Ulyanina, O.A., Yurchuk, O.L., Alexandrova, L.A., Nikiforova, E.A., Fayzullina, K.A. (2025). Family as a resource for overcoming difficult life situations in children affected by hostilities. *Social Psychology and Society*, 16(4), 127–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160408>
22. Denovan, A., Drinkwater, K., Dagnall, N., Hill-Artamonova, E., Musienko, T.V. (2022). Confirmatory factor analysis and Rasch analysis of the Russian version of the Ego Resiliency Scale revised. *National Security and Strategic Planning*, 1, 82–96. <https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-1-82-96>
23. Hill, Y., Dolezal, M.L., Nordbeck, P.C., Den Hartigh, R.J.R., Pincus, D., Kiefer, A.W., Ricca, B.P. (2025). Moving from traits to the dynamic process: The next steps in research on human resilience. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 34(7), 971–989. <https://doi.org/10.1080/10926771.2024.2431733>
24. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma* (2025), 34(7). <https://www.tandfonline.com/toc/wamt20/34/7>
25. Makhnach, A., Laktionova, A. (2005). Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family. In: M. Ungar (Ed.). *Handbook for working with children and youth. Pathways to Resilience across cultures and contexts*, (pp. 371–386). Thousand Oaks: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781412976312.n23>
26. Nartova-Bochaver, S., Korneev, A., Bochaver, K. (2021). Validation of the 10-Item Connor–Davidson Resilience Scale: The case of Russian youth. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 611026. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.611026>
27. Scoville, M.C. (1942). Wartime tasks of psychiatric social workers in Great Britain. *American Journal of Psychiatry*, 99(3), 358–363. <https://doi.org/10.1176/ajp.99.3.358>
28. Vaillant, G.E. (1993). *The wisdom of the Ego: Sources of resilience in adult life*. Cambridge: Harvard University Press.

Информация об авторах

Наталья Николаевна Толстых, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социальная психология развития» факультета социальной психологии, главный редактор журнала «Социальная психология и общество», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Александр Валентинович Махнач, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, заместитель директора по научной работе, Институт психологии Российской академии наук (ФГБун ИП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Толстых Н.Н., Махнач А.В. (2026)
Об удвоении термина: жизнеспособность
и/или резилентность?
Социальная психология и общество,
17(1), 187–198.

Tolstykh N.N., Makhnach A.V. (2026)
On the doubling of the term:
Zhiznesposobnost and / or Resilience
Social Psychology and Society,
17(1), 187–198.

Information about the authors

Nataliia N. Tolstykh, Doctor of Science (Psychology), Head of the Department of Social Psychology of Development, Faculty of Social Psychology, Editor-in-chief of the journal “Social Psychology and Society”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3999-4503>, e-mail: tolstykhnn@mgppu.ru

Alexander V. Makhnach, Doctor of Science (Psychology), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Deputy Director for Research, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Вклад авторов

Авторы приняли равное участие в обсуждении и подготовке текста.

Contribution of the authors

The authors took equal part in the discussion and preparation of the text.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 05.03.2026
Поступила после рецензирования 05.03.2026
Принята к публикации 19.03.2026
Опубликована 30.03.2026

Received 2026.03.05
Revised 2026.03.05
Accepted 2026.03.19
Published 2026.03.30

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Межкультурная коммуникация в психологическом консультировании

Е.А. Александрова ✉, В.А. Шорохова

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация
✉ aleksandrovaea@mgppu.ru

Резюме

В статье представлен отчет о работе международной научно-практической конференции «Этнопсихология: теория и практика», которая проходила 21–22 ноября 2025 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. Также в статье отражено содержание пленарного и секционных заседаний, мастер-классов и круглых столов. Комплекс вопросов и проблем, рассмотренных в ходе работы конференции, показывает актуальность проблематики исследований в области этнопсихологии, психологической антропологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: этнопсихология, кросс-культурная психология, психология религии, мультикультурный подход в психологическом консультировании, полевая антропология

Для цитирования: Александрова, Е.А., Шорохова, В.А. (2026). Межкультурная коммуникация в психологическом консультировании. *Социальная психология и общество*, 17(1), 199–209. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170113>

Intercultural communication in psychological counseling

Е.А. Aleksandrova ✉, V.A. Shorokhova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation
✉ aleksandrovaea@mgppu.ru

Abstract

This article presents a report on the international scientific and practical conference “Ethnopsychology: Theory and Practice,” which was held on November 21–22, 2025, at the Moscow State University of Psychology and Education. It covers the content of the plenary and sectional sessions, master classes, and roundtable discussions. The range of issues and problems raised during

© Александрова Е.А., Шорохова В.А., 2026

CC BY-NC

the conference reflects current research concerns in the fields of ethnopsychology, anthropology and intercultural communication.

Keywords: *ethnopsychology, cross-cultural psychology, psychology of religion, multicultural approach in psychological counseling, field anthropology*

For citation: Aleksandrova, E.A., Shorokhova, V.A. (2026). Intercultural communication in psychological counseling. *Social psychology and society*, 17(1), 199–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170113>

Знаменательным событием в жизни научного сообщества стало проведение 21–22 ноября 2025 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) Международной научно-практической конференции «Этнопсихология: теория и практика. Межкультурная коммуникация в профессиональном взаимодействии», организованной факультетом «Социальная психология». В работе конференции приняли участие отечественные ученые из Москвы, Белгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Елабуги, Ижевска, Калининграда, Калуги, Краснодар, Красноярск, Нальчика, Пензы, Перми, Рязани, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ставрополя, Сургута, Томска, Уфы, Ханты-Мансийска, Челябинска, Элисты, Якутска. Активное участие приняли зарубежные ученые из Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Монголии, Объединенных Арабских Эмиратов, Сербии, Узбекистана. К обсуждаемым на конференции проблемам проявили интерес не только научные сотрудники, преподаватели вузов, но и школьные учителя, психологи-консультанты, студенты.

Кратким вступительным словом конференцию открыла декан факультета «Социальная психология» МГППУ, профессор Т.Ю. Маринова. Она при-

ветствовала собравшихся, отметила актуальность и практическую значимость в современных условиях изучения процессов взаимодействия и взаимовлияния культур, подчеркнув тем самым важность проведения данного научного форума. Татьяна Юрьевна пожелала участникам конференции конструктивного диалога, ярких идей, успешной и плодотворной работы.

Конференцию открыло пленарное заседание, на котором было заслушано 5 докладов. В дальнейшем была организована работа 6 секций и 3 круглых столов, 9 мастер-классов.

А.Н. Татарко, д-р психол. наук, директор Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ в докладе «Взаимосвязь культурной дистанции и аккультурационных предпочтений в шести постсоветских странах» представил анализ результатов масштабного исследования характера взаимосвязи между воспринимаемой культурной дистанцией и аккультурационными предпочтениями представителей этнического большинства и меньшинства в шести постсоветских странах: Армения, Эстония, Грузия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Аккультурационные предпочтения были описаны и проанализированы сквозь призму выбора различных стратегий (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) в

зависимости от внутреннего и внешнего культурного контекста рассматриваемых групп.

Доклад Е.А. Варшавера, канд. соц. наук, доцента НИУ ВШЭ «Стучась в ту же дверь с другой стороны: когнитивный поворот в социальных науках» был посвящен обсуждению разрабатываемой автором дескриптивной модели этничности (ДМЭ). Репрезентируемая в качестве когнитивного поворота в исследованиях этничности модель ориентирована на отказ от «группизма» в изучении этничности в пользу «распаковки» когнитивных схем, в которых социальные представления категоризируются как этнические. Представленные в докладе идеи требуют междисциплинарного анализа и слаженной научной работы специалистов разного профиля, в частности, культурологов и культурных антропологов в кооперации с социологами, социальными психологами и этнопсихологами.

Актуальной проблеме учета культурного аспекта при индивидуальном и семейном консультировании при работе с детско-родительскими отношениями независимо от возраста детей и их родителей был посвящен доклад д-ра психол. наук, профессора Государственного университета просвещения А.А. Нестеровой на тему: «Культурные паттерны детско-родительских отношений на протяжении жизни: кросс-культурный подход в психотерапии». Профессор Нестерова затронула важнейшие для практического применения вопросы мультикультурного консультирования и продемонстрировала пути дальнейшей теоретизации полученных эмпирическим путем результатов применения различных технологий психологического консультирования.

В докладе канд. психол. наук, доцента И.А. Новиковой, подготовленном совместно с коллегами из Российского университета дружбы народов канд. психол. наук П.А. Бычковой и канд. филол. наук, доцентом А.Л. Новиковым, на тему: «Межкультурная коммуникация и цифровизация: особенности отношения к цифровым образовательным технологиям у иностранных студентов из ближнего и дальнего зарубежья» были представлены эмпирические данные об особенностях отношения к цифровым образовательным технологиям (ЦОТ) у студентов из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана, Китая и Вьетнама в сравнении с российскими студентами. Также в докладе представлены результаты анализа связи отношения к ЦОТ с типами академической мотивации и личностными чертами студентов из этих подгрупп. В докладе учтен многолетний опыт РУДН по работе с иностранными студентами и осуществлению кооперации их с российскими студентами в образовательном процессе, что делает представленные результаты актуальными и практико-ориентированными.

Завершил пленарное заседание доклад профессора О.С. Павловой, канд. психол. наук, зав. кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ на тему: «Культурная специфика психологического консультирования: российский контекст и опыт». Ольга Сергеевна стоит у истоков мультикультурного консультирования в России и благодаря своему опыту представила в докладе как практические примеры, так и глубокую аналитику целого ряда сопряженных с тематикой доклада проблем.

Обсуждение приоритетных направлений развития этнической и кросс-культурной психологии, обозначенных в докладах на пленарном заседании, было продолжено в рамках работы научных секций.

На секции «Теоретико-методологические подходы к изучению межкультурной коммуникации» (модераторы — канд. психол. наук В.А. Шорохова, канд. психол. наук А.Н. Низовцова) прозвучали доклады, посвященные проблемам межкультурного взаимодействия. Рассмотрена коммуникация между представителями разных этносов, а также влияние разнообразных индивидуально-личностных и социально-психологических факторов на ее эффективность. В частности, в контексте межкультурной коммуникации обсуждались такие вопросы, как: структура ценностей татарской молодежи (Р.Б. Акжигитов, Пенза), содержание представлений о корейцах (А.В. Кабошкина, Москва), японцах (А. Мирей, Москва) и египтянах (Ю.А. Салех, Москва). Были подняты вопросы представлений о мигрантах (А.Д. Войно, В.А. Шорохова, Москва), проблема восприятия дружбы индийцами (Ю.Д. Гавронова, Смоленск), народного танца китайцами (О.В. Митина, Ж. Цуй, Москва), пения крезя у берсермян (Е.В. Мещерская-Робустова, Москва). Интересный доклад был посвящен построению имиджа многомерного этноса на материале китайских респондентов (О.В. Митина, Д. Цзоу, Москва), а также особенностям отцовского поведения по итогам исследования в 16 странах (В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, О.В. Семенова, Москва).

В ряде докладов была показана связь эффективности межкультурной

коммуникации с различными феноменами: вербальным этикетом (С.Д. Гуриева, Санкт-Петербург), прощением (А.В. Суднищикова, В.Ю. Хотинец, Ижевск, Россия), надеждой (В.Э. Ивенков, Москва), мотивацией к межкультурному взаимодействию (Я.П. Зверовская, Москва). Отдельно были представлены данные адаптации на русскоязычной выборке «Опросника репрезентаций Бога» (Б.И. Ивашкевич, Москва).

На секционном заседании «Идентичности, психологическое благополучие и здоровье россиян в кросс-культурном контексте» под руководством канд. психол. наук З.Х. Лепшковой, д-ра психол. наук О.Р. Тучиной и канд. психол. наук Н.В. Ткаченко прозвучали доклады, посвященные содержанию социальной идентичности и ее видам: этнической (О.Е. Панич, В.А. Остапенко, Белгород), гражданской (Е.Ш. Комягинская, Москва; Т.Е. Ляпина, С.Д. Гуриева, Санкт-Петербург), городской (О.Р. Тучина, Краснодар), религиозной (В.А. Шорохова, Москва), профессиональной (А.И. Узойкина, Москва); динамике этнической идентичности молодежи в Республике Молдова (И.И. Кауненко, Кишинев; Л.Ф. Хорозова, Комрат); характеру взаимосвязи множественной социальной идентичности с психологическим (З.Х. Лепшкова, Москва; К.С. Нукаева, Москва), субъективным (И.А. Керимова, Москва), экономическим (О.Н. Гагаева, Москва) благополучием, а также с ценностно-смысловой сферой личности на примере бурятских, калмыцких и тувинских студентов (Б.С. Шевельденева, Москва).

Интерес у слушателей вызвали доклады, в которых анализировались дан-

ные эмпирических исследований адаптации вынужденных мигрантов из новых территорий и Украины в Краснодарском крае (В.Н. Галяпина, НИУ ВШЭ, Москва), а также отношения российской молодежи к межкультурному сотрудничеству России и Беларуси (Н.В. Муращенкова, В.В. Гриценко, Москва).

Самая многочисленная секция «Межкультурная коммуникация и развитие межкультурной компетентности в образовательном пространстве» прошла под руководством канд. пед. наук О.С. Павловой, канд. психол. наук Т.Н. Банщиковой и канд. психол. наук Ю.Ю. Джуад. На обсуждение были поставлены вопросы методического сопровождения деятельности образовательных организаций субъектов Российской Федерации по психологической и социокультурной адаптации детей иностранных граждан (Т.И. Сизова, М.Л. Солдатенкова, Москва; И.В. Выборцева, Калужская область; О.И. Склюева, Пермь; Е.С. Соколова, Ленинградская область; В.А. Каверина, А.В. Миронов, Ханты-Мансийск; Т.С. Воробьева, Челябинск; Ю.О. Новгородова, В.Ю. Хотинец, Ижевск; В.Ю. Каверина, А.В. Миронов, Ханты-Мансийск).

Наряду с проблемой методического сопровождения активно обсуждались вопросы адаптации студентов из разных стран в системе высшего образования как в России (Т.Н. Банщикова, М.Л. Соколовский, Ставрополь; Ю.С. Джуад, Москва; В.В. Задорин, Волгоград; О.В. Маслова, Москва), так и в зарубежных странах. Сообщения строились на исследованиях на материале Республики Беларусь (М.Л. Кривуть, Барановичи; Д.П. Лямин, Минск); Республики

Азербайджан (И.О. Мамедова, Баку); Республики Узбекистан (М.Б. Юлдашева, Фергана). Был доложен результат анализа влияния различных факторов на успешность академической, бытовой, социально-психологической адаптации иностранных студентов: роли креативности (М.А. Бульцева, К.С.А. Берриос, Москва; А.И. Троянская, Ижевск); языка (О.А. Морозова, Москва); школы студенческого наставничества (А.Е. Заварницина, Ханты-Мансийск).

Интерес у слушателей вызвали также доклады, посвященные вопросам подготовки будущих специалистов к работе в поликультурной среде (А.В. Вознюк, Е.Ю. Бекасова, Москва; А.А. Светкина, Екатеринбург; Т.Л. Смолина, Санкт-Петербург; Н.Л. Фекличева, Москва; О.И. Титова, Красноярск; Н.И. Хохлова, О.Ю. Муллер, Сургут; И.В. Черемисова, Рязань; Г.С. Шабас, Екатеринбург).

Следует отметить также плодотворную работу секции «Межкультурная коммуникация и развитие межкультурной компетентности в различных сферах профессионального взаимодействия: управление персоналом, бизнес, туризм, спорт и др.» (модераторы — д-р психол. наук Е.В. Звонова и канд. культурологии Е.А. Александрова).

Основной акцент в докладах был сделан на обсуждении развития межкультурной компетентности в сфере управления персоналом (канд. культурологии О.Е. Данчевская, PhD А.В. Матвеев, Москва), бизнесе (М.Э. Джаши, Москва), организациях «будущего» (Т.Н. Лобанова, РАНХиГС, Москва); средств развития межкультурной коммуникации (д-р психол. наук Е.В. Звонова, Москва), а также специфики построения

культурно-сензитивной деловой коммуникации с представителями стран Востока (Е.Д. Васильева, Е.Ш. Комягинская, Н.М. Лебедева, Москва), в том числе Китая (О.И. Ким, Москва). Презентации докладов отражали подходы авторов и их коммуникативные стратегии, что сделало заседание ярким и запоминающимся. На секции присутствовало очень много студентов разных курсов и специальностей, которые задавали вопросы и участвовали в профессиональной дискуссии.

Актуальными для обсуждения на секции «Межкультурная коммуникация и развитие межкультурной компетентности в сфере здравоохранения» (модераторы — К.А. Барский и Н.В. Тарулина) стали проблемы медицинского и социально-психологического консультирования и сопровождения людей, находящихся в миграции (К.А. Барский, Д.А. Корнев, Москва; А.С. Петров, Москва; Л.М. Пучкова, Д.А. Корнев, Москва; Е.А. Цыплакова, В.А. Шорохова, Москва). Были рассмотрены проблемы развития межкультурной компетентности у студентов-медиков (канд. психол. наук С.В. Фролова, Сеченовский университет, Москва) и ее роль в их профессиональной деятельности (Э. Юлдашев, Москва). Интересный и важный ракурс межкультурной коммуникации в сфере здравоохранения показан в исследовании О.А. Арестовой и канд. психол. наук Ван Жуйхань (МГУ, Москва) «Психологические особенности молодежи с близорукостью и отношение к проблемам миопии в китайской культуре».

Основной вектор обсуждений на секции «Мультикультурный подход в психологическом консультировании» (модераторы — канд. пси-

хол. наук А.М. Двойнин, канд. психол. наук М.Ю. Чибисова, канд. пед. наук О.С. Павлова) был задан выступлением М.Ю. Чибисовой и О.С. Павловой, посвященном поиску концептуального разрешения трудностей супервизорской группы для психологов, работающих в мультикультурной среде. Второй импульс задавало выступление д-ра психол. наук А.В. Сухарева о проблемах адаптации различных психотерапевтических подходов к клиентам из разных культур в эпоху постмодерна. Речь шла об адаптации рационально-эмотивно-поведенческого (Ф.Ф. Яхин, Уфа), нарративного (Н.Г. Барина, Москва — Дубай), арт-терапевтического (Н.Р. Назарова, Москва), системного и интегративного (С.В. Скляр, В.К. Жумадилова, Алматы, Казахстан; О.М. Щедринская, Москва — Ванкувер), гештальт-подхода (Ю.В. Брызньов, Москва) и других психотерапевтических подходов.

В фокусе обсуждения участников секции находились проблемы ментальных ресурсов клиента в психологическом консультировании (Р.Х. Ганиева, Магас; А.М. Двойнин, Москва); особенности оказания психологической помощи различным категориям населения. В частности, выступающие доложили о результатах исследований особенностей работы с инокультурными студентами (Е.В. Гуткевич, Томск; И.С. Тувина, Москва; Д.О. Майский, Москва) и мигрантами (В.И. Шацкая, Санкт-Петербург) в различных кризисных ситуациях (С.Б. Яблонская, Москва).

В рамках конференции состоялись заседания трех круглых столов.

Участниками круглого стола «Развитие идей Ольги Владимировны Хух-

лаевой в поликультурном образовании» (модератор — канд. психол. наук А.С. Кривцова) и круглого стола «Вклад Татьяны Гавриловны Стефаненко в отечественную этнопсихологическую школу» (модераторы — канд. психол. наук А.А. Чуганская и канд. психол. наук М.В. Котова) обсуждались основные идеи этнопедагогики и этнопсихологии. О.В. Хухлаева в своей профессиональной деятельности уделяла большое внимание творчеству. В рамках круглого стола памяти Ольги Владимировны разговор шел о перспективах развития ее идей на базе анализа их реализации в деятельности школьных и детских психологов. Были рассмотрены возможности развития творческих способностей у педагогов как одного из способов профилактики эмоционального выгорания. В выступлении детского и семейного, клинического, перинатального психолога Г.В. Базаевой были раскрыты особенности творческого наследия Ольги Владимировны и перспективы его применения в терапевтической работе в будущем. Автор раскрыла возможности работы со сказкой в образовании и возможности использования народных игр для развития коммуникативных навыков у современных детей. О возможностях программы психологического развития «Тропинка к своему Я» в работе педагога-психолога в начальной школе на круглом столе рассказала Е.Ю. Шурупова, канд. психол. наук, доцент МГППУ, педагог-психолог АНО ШКОЛА ПРЕЗИДЕНТ.

На круглом столе памяти Т.Г. Стефаненко обсуждались вопросы истории и перспектив развития этнопсихологии в контексте учения Татьяны Гавриловны. Несмотря на широкую представленность

основных вопросов и проблем этничности и этнической идентичности в гуманитарном дискурсе, подход Т.Г. Стефаненко остается уникальным и востребованным. В круглом столе приняли участие ученики Татьяны Гавриловны, которые не просто продолжают ее работу, а поддерживают созданную ей научную школу, коллеги Татьяны Гавриловны из числа профессорско-преподавательского состава психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Интерес вызвал круглый стол «Феномен “парадного портрета” в полевой практике культурных антропологов» (модераторы — канд. психол. наук А.С. Обухов и канд. культурологии Е.А. Александрова). В работе круглого стола приняли участие специалисты в полевой антропологии, медицине, социальной работе, руководившие секциями и мастер-классами на конференции, а также магистры различных программ МГППУ. Круглый стол прошел в форме свободной дискуссии, центральным вопросом для обсуждения в которой стал феномен «парадного портрета» как способ репрезентации сильных, ярких сторон себя и своей культуры. Участники делились опытом полевых исследований, каждый внес лепту в раскрытие центрального понятия дискуссии. Участники беседы пришли к выводу, что данный феномен можно рассматривать в качестве неотъемлемой части саморепрезентации человека, а также как фактор, влияющий на тип и стиль коммуникации между информантом и исследователем. Было уточнено и само понятие «парадный портрет» за счет его рассмотрения в двух плоскостях: установки по репрезентации и материальному выражению в требованиях обязатель-

ного парадного облачения информанта при условии фиксации разговора на визуальных носителях. Были затронуты важнейшие вопросы этики полевого исследования. Отдельная дискуссия прошла по вопросу методологии полевой работы. Одним из самых животрепещущих вопросов стал вопрос о степени погружения полевого исследователя в изучаемую культуру как с точки зрения овладения ее ценностями и нормами, так и с точки зрения языка взаимодействия. Феномен «парадного портрета» был описан как обязательная часть глубинного познания культуры, как объект для изучения и как инструмент, с помощью которого возможна «тонкая настройка» полевого инструментария.

В завершении работы конференции состоялось 9 мастер-классов:

Мастер-класс «Межкультурный воркшоп: геймифицированная онлайн-платформа для развития межкультурной компетентности иностранных и российских студентов» (ведущие — Е.В. Горинова и А.А. Глазкова, Центр толерантности, Москва). Мастер-класс был посвящен вопросам социокультурной адаптации студентов в условиях мультикультурной образовательной среды. В форме кейсов участникам были представлены сложные коммуникативные ситуации, возникающие между иностранными студентами, с одной стороны, и студентами и преподавателями из России — с другой. Была презентована двухступенчатая программа, позволяющая всем участникам коммуникации повысить уровень межкультурной компетентности. Программа реализуется при поддержке Фонда президентских грантов с участием студентов различных вузов.

Мастер-класс по созданию куклы Параскевы-Пятницы, женской помощницы и заступницы прошел под руководством канд. психол. наук А.С. Кривцовой (МГППУ, Москва). Участники мастер-класса познакомились с историей образа Параскевы-Пятницы, погрузились в русский фольклор, а также получили возможность своими руками сделать куклу-защитницу. Изготовление амулетов, изображений, создание образов является частью арт-терапии, то есть метода, направленного на решение психологических проблем и улучшение психоэмоционального состояния человека. При использовании потенциала этнической культуры, как это происходит при создании куклы Параскевы-Пятницы под руководством А.С. Кривцовой, увеличивается терапевтический эффект предложенной техники.

Танцевально-двигательный мастер-класс «Невербальная коммуникация в супружеской паре: движение, ритм, танец» (ведущая — Андреева-Ко-Сен-Дин-Малика, Санкт-Петербург) был посвящен исследованию способов взаимодействия через движение, сопровождался звуками бубна и варгана. Сочетание движения, ритма и телесного контакта во время танца показало себя эффективной практикой для создания безопасного пространства и невербального общения в работе психологов-консультантов.

На мастер-классе «Коммуникация на пересечении деловых культур» (ведущая — канд. пед. наук О.В. Ковбасюк, БФУ им. И. Канта, Калининград) основной упор был сделан на практическом решении кейсов, а также рефлексии и поиске результативных решений с целью

создания доверительных отношений с деловыми партнерами. Доверительные отношения необходимы для реального продвижения бизнес-проектов, для реализации долгосрочной коммуникации. Сочетание апробированных терапевтических техник и конкретных задач бизнеса дало замечательный практический результат для участников мастер-класса.

Мастер-класс «Трансцендентные роли клиента в разных религиозных конфессиях: как и зачем изображать Бога, Дьявола, Жизнь, Любовь и т.д. в психодраме?» (ведущая — О.И. Малинина, Институт психодрамы, коучинга и ролевого тренинга, Москва) был посвящен обсуждению того, в каких случаях в психотерапии можно и нужно использовать психодраматические трансцендентные роли (Бог, Пророк Мухаммад, Будда, Вера, Жизнь) для помощи клиентам различных мировоззрений и конфессий. Ведущая продемонстрировала некоторые преимущества и ограничения такой стратегии. В ходе психодраматических упражнений участники получили возможность методом психодрамы исследовать свои отношения со значимыми трансцендентными образами.

Участие в мастер-классе «Медико-социальное консультирование иностранных граждан в миграции» (ведущий — К.А. Барский, Фонд по профилактике социально-значимых заболеваний «Шаги», Москва) позволило разобраться в таких вопросах, как социальная изоляция, языковой барьер, нестабильный материальный уровень и ограниченный доступ к медицинским услугам для трудовых мигрантов, и сопряженными с этим проблемами ментального и физического здоровья. Особое внимание было

уделено работе мультидисциплинарных команд медиков, юристов, социальных работников силами некоммерческих организаций. Мастер-класс состоял из кейсов, а также из анализа методов онлайн-консультирования и удаленного сопровождения мигрантов.

Мастер-класс «Этнокультурные прототипы как материал для создания инструментов психологической помощи. На примере практики рассказывания кайданов — страшных историй — в Японии в эпоху Эдо» (ведущий — И.Е. Любитов, МГППУ, Москва) был посвящен исследованию этнокультурного прототипа рассказывания страшных историй в Японии Нового времени. На мастерской особое внимание обратили на принципиальные параметры этнокультурных прототипов, существенные при создании инструментов психологической помощи. В частности, было показано, каким образом прототип рассказывания кайданов может быть использован психологами-консультантами при создании психологических средств совладания со страхами, а также инструментов исследования страшного.

Мастер-класс «Цикл сезонности в работе с кризисом идентичности: лиминальный период и этнокультурные ритуалы перехода в психологии миграции» (ведущие — Э.Ш. Даутова и Е.А. Коновалова, Москва) построен на использовании метафоры сезонных изменений для описания и анализа социально-психологической адаптации в ситуации миграции, а также других жизненных перемен. Методологическую основу составила интегративная концепция цикла сезонности, а также опора на идею связи внешнего и внутреннего пространства сквозь призму пережи-

вания кризиса идентичности. В работе ведущие также использовали конструкт обряда перехода, что позволило подойти к рассматриваемым проблемам с культурно универсальной позиции.

Мастер-класс «Скандинавские руны в сказкотерапии» (ведущая — Г.В. Базаева, МГППУ, Москва) был посвящен тому, чтобы показать участникам возможности использования рун в качестве инструмента в психотерапевтической работе с бессознательным. Представленная техника используется для стимуляции самопознания участников. Ведущая еще раз доказала эффективность методики в рамках сказкотерапии для решения сложных жизненных задач.

Подводя итоги работы, отметим, что на конференции поднимались актуальные практические и теоретические вопросы, что позволило участникам расширить проблемное поле. Зафиксировано появление новых направлений в исследовании проблем этнопсихологического и кросс-культурного взаимодействия. Вы-

ступающие и слушатели проявили интерес к научно-практическому решению междисциплинарных вопросов в поле межкультурной коммуникации и мультикультурного консультирования. Выражаем надежду на то, что в результате работы конференции научное сообщество получит более глубокое представление о содержании и динамике происходящих в российском обществе этнокультурных процессов, которое будет способствовать формированию в общественном сознании гуманистических ценностей и идеалов, а также послужит формированию и развитию антропологического мышления, как оно понимается в научном дискурсе кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования.

Знаковым событием конференции стала публикация сборника конференции «Этнопсихология: теория и практика» (Этнопсихология..., 2025) на портале психологических изданий Psyjournals.ru, доступного всем участникам до начала научного мероприятия.

Список источников / References

1. Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции (21–22 ноября 2025 г.) / Отв. ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. М: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. 252 с. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2025/contents> (дата обращения: 05.12.2025).
Ethnopsychology: Theory and Practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (November 21–22, 2025) / Ed. V.V. Gritsenko, O.S. Pavlova. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2025. 252 p. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2025/contents> (Accessed: 05.12.2025).

Информация об авторах

Елена Андреевна Александрова, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6675-6965>, e-mail: aleksandrovaea@mgppu.ru

Александрова Е.А., Шорохова В.А. (2026)
Межкультурная коммуникация
в психологическом консультировании
Социальная психология и общество,
17(1), 199–209.

Aleksandrova E.A., Shorokhova V.A. (2026)
Intercultural communication
in psychological counseling
Social Psychology and Society,
17(1), 199–209.

Валерия Альбертовна Шорохова, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Information about the authors

Elena A. Aleksandrova, Candidate of Science (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6675-6965>, e-mail: aleksandrovaea@mgppu.ru

Valeriya A. Shorokhova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Поступила в редакцию 24.12.2025

Поступила после рецензирования 12.02.2026

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.12.24

Revised 2026.02.12

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30

Научная статья | Original paper

Лаборатория событий имени Ю.М. Жукова

А.В. Журавлев, Ю.К. Зубова ✉, Н.А. Серебrenникова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
✉ yulia.zubova.msu@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. *Статья подготовлена по материалам круглого стола «Ю.М. Жуков как событие в социальной психологии: к 80-летию со дня рождения», проведенного 20 июня 2025 года на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Актуальность темы определяется растущим интересом профессионального сообщества к экспериментальному (от англ. «experience» — опыт) обучению, который разделяют психологи, педагоги, бизнес-тренеры и управленцы. Этот интерес также распространяется на практико-ориентированные исследования, в основе которых лежат совместное*

извлечение и концептуализация опыта для решения практических задач «здесь и сейчас». Востребованность обращения к наследию Ю.М. Жукова заключается в том, что ученый предложил целостную концепцию извлечения опыта, в центре которой находится управляемое социально-психологическое событие. Однако Юрий Михайлович не успел завершить систематизацию своих идей в виде единой теории и опубликовать ее.

Цель. Первичная систематизация ключевых идей Ю.М. Жукова о событийности, а также обозначение перспектив развития наследия профессора на основе материалов круглого стола и анализа его работ. Для этого применяются разработанные Ю.М. Жуковым методы извлечения опыта.

Результаты. Реконструированы ключевые элементы подхода Ю.М. Жукова: событие как результат противоречия, «размыкающего» картину мира; экспериментальный реализм, вовлекающий испытуемых в совместное исследование; тренинг как «фабрика событий». Описана технология извлечения опыта через идентификацию, квалификацию и интерпретацию событий. Выявлена интеграция методологии исследования действием с концепцией событийности, что позволяет создавать эффективные предскриптивные модели.

Выводы. Концепция событийности Ю.М. Жукова представляет собой целостный научно-практический подход, интегрирующий теорию и практику. Его методология сохраняет актуальность благодаря сочетанию рецептурности и концептуальной глубины. Перспективными направлениями развития наследия являются изучение механизмов трансформации произошедшего в социальное событие и анализ структуры событийной коммуникации.

Ключевые слова: событие, социальное событие, извлечение опыта, исследование действием, экспериментальный реализм, событийный тренинг, конференциальная модель обучения

Для цитирования: Журавлев, А.В., Зубова, Ю.К., Серебренникова, Н.А. (2026). Лаборатория событий имени Ю.М. Жукова. *Социальная психология и общество*, 17(1), 210–227. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170114>

Yu.M. Zhukov event laboratory

A.V. Zhuravlev, Yu.K. Zubova ✉, N.A. Serebrennikova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉ yulia.zubova.msu@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. *The article is based on the materials of the round table “Yu.M. Zhukov as an event in social psychology: on the 80th anniversary of his birth”, held on June 20, 2025 at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. The relevance of the topic is determined by the growing interest of the professional community in experiential learning, which is shared by psychologists, educators, business coaches and managers. This interest also extends to practice-oriented research, which is based on the joint extraction and conceptualization of experience to solve practical problems “here and now”. The relevance of appealing to the legacy of*

Y.M. Zhukov lies in the fact that the scientist proposed a holistic concept of experience extraction, which focuses on a controlled socio-psychological event. However, Yuri Mikhailovich did not have time to complete the systematization of his ideas in the form of a unified theory and publish it.

Objective. *The primary systematization of Y.M. Zhukov's key ideas about eventfulness, as well as the identification of prospects for the development of the professor's legacy based on the materials of the round table and the analysis of his work. For this purpose, the methods of experience extraction developed by Yu.M. Zhukov are used.*

Results. *The key elements of Zhukov's approach are reconstructed: an event as a result of a contradiction that "opens up" the picture of the world; experimental realism, involving subjects in joint research; training as an "event factory". The technology of experience extraction through identification, qualification and interpretation is described. The integration of the methodology of action research with the concept of eventfulness is revealed, which makes it possible to create effective prescriptive models.*

Conclusions. *Zhukov's concept of eventfulness is a holistic scientific and practical approach that integrates theory and practice. His methodology remains relevant due to the combination of formulation and conceptual depth. Promising areas of heritage development are the study of the mechanisms of transformation of what happened into a social event and the analysis of the structure of event communication.*

Keywords: *event, social event, experience extraction, action research, experimental realism, event-based training, conference communication learning model*

For citation: Zhuravlev, A.V., Zubova, Yu.K., Serebrennikova, N.A. (2026). Yu.M. Zhukov event laboratory. *Social Psychology and Society*, 17(1), 210–227. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170114>

Введение

20 июня 2025 года на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках цикла мероприятий «Созвездие социальной психологии» состоялся круглый стол «Ю.М. Жуков как событие в социальной психологии: к 80-летию со дня рождения». Мероприятие собрало учеников, коллег и последователей Юрия Михайловича, объединенных целью сохранить и осмыслить его многогранное наследие.

Тема событийности — важная часть научного и практического наследия Ю.М. Жукова, которая красной нитью проходит через многие его работы разных лет. Для Ю.М. Жукова событие в социально-психологическом смысле — это такой факт межличностного (в том чис-

ле делового) взаимодействия, который, вступая в противоречие с внутренней картиной мира человека, вынуждает его к пересмотру своих установок и истинному контакту с реальностью или другим человеком. Ю.М. Жуков рассматривал социальное событие в разных ракурсах: как результат «размыкания» картины мира человека на себя и на другого, как источник извлечения совместного (группового) опыта в тренингах и командной работе, как основу для реализации принципов экспериментального реализма в социально-психологических исследованиях и тому подобное.

Как нам представляется, Ю.М. Жуков начал большую работу по творческому переосмыслению концепций событийности М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана

на социально-психологическом материале. Ю.М. Лотман (Лотман, 1992) говорил о событии как о «пресечении семантической границы», например, о преодолении запрета. Он развивал эту идею на примере литературного сюжета и отдельного героя. Ю.М. Жуков сместил фокус. Его интересовало групповое, социальное измерение события. Он задался вопросом: как создать в группе управляемое «событие-разрыв» и превратить его в развивающий опыт, как технологично, через коммуникацию и интерпретацию события, включить его в коллективную память и тому подобное. М.М. Бахтин утверждал, что подлинное событие рождается в диалоге (Бахтин, 1986, 2022). Оно возникает во встрече, во взаимодействии между «Я» и «Другим». Другой — не внешний наблюдатель, а соучастник и со-творец события. Ю.М. Жуков задался целью «упаковать» эту философскую идею в практическую технологию событийного тренинга и методологию экспериментального реализма.

Отрефлексированная часть размышлений и результатов научных дискуссий содержится в таких трудах Ю.М. Жукова, как «Диагностика и развитие компетентности в общении» (Жуков, Петровская, Растяников, 1990), «Коммуникативный тренинг» (Жуков, 2004), «Методы прак-

тической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг» (Жуков и др., 2004), «Психологическая поддержка масштабных преобразований: конференциальные и игровые технологии» (Жуков, Журавлев, 2012). Однако отдельной работы, систематизирующей авторские представления о событийности, Юрий Михайлович не оставил. Еще в 2018 г. Е.В. Михайлова в финале своей статьи «О Юрии Михайловиче Жукове — Ученом, Практике, Учителе» подчеркивает особый интерес Ю.М. Жукова к теме событий: «... Юрий Михайлович Жуков вплотную подошел к проработке концептуальной проблемы событийности, чем был занят до самого последнего дня, так и не завершив начатое» (Михайлова, 2018, с. 11).

Участники круглого стола провели большую работу по кристаллизации концептов, ключевых идей, механик событийности — всего того, что осталось за границами книжных и статейных текстов Юрия Михайловича. Многие из наследия Ю.М. Жукова было обсуждено, но еще большее осталось незатронутым. Об этом свидетельствуют высказывания участников, которыми они делились друг с другом и авторами этой статьи как в перерывах, так и после завершения круглого стола, в том числе в своих публикациях в социальных сетях¹.

¹ Антонова, Н.В. (2025, июнь 20). Сегодня состоялся круглый стол, посвященный памяти Юрия Михайлович Жукова. Социальная сеть «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall293819245_2731 (дата обращения: 02.11.2025).

Симоненко, С.И. (2025, июль 03). Пару недель назад состоялось значительное мероприятие на факультете психологии МГУ им. Ломоносова. Социальная сеть «Телеграм». URL: https://t.me/potok_s (дата обращения: 02.11.2025).

Спиваковский, В.Е. (2025, июнь 21). Юрий Михайлович Жуков — событие в социальной психологии. Социальная сеть «Телеграм». URL: <https://t.me/SOCPSYF> (дата обращения: 02.11.2025).

Находясь «в эпицентре события» и видя тот объем уникального и ценнейшего содержания, которое было развернуто в рамках и за рамками круглого стола, мы не смогли пройти мимо и решили его зафиксировать в тексте. В этой статье мы делаем первые шаги в «оконтуривании» и систематизации «событийного наследия» мастера, а также делимся нашими размышлениями о возможных вопросах и задачах дальнейшего развития научно-практического наследия Ю.М. Жукова.

Мастер событий: концепция психологии событийности Ю.М. Жукова

Открывая круглый стол «Ю.М. Жуков как событие в социальной психологии: к 80-летию со дня рождения», декан факультета психологии доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Ю.П. Зинченко отметил весомый вклад Юрия Михайловича в разработку концепции событийности и обратил внимание присутствующих на его уникальную способность «все превращать в событие»: «Его имя [Ю.М. Жукова] ассоциируется не только с научной точностью, глубиной, но и с редкой способностью превращать каждое исследование, каждый тренинг, каждую встречу в подлинное яркое событие. Его концепция социального события, разработанная и воплощенная в науке и практике, стала ориентиром для многих студентов и преподавателей».

«Человеческая жизнь соткана из событий, и наше сознание неотделимо от них» — утверждал Ю.М. Жуков (Коллектив факультета психологии, 2015, с. 119). Однако не всякое «произошедшее-случившееся», а лишь «то,

что выходит за пределы устоявшегося “порядка вещей”, становится событием». Таким образом, рутинные, неизменные факты бытия не занимают сознание, и «только изменяющееся в мире становится фактом сознания». Как бы продолжая этот тезис, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Т.Ю. Базаров в рамках круглого стола точно отметил, что «Юра все время был на каких-то границах: между наукой и практикой, экспериментом и тренингом. Поэтому тема события, которой он увлекался и посвятил много своего творческого времени, есть другая сторона вопроса о границах. Именно “границу для героя”, переход этой границы, его великий тезка Юрий Михайлович Лотман называл событием».

Ю.М. Жуков подчеркивал активную роль сознания в осмыслении и формировании реальности в формуле: «бытие врывается в сознание событием, а сознание полагает себя в бытии действием» (Жуков, 2004, с. 165). Юрий Михайлович стремился раскрыть психологическую механику того, как «бытие врывается в сознание», предлагая свой ответ — оно врывается через противоречие. «Обычно событием для человека становится какой-нибудь факт, результат его собственной деятельности или межличностного взаимодействия, который обнаруживает для него несоответствие его картины мира с реальностью, образно говоря, “размыкает” его на мир, на другого человека. Ключом к поиску события всегда выступает противоречие, будь то рассогласование между ожидаемым образом результата и реально достигну-

тым исходом действий, амбивалентность впечатлений о произошедшем у отдельного участника или противоречивость мнений нескольких из них» (Жуков, Петровская, Растьянников, с. 72).

На уровне индивидуального сознания событие определяется Ю.М. Жуковым через его функциональные атрибуты: оно привлекает внимание, вызывает эмоции и запоминается (Жуков, 2004). Переход от персонального события к социальному происходит в актах коммуникации. Событие приобретает статус социального факта, когда «люди говорят о нем между собой», и этот рассказ провоцирует у слушателей неподдельный интерес, вызывает вопросы, а также может породить споры, связанные с различиями в интерпретациях произошедшего.

Ю.М. Жукова интересовало не только событие само по себе, его внутренняя структура, но и его функция — быть источником извлечения опыта. «Хотя событие является первоосновой опыта, его состав не исчерпывает все содержание опыта, а процессы описания и интерпретации события не являются достаточными для складывания действительно полноценного опыта». Юрий Михайлович убедительно показал, что «...опыт складывается в процессе поиска ответов на ряд вопросов, из которых Что? Где? Когда? Зачем? Почему? представляются самыми важными» (Жуков и др., 2004, с. 121), то есть важно работать с процессами идентификации, квалификации и интерпретации событий.

Событийность для Ю.М. Жукова является фундаментальным элементом его подхода и, похоже, берется им одновременно в двух функциях: как объект концептуальных исследований-раз-

мышлений и как принцип организации практических действий — тренингов, экспериментов, учебных занятий, консультационной практики.

Исследование действием и психология событийности: метод Ю.М. Жукова

Ю.М. Жуков развивал свою концепцию психологии событийности, используя принципы методологии исследования действием (action research), которую рассматривал как синтез исследовательской и консультативной практик.

Суть исследования действием (ИД) заключается в проведении опыта, который является одновременно и «плодоносным», и «светоносным» — то есть решает жизненно важные практические задачи и вместе с этим вносит вклад в науку (Жуков, 2015а, 2015б). Посредством ИД создаются не только «холодные», но и «горячие» знания, под которыми понимаются те, что «готовы к употреблению» (Жуков, 2004, с. 166). Если на «входе» научно-исследовательских проектов используются дескриптивные (описательные) модели групповых реалий (например, общие теории организационного поведения), то на «выходе» возникают прескриптивные (предписывающие) модели (например, теории эффективного организационного поведения). Последние представляют собой «рецепты» построения результативного поведения социальных групп или запуска процессов, ведущих к успеху, а не просто описание наблюдаемого поведения. Это могут быть ситуационные модели и схемы, локализованные по месту и времени, не претендующие на универсальность, которые уместно называть «теориями, уко-

рененными в действии» (в отличие от теорий, укорененных на объекте) (Жуков, 2015б).

Таким образом, в рамках методологии ИД происходит значимая трансформация теорий, что является ключевым отличием этого подхода от других видов научных исследований, и рассматривается Ю.М. Жуковым как мост между научной теорией и наукоемкой практикой с двусторонним движением (Жуков, 2015б).

Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова М.А. Иванов в рамках круглого стола отмечал, что Юрий Михайлович Жуков постоянно совершал «круг от практики к науке и потом оттуда обратно в практику». Этот цикл подразумевает, что из тренинга (практики) выросли научные проблемы, которые затем исследовались, а полученные результаты приводили к появлению новых технологий тренинга. Ту же особенность метода Ю.М. Жукова подчеркивали многие другие участники круглого стола.

Этой логикой Ю.М. Жуков руководствовался, исследуя события, превращая описательную концепцию событийности в прескриптивные модели — по сути, рецепты того, как проводить событийный тренинг, событийный эксперимент, событийно насыщенное обучение и так далее. Такие модели можно сравнить с маршрутной схемой, которая, в отличие от общей карты местности (дескриптивной теории), дает инструкции, следуя которым можно с гарантией добиться успеха в реализации.

Именно такое сочетание объясняет, почему модели событийного тренинга и

событийного эксперимента Ю.М. Жукова настолько популярны среди его учеников.

1. Рецептность и конкретность («бери и пользуйся»). Предписывающие модели Ю.М. Жукова предлагают процедурное знание — знание о том, как строить действия. Например, для тренинга коммуникативной компетентности предлагаются конкретные правила организации упражнений и предоставления обратной связи (Жуков, 2004).

2. Глубина и концептуальность. С другой стороны, модели Ю.М. Жукова содержательны и фундаментальны, что позволяет самому пользователю развивать «операционную часть» реализации этих моделей.

Таким образом, метод Ю.М. Жукова — это живая лаборатория, где реальность не просто изучается, но активно конструируется и преобразуется. Если традиционная наука стремится быть зеркалом, отражающим существующую действительность, то метод Ю.М. Жукова — это, скорее, мастерская, где реальность формируется в процессе творческого взаимодействия и осмысления, создавая новые, эффективные пути действия, которые затем становятся основой для нового знания. В этом и состоит секрет метода Ю.М. Жукова, его текстов, где одновременно совмещается рецептность и концептуальность.

Событийная основа экспериментального реализма

Обсуждая доклады, представленные в рамках круглого стола, Т.Ю. Базаров точно резюмировал подход мастера к организации и проведению социально-психологических экспериментов: «...мы уже поняли с вами, что Юрий Михайлович целостен.

И непонятно, где заканчивается эксперимент, начинается тренинг, где в ходе тренинга может возникнуть эксперимент».

Основа такой «бесшовности», на наш взгляд, заложена в подходе Ю.М. Жукова к разработке и проведению экспериментов, а именно в экспериментальном реализме. «Эксперимент, обладающий экспериментальным реализмом, тот, который захватывает и увлекает его участников. В таком эксперименте испытуемые не играют роли и не “отбывают номер”. То, что происходит в лаборатории, должно настолько вовлекать участников эксперимента, чтобы они перестали думать о себе как о подопытных кроликах и не пытались произвести нужное впечатление на экспериментатора или заниматься разгадыванием его гипотез. В противном случае возникает опасение, что выявленные в исследовании закономерности будут относиться только к тем случаям, когда люди скучают и при этом ощущают себя объектами наблюдения и манипулирования» (Жуков, 2006, с. 57).

Экспериментальный реализм как подход Ю.М. Жукова к разработке и проведению экспериментальных исследований был представлен на круглом столе и подробно разобран с использованием обширного эмпирического материала. Результаты анализа дизайна экспериментов, проведенных под руководством Ю.М. Жукова, воспоминания учеников и коллег — все это позволяет, как нам представляется, выделить некоторые ключевые принципы-требования к «реалистичному эксперименту» и его событийной основе.

Во-первых, зависимая переменная в экспериментах Ю.М. Жукова предьявлялась испытуемым как задача с объ-

ективными метриками результативности ее решения. Параметры успешного/ неуспешного решения задачи были измеримы и одинаково доступны как испытуемому, так и экспериментатору. Юрий Михайлович называл эти объективные критерии, на которых фокусируются участники эксперимента, «голы, очки, секунды». Образцом такой строго измеряемой результативности является факт распознавания лжи. В своем докладе кандидат психологических наук Е.Н. Павлова поделилась, что четкость и объективность критерия — «здесь человек лжет, а здесь нет» — была одной из причин, сделавших ложь «модельной» для Ю.М. Жукова темой.

Во-вторых, результаты эксперимента, в том числе механизмы влияния независимой переменной на зависимую, анализировал не только экспериментатор, но и участники, уходившие с исследования с «прибытком знаний». Конечно же, независимая переменная, как и в классическом эксперименте, изначально сохранялась в тайне и раскрывалась только в специально организованной процедуре (которую Ю.М. Жуков часто называл «дебрифинг»).

После завершения интерактивной части эксперимента исследователь публично (на экране или доске) фиксировал объективные результаты решения задачи, а также субъективные метрики оценки процесса и результата достижения цели (получилось/не получилось, удовлетворен/не удовлетворен и тому подобное). Совместная идентификация произошедшего, по сути, представляла собой замер зависимой переменной и предьявление результатов замера участникам эксперимента. Далее испытуемые совместно с экспериментатором «ква-

лифицировали» произошедшее — определяли наличие/отсутствие различий, их степень и глубину. Затем начиналось самое интересное — экспериментатор переходил к совместной интерпретации «произошедшего-случившегося», спрашивая: «Как вы думаете, почему так произошло?». Участники включались в интерпретацию причин и механизмов осуществленного влияния, в том числе обсуждая заложенную гипотезу. «Взгляд изнутри», из «эпицентра» эксперимента позволял исследователю дополнить картину изучаемого объекта недоступным для классического эксперимента материалом, необходимым для дальнейшего научного толкования произошедшего и построения новых гипотез.

Примеры экспериментов, проведенных в духе экспериментального реализма под научным руководством Ю.М. Жукова, были рассмотрены в докладе аспиранток кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Н.А. Серебренниковой и А.Р. Котковой. Так, в дипломной работе И. Санковой (2004 г.), посвященной достижению группового согласия и феномену общего видения, испытуемые решали кейсы (решение гипотетических проблемных ситуаций, предполагающих генерацию идей и дискуссию) при помощи двух различных методик. На первом этапе работа велась по методике «Шесть думающих шляп» Э. де Боно, а на втором — по методике поэтапного принятия решений В. Харлея. После этого участникам предлагалось сравнить эффективность двух методик, опираясь на публично зафиксированные метрики результативности дискуссий, такие как время решения задач, вари-

тивность решений, консенсус, изменение мнения. Объективные метрики были дополнены результатами анкетирования — субъективной оценкой эффективности и удовлетворенности методиками. В ходе совместной интерпретации был сделан вывод о том, что обе методики структурируют процесс; первая разнообразнее по результатам и экономичнее по времени, вторая оценивается как более глубокая и всесторонняя. Приход к общему решению во втором случае был оценен как более эффективный.

В-третьих, многократное повторение эксперимента, в котором удается получить устойчиво воспроизводимые результаты, создает основание для «бесшовного» переноса этого эксперимента в тренинг. Процедурные составляющие, необходимые для тренинговой работы, были встроены в эксперимент: вовлекающая форма организации, в которую вводится воздействие; идентификация, квалификация и интерпретация этого воздействия. На этапе интерпретации, как и в тренинге, участники сталкиваются с разрывом между актуальной картиной мира и новым знанием о произошедшем, попадают в ситуацию «казалось-оказалось», где происходит нарушение привычного хода вещей, — тот самый «переход границы», о котором мы говорили выше.

Таким образом, эксперимент, выстроенный в соответствии с принципами экспериментального реализма, становится подлинным событием как для экспериментатора, так и для испытуемых, превращая последних из «подопытных кроликов» в партнеров по совместному извлечению «светоносного» знания и «плодоносного» опыта.

Тренинг как фабрика событий

Преподаватель факультета практической психологии Московской высшей школы социальных и экономических наук П.В. Растянников, представляя свой доклад «Лаборатория тренинга Ю.М. Жукова: теория, технология и практика создания событий», метафорично подчеркнул, что Ю.М. Жуков умел «разжигать костер события внутри группы — вопросами и обсуждением». Ключевую роль тренера в создании событий отмечал и сам Ю.М. Жуков: «как короля играет свита, так и событие делается тренером» (Жуков, 2004, с. 168).

Ю.М. Жуков рассматривал социально-психологический тренинг как событие и цепь событий, в котором технологично создаются условия для проживания и осмысления опыта, недоступного участникам в обыденной жизни (Жуков, 2004). Таким образом, ключевыми составляющими коммуникативного тренинга, которым Юрий Михайлович занимался и который исследовал, становятся феномен «события» и структурированный процесс извлечения опыта. Событие определяется как совместное бытие, совместное проживание происходящего-случающегося, рождающее групповое обсуждение, где «разнообразие предметных позиций участников обсуждения облегчает оформление интерперсональной перспективы» (Жуков, 2004, с. 167). Само событие является источником опыта, но, как утверждал Ю.М. Жуков, память о событии не равно опыту, опыт требует еще извлечь: «опыт не есть просто память о событиях прошлого, хотя именно ряд событий и является бытийной основой опыта, а описание и

интерпретация — только часть процессов, посредством которых формируется опыт» (Жуков и др., 2004, с. 121).

П.В. Растянников вспоминал, как, реализуя процедуру извлечения опыта из случившегося-произошедшего, самой этой процедурой (идентификация, квалификация и интерпретация) Ю.М. Жуков порождал впечатляющие события для участников, которые «одних ставили в ступор, а других заставляли задуматься». Ярчайший пример, которым поделился П.В. Растянников, — это тренинг по публичным выступлениям для руководителей. Тренинг начинается с вопроса к участникам: «Какие у вас проблемы в публичном выступлении? Напишите на карточках, мы вынесем их на доску». Участники получают зеленые карточки, заполняют их. Юрий Михайлович обращается к группе: «Знаете, что-то мало карточек. Еще по одной напишите. Только теперь уже не про себя, а про то, какие проблемы испытывают другие люди». Он раздает участникам карточки, на этот раз желтые, они их также заполняют. После этого Ю.М. Жуков просит участников карточки перемешать и разместить по заданной оси между двух полюсов: первый — проблемы самоконтроля, второй — некомпетентность (см. рисунок).

Участники тренинга получают вопрос: какие качества свойственны людям, которые испытывают проблемы первого полюса, а какие — тем, кто испытывает проблемы второго? Они начинают говорить, что мир практически делится на два типа людей и так далее. И после этого Ю.М. Жуков задает вопрос: «А вам не кажется странным, что одни карточки желтые, а другие — зеленые?».

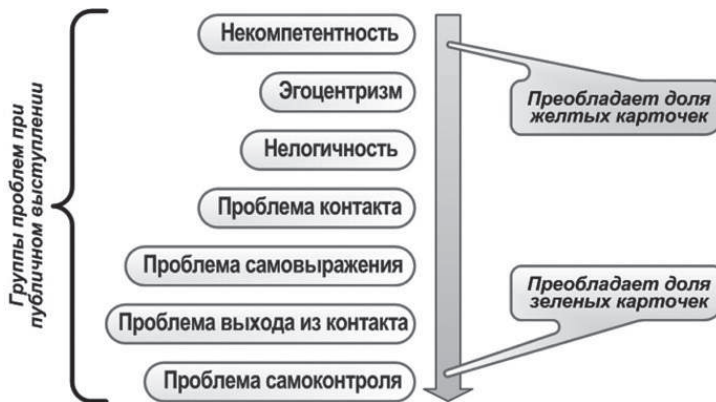

Рис. Группы проблем при публичном выступлении

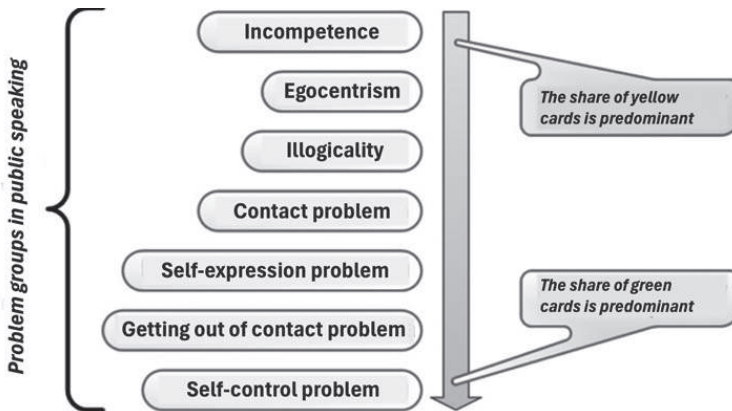

Fig. Problem groups in public speaking

Тишина.

«Я до сих пор помню эту паузу. Я ее слышу», — продолжил Растянный. — «Они поняли, что они говорили про себя все в позитивном виде и негативно про других».

Так, Юрий Михайлович провел участников тренинга по всему маршруту, необходимому для извлечения опыта. Были созданы объективные условия для последующей идентификации — записи

на карточках разного цвета с разной инструкцией. Дальше была организована «квалификация» — смысловая группировка карточек вокруг двух полюсов на заданной оси и их обсуждение. Дальше Ю.М. Жуков провоцирует смысловой разрыв, организуя «прорыв бытия в сознание». Для этого он задает вопрос: «А вам не кажется странным, что одни карточки желтые, другие зеленые?». В этот момент у участников происхо-

дит «встреча с реальностью» — несоответствие их текущей «картины мира» с действительностью. Бытие ворвалось в сознание участников событием, нарушающим привычный ход вещей (дискуссия и «сбор жалоб»), и спровоцировало необходимость интерпретации, объяснения произошедшего. «Оказывается, мы говорим про себя в позитивном ключе и негативно — про других», что в некотором роде означает — «оказывается, мы не вполне объективны и не все знаем о том, как выступать публично; у нас есть “слепая зона”, слабая сторона, которую мы у себя не замечаем, но видим у остальных».

Смена цвета карточек была осознанной, контролируемой манипуляцией, как в эксперименте. Все такты извлечения опыта были заранее продуманы Ю.М. Жуковым, «запрограммированы» и встроены в тренинг. В тренинге возникло контролируемое и управляемое событие — разрыв между ожиданиями и действительностью, столкновение с фактом того, что изнутри проблемы воспринимаются иначе, чем снаружи.

Технологичность подхода Ю.М. Жукова к тренингам вспоминали в своем докладе его ученики — кандидат психологических наук, управляющий партнер «Detech group» С.И. Симоненко и генеральный директор ООО «Детек» Д.В. Хренов: «Самая частая “ошибка” ведущих тренингов — это то, что они работают “собой”, то есть на собственной энергии, по наитию. А ведь есть целая наука управления пространством и обменом мнениями в этом пространстве таким образом, чтобы каждое мнение было услышано, чтобы не возникало конфликтов, чтобы дискуссия укладывалась в отведенное время».

Событийная коммуникация в теории и практике

Ю.М. Жуков в своей научной и практической деятельности уделял пристальное внимание вопросам коммуникации. Интерес к теме нашел отражение как в прикладных программах (например, тренинги по публичным выступлениям, базовым и специальным коммуникативным умениям), так и в фундаментальных работах (докторская диссертация на тему «Тренинг как метод совершенствования коммуникативной компетентности», монография «Коммуникативный тренинг» и другие) (Жуков, 2015а).

В своем выступлении доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики» А.К. Болотова отметила, что Ю.М. Жуков в общении всегда создавал «впечатление интеллектуального, умного и интеллигентного человека». Будучи соавторами, А.К. Болотова и Ю.М. Жуков выпустили книгу «Психология коммуникаций» (Болотова, Жуков, 2016), которую Алла Константиновна обозначила как «итог всей деятельности Жукова в этом аспекте».

В то же время, несмотря на пристальное внимание Ю.М. Жукова к вопросам коммуникации и его концептуальный интерес к теме событийности, в известных нам работах Ю.М. Жукова отсутствует эксплицитное теоретическое описание событийной коммуникации. Однако реконструкция, основанная на воспоминаниях участников круглого стола и анализе методологии Ю.М. Жукова, позволяет предположить, что ключевым механизмом событийной коммуникации является использование средств переда-

чи смысла, которые обеспечивают эмоциональное и когнитивное вовлечение участников в предмет, тему разговора. Такими средствами являются, в первую очередь, метафоры и сторителлинг.

Как подчеркнул кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Журавлев, «событийная сила метафор и сторителлинга» способна трансформировать рутинные взаимодействия, придав им личностную значимость. Ю.М. Жуков активно применял метафоры в общении, одновременно с этим предпринимая попытку разобраться в их устройстве и в том, почему они работают.

В беседах с учениками и коллегами Юрий Михайлович смело и искусно использовал яркие образы и неожиданные сравнения. Благодаря этому он по праву признан «мастером изящной словесности», обладающим уникальным талантом превращать даже короткие разговоры в настоящие события, которые вызвали эмоции, запоминались и активно обсуждались. Неоспоримым доказательством этого мастерства служит то, что крылатые фразы, истории и метафоры, которые придумывал и использовал Ю.М. Жуков, живы и находят отклик до сих пор. Сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.К. Зубова в рамках круглого стола напомнила коллегам знаменитые Жуковские афоризмы, среди которых: «План нужен для того, чтобы вовремя от него отказаться», «Ключевая компетенция преподавателя — поддержание опыта» и др. «Я уже отправил несколько фотографий с мероприятия

в семейный чат и рассказал о том, что у меня был такой преподаватель — Юрий Михайлович Жуков. И несколько цитат его переслал», — поделился по итогам круглого стола кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.М. Рикель.

Технологии событийности в преподавании

Концепция событийности Ю.М. Жукова выходит за рамки индивидуального взаимодействия и распространяется на организованные формы коммуникативного дискурса, что имеет принципиальное значение для педагогики, тренинга и организационного развития. Различные формы групповой коммуникации, такие как конференции и организационные игры, служат механизмом порождения и регуляции событий.

Ю.М. Жуков отмечал, что конференция (в широком смысле, как разнообразная форма коммуникативного дискурса, отвечающая требованиям многосторонности и формального равенства участников) представляет собой нечто большее, чем просто обмен мнениями с целью обогащения и развития первоначальных идей. Она также включает в себя формирование общего видения, вовлечение широкого числа участников и поиск единомышленников, и, главное, — конференции, корпоративные и профессиональные, выступают примерами управляемых событий позитивной направленности. В этой методологической рамке конференция выполняет три функции: она сама является событием; она выступает источником событий; она является средоточием средств для иден-

тификации, квалификации и интерпретации событий (Базаров, 2015; Жуков, Журавлев, 2012).

Ю.М. Жуков активно применял и разрабатывал конференциальные модели, рассматривая их как высокоэффективные инструменты обучения и организационного развития. В докладе «Путь учителя: Ю.М. Жуков и его ученики в аудитории и на кафедре» кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова О.В. Соловьева подчеркнула, что Ю.М. Жуков активно внедрял конференциальную модель в учебный процесс на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Этот подход, как отметила О.В. Соловьева, оказался эффективен для освоения материала студентами. В частности, он включал в себя работу так называемой «группы захвата содержания», которая занималась рефлексией, обобщением и анализом результатов обсуждений. Студенты, участвовавшие в таких конференциях, указывали, что материалы «группы захвата» стали одними из немногих памятных записей, оставшихся у их группы из учебного процесса.

По сути, в рамках концепции событийности именно «группа захвата содержания» преобразует индивидуальные инсайты, размышления и открытия участников конференции в социальное событие. Чтобы стать социальным, событие должно быть облечено в словесные одежды, идентифицировано, квалифицировано и интерпретировано в рамках коммуникативного дискурса, тем самым приобретая статус социального факта и входя в историю группы или сообщества.

Именно «группа захвата» берет на себя задачу по идентификации фактуры принесенного и порожденного в ходе конференции содержания, его квалификации и интерпретации. Эта работа позволяет выделить «тонкие» и неочевидные смыслы, которые могли быть не видны участникам конференции в момент непосредственного взаимодействия.

Представляя результаты структурированного анализа содержания, «группа захвата» фиксирует целостность произошедшего, которая часто отличается от индивидуального восприятия каждого отдельного участника. Представление объективированных результатов анализа создает противоречие между тем, что наблюдал участник (его субъективное восприятие), и тем, что зафиксировала аналитическая группа (систематизированный социальный факт). Этот разрыв между «казалось» и «оказалось» создает мощное когнитивное и эмоциональное переживание, способствующее рождению инсайтов и переживанию событийности произошедшего.

Таким образом, результат работы «группы захвата» создает общую содержательную историю для всех участников конференции (и для тех, кто на ней не присутствовал, через последующую коммуникацию), к которой можно обращаться для дальнейшего осмысления и развития.

Вместо заключения

Выражаясь словами Р. Мертона, систематизированную теорию событийности «среднего ранга» Ю.М. Жуков не успел нам оставить. Однако Юрий Михайлович, как большой ученый и успешный практик, наметил проблемно-тема-

тические линии развертывания своей концепции событийности. Перспективными, на наш взгляд, кажутся следующие направления научно-практической разработки «событийного наследия» Ю.М. Жукова.

1. Исследование механизмов того, как «бытие врывается в сознание событием, а сознание полагает себя в бытии действующим». Почему для одних людей «произшедшее-случившееся» осознается как противоречие с их картиной мира и превращается в событие, а для других остается фоновым фактом рутины бытия и сознания? Данный вопрос становится на порядок сложнее и интереснее, когда речь заходит о социальных общностях. Как «произшедшее-случившееся» превращается в «событие для всех», а его (события) содержание становится объективным, разделяемым фактом совместной истории? Как и какие социально-психологические процессы трансформируются под влиянием событий, которые совместно проживают участники?

2. К сожалению, Юрий Михайлович не успел описать и опубликовать экспериментальные планы, методики, требования к тому, как разрабатывать и проводить эмпирические исследования с опорой на принцип экспериментального реализма. Вместе с тем под его научным руководством написано огромное количество дипломных и диссертационных работ, существенную часть которых составляют экспериментальные исследования, проведенные в духе экспериментального реализма. Реконструкция дизайна реализованных Ю.М. Жуковым экспериментов, разработка на их основе экспериментальных планов — еще одно

возможное направление для дальнейших размышлений и разработок.

3. Технология производства событий в тренинге и извлечения из них опыта детально разработана и подробно описана Ю.М. Жуковым. Есть ощущение, что в этой теме не осталось «белых пятен» и «черных дыр». Вместе с тем только малая часть огромного объема конкретных упражнений, игр, придуманных Ю.М. Жуковым, находит отражение в его работах. Подавляющее их большинство передается из уст в уста и/или в виде инструкций, раздаточных материалов, ожидая полноценного методического оформления в соответствии с принципами событийности и методологией исследования действием.

4. Как не раз уже упоминалось в этой статье, Ю.М. Жуков умел удивительным образом превращать почти любой разговор с коллегами и учениками в событие, которое вызывало эмоции, запоминалось, а содержанием хотелось поделиться с другими. Это наводит на мысль, что есть какой-то особый событийный дискурс, со своей внутренней механикой, структурой, который превращает обычную беседу в событие для ее участников. Однако специальных исследований и рассуждений о «событийной коммуникации» Ю.М. Жуков развернуть не успел. Коммуникация как событие и событийно-насыщенная коммуникация, ее структура, механика, эффекты — возможное направление для дальнейших исследований.

5. Еще одной линией развития «событийного наследия» Ю.М. Жукова могли бы стать компаративные исследования, соотносящие подход Ю.М. Жукова к событийности с теоретическими построениями как философов и культурологов (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман), так и пси-

хологов (Ш. Бюллер, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Н.А. Логинова, Е.И. Головаха и А.А. Кроник и так далее).

Юрий Михайлович Жуков как практик-исследователь разработал и апробировал большое количество эффективных моделей, приемов, техник, стимулирующих порождение событий в тренингах, экспериментах, лекциях, в ходе осущест-

вления организационных изменений и так далее. Некоторую часть этого наследия удалось реконструировать в ходе круглого стола «Ю.М. Жуков как событие в социальной психологии: к 80-летию со дня рождения». Другую часть еще предстоит восстановить, обобщить, апробировать, обсудить в научно-практическом сообществе и опубликовать.

Список источников / References

1. Базаров, Т.Ю. (2015). От редакции. К Юбилею Ю.М. Жукова. *Организационная психология*, 5(3), 4–7.
Bazarov, T.Yu. (2015). From the editorial office. On The Anniversary Of Yu.M. Zhukov. *Organizational Psychology*, 5(3), 4–7. (In Russ.).
2. Бахтин, М.М. (1986). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
3. Бахтин, М.М. (2022). *Автор и герой в эстетическом событии*. СПб: Издательство «Алетейя».
Bakhtin, M.M. (2022). *The author and the hero in an aesthetic event*. St. Petersburg: «Aleteiya» Publ. (In Russ.).
4. Болотова, А.К., Жуков, Ю.М. (2016). *Психология коммуникаций*. Litres. <https://doi.org/10.17323/9785759811077>
Bolotova, A.K., Zhukov, Yu.M. (2016). *Psychology of communication*. Litres. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/9785759811077>
5. Жуков, Ю.М. (2004). *Коммуникативный тренинг*. М.: Гардарики.
Zhukov, Yu.M. (2004). *Communication training*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
6. Жуков, Ю.М. (2006). Эксперимент. В: Т.В. Фоломеева (Ред.), *Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов* (с. 50–67). М.: Аспект Пресс.
Zhukov, Yu.M. (2006). Experiment. In: T.V. Folomeeva (ed.), *Social psychology: Practicum: Textbook for university students* (pp. 50–67). Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
7. Жуков, Ю.М. (2015а). Исследование действием в науке и практике: промышленный период. *Организационная психология*, 5(3), 49–67.
Zhukov, Yu.M. (2015a). Action Research in Science and practice: the Industrial Period. *Organizational Psychology*, 5(3), 49–67. (In Russ.).
8. Жуков, Ю.М. (2015б). Научная теория и наукоемкая практика. *Организационная психология*, 5(4), 29–38.
Zhukov, Yu.M. (2015b). Scientific theory and high-tech practice. *Organizational Psychology*, 5(4), 29–38. (In Russ.).
9. Жуков, Ю.М., Ерофеев, А.К., Липатов, С.А., Мельникова, О.Т., Мастеров, Б.М., Иванов, М.А. (2004). *Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг: Учеб. пособие для вузов*. В: Ю.М. Жуков (Ред.). М.: Аспект Пресс.
Zhukov, Yu.M., Erofeev, A.K., Lipatov, S.A., Mel'nikova, O.T., Masterov, B.M., Ivanov, M.A. (2004). *Methods of practical social psychology: Diagnostics. Consulting services. Training: Textbook for universities*. In: Yu.M. Zhukov (Ed.). Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).

10. Жуков, Ю.М., Журавлев, А.В. (2012). Психологическая поддержка масштабных преобразований: конференциальные и игровые технологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 133–144.
Zhukov, Yu.M., Zhuravlev, A.V. (2012). Psychological support for large-scale transformations: conference and gaming technologies. *Lomonosov Psychology Journal*, (1), 133–144. (In Russ.).
11. Жуков, Ю.М., Петровская, Л.А., Растянников, П.В. (1990). *Диагностика и развитие компетентности в общении*. М.: МГУ.
Zhukov, Yu.M., Petrovskaya, L.A., Rastyannikov, P.V. (1990). *Diagnosis and development of competence in communication*. Moscow: MSU. (In Russ.).
12. Коллектив факультета психологии (2015). К 70-летию Юрия Михайловича Жукова. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 117–120. <https://doi.org/10.11621/vsp.2015.03.117>
The staff of the faculty of psychology (2015). To the 70th anniversary of Yury Mikhailovich Zhukov. *Lomonosov Psychology Journal*, (3), 117–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2015.03.117>
13. Лотман, Ю.М. (1992). *Культура и взрыв*. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс».
Lotman, Yu.M. (1992). *Culture and explosion*. Moscow: Gnozis; «Progress» Publ. (In Russ.).
14. Михайлова, Е.В. (2018). О Юрии Михайловиче Жукове — Ученом, Практике, Учителе. *Организационная психология*, 8(1), 8–12.
Mikhailova, E.V. (2018). About Yuri Mikhailovich Zhukov, A Scientist, Practitioner, And Teacher. *Organizational Psychology*, 8(1), 8–12. (In Russ.).

Информация об авторах

Алексей Вячеславович Журавлев, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1367-9781>, e-mail: allo-o@yandex.ru

Юлия Константиновна Зубова, сотрудник кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9537-4522>, e-mail: yulia.zubova.msu@yandex.ru

Наталья Александровна Серебренникова, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2993-9649>, e-mail: n.serebrennikova.psy@gmail.com

Information about the authors

Aleksei V. Zhuravlev, Candidate of Science (Psychology), Senior Research Associate, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-1367-9781>, e-mail: allo-o@yandex.ru

Yuliya K. Zubova, Employee, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9537-4522>, e-mail: yulia.zubova.msu@yandex.ru

Журавлев А.В., Зубова Ю.К.,
Серебренникова Н.А. (2026)
Лаборатория событий имени Ю.М. Жукова
Социальная психология и общество,
17(1), 210–227.

Zhuravlev A.V., Zubova Yu.K.,
Serebrennikova N.A. (2026)
Yu.M. Zhukov event laboratory
Social Psychology and Society,
17(1), 210–227.

Natal'ya A. Serebrennikova, Postgraduate Student, Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-2993-9649>, e-mail: n.serebrennikova.psy@gmail.com

Вклад авторов

Журавлев А.В. — концептуализация; методология; ресурсы; написание — исходный текст, обзор и редактирование; супервизия.

Зубова Ю.К. — исследование; написание — исходный текст, обзор и редактирование; курирование данных; визуализация.

Серебренникова Н.А. — проверка; исследование; ресурсы; написание — исходный текст.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Aleksei V. Zhuravlev — conceptualization; methodology; resources; writing — original draft, review and editing; supervision.

Yuliya K. Zubova — research; writing — original draft, review and editing; data curation; visualization.

Natal'ya A. Serebrennikova — verification; research; resources; writing — original draft.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.01.2026

Поступила после рецензирования 30.01.2026

Принята к публикации 20.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.01.15

Revised 2026.01.30

Accepted 2026.03.20

Published 2026.03.30

Михаилу Юрьевичу Кондратьеву — 70 лет

О.Б. Крушельницкая ✉, Т.Ю. Маринова

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ krushelnickayaob@mgppu.ru

Резюме

Статья посвящена 70-летию со дня рождения Михаила Юрьевича Кондратьева, выдающегося отечественного социального психолога, организатора в сфере образования и науки, одного из основателей Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ). Отражены его наиболее значимые достижения в научно-исследовательской, организаторской и педагогической деятельности. Подчеркивается актуальность его научного наследия для современной социально-психологической науки и практики. М.Ю. Кондратьев внес значительный вклад в изучение социально-психологических закономерностей развития личности и функционирования малых групп. Большинство его исследований осуществлено в образовательных учреждениях разного типа, что позволило выявить свойственные этим сообществам особенности отношений межличностной значимости и разработать методические средства повышения эффективности их функционирования.

Ключевые слова: М.Ю. Кондратьев, юбилей, 70-летие, МГППУ, социальная психология

© Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., 2026

CC BY-NC

Для цитирования: Крушельницкая, О.Б., Маринова, Т.Ю. (2026). Михаилу Юрьевичу Кондратьеву – 70 лет. *Социальная психология и общество*, 17(1), 228–233. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170115>

Mikhail Yuryevich Kondratyev: 70th Anniversary

О.В. Krushelnitskaya ✉, **Т.Ю. Marina**

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ krushelnitskayaob@mgppu.ru

Abstract

This article is dedicated to the 70th anniversary of the birth of Mikhail Yuryevich Kondratyev, a prominent Russian social psychologist, organizer in education and science, and one of the founders of Moscow State University of Psychology and Education. The paper highlights his most significant achievements in research, organizational, and pedagogical work. The relevance of his scientific legacy to modern social psychology and practice is emphasized. M.Yu. Kondratyev made a significant contribution to the study of the social and psychological patterns of personality development and the functioning of small groups. Most of his research was conducted in various types of educational institutions, which allowed him to identify specific features of interpersonal relationships characteristic of these communities and develop methodological tools for improving their effectiveness.

Keywords: *M.Yu. Kondratyev, anniversary, 70th birthday, Moscow State University of Psychology and Education, social psychology*

For citation: Krushelnitskaya, O.B., Marina, T.Yu. (2026). Mikhail Yuryevich Kondratyev: 70th Anniversary. *Social Psychology and Society*, 17(1), 228–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170115>

19 марта исполнилось бы 70 лет со дня рождения известного советского и российского психолога, лауреата премии Президента Российской Федерации в области образования, члена-корреспондента Российской академии образования (РАО), доктора психологических наук, профессора Михаила Юрьевича Кондратьева. Он был одним из основателей Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), в котором организовал и возглавил факультет социальной психологии. Благодаря М.Ю. Кондратьеву на факультете действует научная психоло-

гическая школа академика РАО А.В. Петровского, которого М.Ю. Кондратьев считал своим учителем.

С 2010 года выходит в свет научный журнал «Социальная психология и общество», создателем и главным редактором которого Михаил Юрьевич был до последнего дня своей жизни.

М.Ю. Кондратьев родился в Москве, окончил исторический факультет МГПИ им. В.И. Ленина. Однако его дальнейшая научная и педагогическая деятельность развивалась в сфере психологии. С 1977 по 1998 год Михаил Юрьевич проводил исследования

под руководством А.В. Петровского в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, больше известного как Психологический институт РАО (в 2023 году преобразован в Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований). Параллельно с работой в НИИ ОПП в 1993–1994 гг. М.Ю. Кондратьев являлся ведущим научным сотрудником Федерального института социологии образования, а в 1993–1995 гг. стал ученым секретарем Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации по направлению «Педагогика и психология». В 1994–1997 гг. он руководил кафедрой социальной психологии в Университете Российской академии образования и преподавал в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. В 1996 году его избрали членом-корреспондентом РАО по отделению «Психология и возрастная физиология», позже он стал членом Экспертного совета ВАК в данной области.

Основным направлением научно-исследовательской деятельности М.Ю. Кондратьева стало изучение психологических особенностей процессов интрагруппового структурирования в контактных сообществах разного типа.

Кандидатскую диссертацию «Социально-ролевая детерминация межличностного восприятия в группах трудновоспитуемых подростков и юношей» Михаил Юрьевич защитил в 1983 году, а в 1994-м — докторскую диссертацию «Психология межличностных отношений подростка в закрытых учебно-воспитательных учреждениях». В ходе его исследовательской деятельности была

разработана уникальная социально-психологическая модель групповой закрытости, имеющая большое значение для диагностики и анализа взаимоотношений в контактных группах. Согласно данной модели степень закрытости общества оказывает существенное влияние на особенности взаимоотношений его членов между собой. Как неформальная, так и формально заданная закрытость сообщества инициирует групподинамические процессы, располагающие его членов к противопоставлению своей группы другим, а также к жестко авторитарным отношениям между собой. Даже в тех случаях, когда деятельность закрытого сообщества характеризуется направленной вовне просоциальной активностью, внутри группы складывается тенденция к формированию негуманных взаимоотношений.

Кроме того, М.Ю. Кондратьеву удалось выявить ряд закономерностей межличностных отношений в закрытых социальных сообществах: специфику отношений авторитетности, особенности статусно-ролевой стратификации, эффекты «нисходящей слепоты», «иррадиации власти», «иррадиации безвластия», а также наличие особой монодеятельности по поддержанию четкой внутригрупповой статусной иерархии.

Исследования М.Ю. Кондратьева внесли значительный вклад в понимание механизмов межличностных отношений, складывающихся в любых контактных сообществах. Так, например, в его работах впервые было проанализировано принципиальное различие «авторитета власти» и «власти авторитета», имеющее большое значение для изучения межличностных отношений

в различных ситуациях социального взаимодействия. На этой основе он разработал механизм формирования педагогического авторитета, позволяющий учителю оказывать эффективное влияние на всестороннее развитие ученика. Кроме того, М.Ю. Кондратьев разработал методические средства комплексной диагностики и анализа личностных и групповых феноменов, свойственных малым группам, функционирующим в том числе в образовательных учреждениях разного типа. Его исследования и практические разработки внесли большой вклад в развитие социальной психологии образования, он щедро делился своими креативными идеями, которые получили развитие не только в десятках диссертаций его аспирантов и соискателей, но и в работах сотрудников факультета.

М.Ю. Кондратьев разработал теоретические основы нового научного направления — социальной психологии развития, которая изучает особенности всестороннего развития личности с учетом ее внутригрупповых отношений и включенности группы членства в широкий социальный контекст. Социальная психология развития продолжает разрабатываться в исследованиях сотрудников факультета социальной психологии МГППУ.

М.Ю. Кондратьев — автор около 350 научных, научно-методических и научно-популярных публикаций, среди которых: «Социальная психология закрытых образовательных учреждений» (2005), «Психология отношений межличностной значимости» (2006), «Азбука социального психолога-практика» (2007), «Социальный психолог в обще-

образовательном учреждении» (2007), «Социальная психология в образовании» (2008) и др. Свою последнюю книгу — «Отечественное профессиональное психологическое сообщество. Штрихи к портрету поколения: персоналии, события, проблемы» (2015) — Михаил Юрьевич посвятил воспоминаниям о выдающихся отечественных психологах второй половины XX — начала XXI веков. В наши дни его книги продолжают переиздаваться («Социальная психология образования: учебное пособие для вузов» (2023), «Социально-психологическая служба в образовании» (2026)).

Михаил Юрьевич заложил традицию проведения в МГППУ регулярных научно-практических конференций, посвященных различным социально-психологическим проблемам. Продолжая ее, факультет социальной психологии в мае 2026 года организует уже XI ежегодную Международную научно-практическую конференцию памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики».

Михаил Юрьевич был талантливым, целеустремленным и независимым человеком, воплощением истинного авторитета личности, а не только социальной роли. Он высоко ценил эмоциональные отношения между людьми, поддерживал коллег и учеников, придерживался четких принципов: быть ответственным за коллектив и результат своей работы, помогать людям, ценить семью, своих друзей и учителей. Его мудрые советы помогали решать и профессиональные, и личные проблемы. Он оставил добрую память о себе, таким и будем помнить его.

Список основных работ М.Ю. Кондратьева / References

1. Кондратьев, М.Ю. (2005). *Социальная психология закрытых образовательных учреждений*. СПб.: Питер.
Kondratyev, M.Yu. (2005). *Social Psychology of Closed Educational Institutions*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.).
2. Кондратьев, М.Ю., Кондратьев, Ю.М. (2006). *Психология отношений межличностной значимости*. М.: ПЕР СЭ.
Kondratyev, M.Yu., Kondratyev, Yu.M. (2006). *Psychology of Significant Interpersonal Relationships*. Moscow: PER SE. (In Russ.).
3. Кондратьев, М.Ю., Ильин, В.А. (2007). *Азбука социального психолога-практика*. М.: ПЕР СЭ.
Kondratyev, M.Yu., Ilyin, V.A. (2007). *ABC of Social Psychologist- practitioner*. Moscow: PER SE. (In Russ.).
4. Кондратьев, М.Ю. (2007). *Социальный психолог в общеобразовательном учреждении*. М.: ПЕРСЭ.
Kondratyev, M.Yu. (2007). *Social Psychologist in a Comprehensive Educational Institution*. Moscow: PERSE. (In Russ.).
5. Кондратьев, М.Ю. (2008). *Социальная психология в образовании*. М.: ПЕР СЭ.
Kondratyev, M.Yu. (2008). *Social Psychology in Education*. Moscow: PER SE. (In Russ.).
6. Кондратьев, М.Ю. (2015). *Отечественное профессиональное психологическое сообщество. Штрихи к портрету поколения: персоналии, события, проблемы*. М.: Генезис.
Kondratyev, M.Yu. (2015). *The Russian Professional Psychological Community. Strokes to the Portrait of a Generation: Personalities, Events, Issues*. Moscow: Genезis. (In Russ.).
7. Кондратьев, М.Ю. (2023). *Социальная психология образования: учебное пособие для вузов*. (2-е изд.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2023). *Social Psychology of Education: A Textbook for Universities*. (2nd ed.). Moscow: Yurait. (In Russ.).
8. Кондратьев, М.Ю. (2026). *Социально-психологическая служба в образовании. Общеобразовательное учреждение: учебник для вузов*. (2-е изд.). М.: Юрайт.
Kondratyev, M.Yu. (2026). *Social and Psychological Services in Education. General Education Institution: A Textbook for Universities*. (2nd ed.). Moscow: Yurait. (In Russ.).

Информация об авторах

Ольга Борисовна Крушельницкая, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: krushelnickaayaob@mgppu.ru

Татьяна Юрьевна Маринова, кандидат биологических наук, декан факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Information about the authors

Olga B. Krushelnitskaya, Candidate of Science (Psychology), Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Department of Social Psychology, Moscow State University of

Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю. (2026)
Михаилу Юрьевичу Кондратьеву – 70 лет
Социальная психология и общество,
17(1), 228–233.

Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Yu. (2026)
Mikhail Yuryevich Kondratyev: 70th Anniversary
Social Psychology and Society,
17(1), 228–233.

Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: krushelnickayaob@mgppu.ru

Tatyana Yu. Marinova, Candidate of Science (Biology), Dean of Social Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1062-1391>, e-mail: marinovatu@mgppu.ru

Поступила в редакцию 16.02.2026

Поступила после рецензирования 19.02.2026

Принята к публикации 20.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2026.02.16

Revised 2026.02.19

Accepted 2026.03.20

Published 2026.03.30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207
Тел.: +7 (495) 608-16-27
+7 (495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Подписка на журнал

По объединенному каталогу «Пресса России» Индекс — 22209
Сервис по оформлению подписки на журнал
<https://www.pressa-rf.ru>
Интернет-магазин периодических изданий «Пресса по подписке»
www.akc.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409
Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Корректор *А.А. Буторина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*
Переводчик *П.Д. Мурзина*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
e-mail: spas2010@mgppu.ru

Subscription to the journal

According to the united catalogue “Press of Russia” Index — 22209
Service on subscription to the journal
<https://www.pressa-rf.ru>
Internet-shop of periodical editions “Subscription press”
www.akc.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: k-409rio@list.ru
Technical editor *А.А. Буторина*
Maker-up *М.А. Баскакова*
Translator *П.Д. Мурзина*